ГИБЕЛЬ ЛЮ ШАОЦИ

Ю.М.ГАЛЕНОВИЧ

ЛИДЕРЫ КИТАЯ XX ВЕКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Монография доктора исторических наук, профессора Юрия Михайловича Галеновича посвящена последним годам жизни и деятельности председателя КНР, заместителя председателя ИК КПК Лю Шаоци, предпринявшего попытку осуществить в КНР в 1960-х годах ряд реформ и доведенного до гибели во время маоцзэдуновской «культурной революции». Это первая книга из цикла подготовленных автором работ, посвященных лидерам Китая XX века, в который входят также: «Путешествие на родину Дэн Сяопина»; «Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши»; «Мао Цзэдун и его близкие». Научное издание.

- Ю.М. Галенович
  -
  - Введение
  - Вехи
  - Расхождения
  - Последние деяния
  - Отстранение
  - Встреча во мраке
  - Изоляция
  - Мученичество
  - Отлучение
  - Предгробовое молчание
  - Гибель
  - Послесловие
  - Воспоминания
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146

- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175

Ю.М. Галенович
Гибель Лю Шаоци

Моей жене и сыновьям в память
о времени, когда мы жили в Китае.

Автор

Введение

1 октября 1949 г. в Пекине было объявлено о создании нового китайского государства — Китайской Народной Республики. В континентальном Китае считается, что отцами-основателями этого государства были четыре руководителя Коммунистической партии Китая: Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и Лю Шаоци. О трагической судьбе одного из них, а именно Лю Шаоци, и рассказывается в этой книге.

Полвека существования КНР не были безмятежным временем. Государство и партия в Китае не функционировали как отлаженный механизм, подчиненный чьей-либо единоличной власти, а диктатура Мао Цзэдуна не всегда была безграничной. Отмечая главные достижения своей политической карьеры, он говорил, что «совершил два дела. Первое — сверг Чан Кайши и изгнал его на Тайвань, одержал победу над японским империализмом и избавил от него Китай. Второе — победоносно осуществил великую пролетарскую культурную революцию»[1].

Следовательно, с точки зрения Мао Цзэдуна, он вел смертельную борьбу дважды: сначала за взятие власти, затем за возврат себе абсолютной власти в стране. И в том и в другом случае в Китае существовала или возникала альтернатива единоличному правлению Мао Цзэдуна.

В 1959 г., спустя десять лет после провозглашения КНР, стало очевидно, что в результате проводимой Мао Цзэдуном политики осуществления «большого (или, точнее и ближе к мысли Мао Цзэдуна, великого) скачка» и создания в китайской деревне «народных коммун» экономике страны был нанесен большой ущерб. Погибли миллионы и миллионы китайцев. Под давлением объективных обстоятельств Мао Цзэдун был вынужден отойти на политической сиене на второй план, как бы уйти в тень или, пользуясь принятым в КПК-КНР выражением, «переместиться на вторую линию», передав бразды правления (конечно, не в полном объеме) другим руководителям партии, вынужденным решать трудные задачи по преодолению тяжких последствий претворения в жизнь ряда идей вождя. Сам Мао Цзэдун со своими ближайшими приверженцами занял тогда некое подобие позиции заградотряда, который расположился позади основной линии фронта, где кипела напряженная практическая работа, чтобы иметь возможность карать тех, кто, по мнению Мао Цзэдуна, посмел бы выйти за рамки указанного им направления.

После того как Мао Цзэдун, будучи председателем и «КПК, оставил пост председателя КНР, на который в апреле 1959 г. был

избран Лю Шаоци, в стране почти девять лет, вплоть до 1968 г., одновременно были «два председателя»: председатель ЦК КПК Мао Цзэдун и председатель КНР Лю Шаоци.

Именно Лю Шаоци пришлось взять на себя все бремя ответственности за руководство страной и возглавить работу по исправлению тяжелого положения в народном хозяйстве, сложившегося в результате проведения политики «большого скачка», «народных коммун» и «генеральной линии партии».

Лю Шаоци, как и другие руководители партии, тоже оказался причастен к проведению Мао Цзэдуном экспериментов над своим народом, В течение определенного времени он либо разделял некоторые взгляды и идеи Мао Цзэдуна, либо был вынужден следовать за ним и, конечно же, несет свою долю ответственности за случившееся. Но внутри руководящего ядра правившей в КНР политической партии, т. е. в ЦК КПК, рядом с Мао Цзэдуном оказались реалистически мыслящие политические деятели (к ним, несомненно, следует отнести и Лю Шаоци), которые не только поняли необходимость исправления сложившейся ситуации, но и взялись за это на практике, причем не слишком оглядываясь на Мао Цзэдуна. Проводившаяся ими политика могла стать исходной базой для трансформации всего политического курса партии и государства в интересах народа. Но при этом их деятельность неизбежно вступала в противоречия с идеями Мао Цзэдуна.

Именно Лю Шаоци и его сторонникам вместе с находившейся под его непосредственным руководством частью партийно-государственного аппарата удалось за три-пять лет в какой-то мере выправить экономическое положение в стране, а также решиться на постановку вопроса о том, что и в политической жизни партии и страны «перед истиной все равны».

Иначе говоря, в начале 60-х годов политике Мао Цзэдуна объективно был брошен вызов. Фактически многие ее элементы были отвергнуты на практике. Хотя при этом заговора с целью устранения Мао Цзэдуна от власти или лишения его официальной позиции единственного вождя и высшего руководителя партии и страны не существовало. Никто не поставил под сомнение положение Мао Цзэдуна как «человека номер один» в КПК и в КНР.

И все же в общественном сознании формировалось довольно устойчивое представление, что дела в КНР пошли лучше благодаря тому, что работу возглавлял не один вождь, а Нейтральный комитет партии; при этом начали звучать заявления, что именно заместитель председателя ЦК КПК, председатель КНР Лю Шаоци, генеральный секретарь и К КПК,

заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин и член Политбюро ЦК КПК мэр Пекина Пэн Чжэнь — «вот кто и есть ЦК»[2].

Постепенно, но последовательно Мао Цзэдун как бы вытеснялся из текущей политической жизни, отходил в историю, в прошлое. Стремясь воспрепятствовать такому развитию событий, он вместе со своими ближайшими приверженцами задумал то, что можно назвать политическим переворотом с китайской спецификой, А точнее, на протяжении первой половины 60-х годов готовился политический переворот по-маоцзэдуновски, Он-то и вошел в историю под названием «великая пролетарская культурная революция» Мао Цзэдуна.

При проведении «культурной революции» главными помощниками Мао Цзэдуна, особенно в том, что касалось партийно-государственного аппарата, стали Чжоу Эньлай и Кан Шэн. Они олицетворяли как бы две руки, которые по мере необходимости то попеременно, то одновременно использовал Мао Цзэдун.

Одна рука — Чжоу Эньлай — в бархатной перчатке, внешне обходительная и чуть ли не предназначенная по преимуществу для компромиссов, но по сути дела мягкими, гибкими методами добивавшаяся беспрекословного повиновения и побуждавшая поступать строго в соответствии с планами Мао Цзэдуна. Для Чжоу Эньлая, не имевшего друзей, существовал один вождь — Мао Цзэдун, ради исполнения требований которого он был готов на любые действия против любого человека, пусть даже старого «товарища по партии». Человеческие чувства или принципиальная позиция для Чжоу Эньлая исключались. Их заменяла только политическая необходимость, возникавшая в соответствии с желанием и волей Мао Цзэдуна. По всей вероятности, Чжоу Эньлай при этом исходил главным образом из стремления сохранить свою жизнь и собственное положение на вершине пирамиды власти рядом с Мао Цзэдуном, всегда оставаясь нужным ему и никогда не претендуя не только на первое место, но даже на положение формально второго человека в партии и в государстве.

Другая рука Мао Цзэдуна — Кан Шэн, которого, кстати сказать, называли в КНР «китайским Берия», — это рука железная, предназначенная для грубого физического принуждения людей к покорности. Он всегда был нацелен на то, чтобы сломать волю человека и заставить его выполнить все то, чего требовал Мао Цзэдун, или, если именно это было в планах его вождя, физически, причем самым мучительным способом, тайно или, наоборот, демонстративно, устранить любого человека

вне зависимости от того, действительно ли тот преднамеренно выступал против Мао Цзэдуна или делал это неосознанно (либо этого вообще не было, но Мао Цзэдуну показалось, что этот человек потенциально или скрытно настроен против него). Кан Шэн снимал подозрения Мао Цзэдуна, действуя по известному принципу: «нет человека — нет проблемы».

Кроме того, для конкретного воплощения в жизнь планов «культурной революции» Мао Цзэдун привлек своих подручных, возглавивших так называемый «штаб» «культурной революции» — Группу по делам культурной революции ЦК КПК (ГКР). На них было возложено руководство главным образом внепартийными «массовыми революционными организациями», созданными по призыву Мао Цзэдуна для борьбы против тех работников партии и государства, кого Мао Цзэдун оценивал как своих противников внутри КПК.

Мао Цзэдуну также удалось предотвратить возможность взаимодействия значительной части работников партийно-государственного аппарата, которых он подозревал в противодействии его идеям, с армией, с министерствами обороны и общественной безопасности страны. Во время «культурной революции» эти силовые ведомства служили Мао Цзэдуну, в необходимых случаях выступая в качестве его главного орудия.

В ходе «культурной революции» Мао Цзэдун добился успеха в том смысле, что ему удалось физически уничтожить Лю Шаоци и других партийных руководителей, сохранить и упрочить свое положение единоличного диктатора в партии и стране. В то же время взять идейный реванш Мао Цзэдун не смог, так как его экономические и политические воззрения не отвечали объективным интересам страны. Лишив Лю Шаоци жизни, Мао Цзэдун одержал только временную победу. Большего ему сделать не удалось.

Обращение к жизнеописанию Лю Шаоци, к последним годам его жизни позволяет глубже разобраться и в том, как Мао Цзэдун относился к конкретному человеку, к людям вообще и что хоть в какой-то мере соответствую шее чаяниям народа оказывалось возможным сделать в Китае даже тогда, когда он был всесилен.

Итак, деятельность Лю Шаоци и деятельность Мао Цзэдуна — это альтернативы развития континентального Китая в 60-х годах, а сам Лю Шаоци — это альтернатива Мао Цзэдуну. Лю Шаоци, занимая второй по значению пост в партийной верхушке и будучи главой государства, объективно оказался самым высокопоставленным инакомыслящим внутри руководства КПК.

В Китае традиционно придают большое значение тому, как человек завершил свой жизненный путь. Обращение к последним

годам жизни Лю Шаоци представляется важным и по этой причине.

Но прежде вкратце изложим основные этапы политического пути Лю Шаоци до «культурной революции» в КНР. Он ведь был далеко не случайным человеком на китайском политическом Олимпе, и в его прошлом заложены причины будущих достижений и гибели.

Вехи

Итак, бросим взгляд на основные вехи политической биографии Лю Шаоци на пути к посту председателя КНР и заместителя председателя ЦК КПК[3].

Будучи на пять лет моложе Мао Цзэдуна и на шесть лет старше Дэн Сяопина, он принадлежал к первому поколению руководителей Компартии Китая.

Лю Шаоци родился 24 ноября 1898 г. на юге Китая в уезде Нинсян провинции Хунань (Лю Шаоци и Мао Цзэдун — земляки). Он был младшим ребенком в многодетной семье своего отца — школьного учителя, у которого было еще четыре сына и две дочери. Закончив неполную среднюю школу, Лю Шаоци затем учился в педагогическом училище в городе Чанша и в 1917 г. в городе Баодине (провинция Хэбэй) поступил на курсы, где молодые люди готовились к поездке на учебу во Францию. Кстати, именно на этих курсах Лю Шаоци приобрел практические навыки рабочего-станочника.

Сделав свой политический выбор, он с 1919 г. в ходе «движения 4 мая» включился в революционную деятельность в Пекине и начал мечтать о поездке не во Францию, а в Советскую Россию. В 1920 г. в возрасте 22 лет Лю Шаоци вступил в Социалистический союз молодежи Китая, созданный при активном содействии одного из представителей Коминтерна в Китае Г. Н. Войтинского. Первые уроки русского языка Лю Шаоци брал у жены Г. Н. Войтинского в штаб-квартире Союза молодежи, находившейся во французском сеттльменте Шанхая. Тогда же он получил первые сведения о социализме, услышал о К.Марксе, Ф,Энгельсе, В.И.Ленине, там же поступил в школу иностранных языков.

В конце 1920 г. Лю Шаоци оказался в числе восьми молодых людей, отобранных для учебы в Советской России. Весной 1921 г. он в составе первой группы выпускников упомянутой школы через Владивосток и Читу прибыл в Москву. В 1921–1922 гг. Лю Шаоци обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока, продолжая, в частности, изучать русский язык.

В России это было трудное время. Однако Лю Шаоци не роптал, не жаловался на голод и холод, не был подвержен перепадам настроения, как многие его товарищи, впадавшие в то время то в возбуждение, то в депрессию. Вскоре его соученики поняли, что таковы присущие ему от рождения свойства характера. Хотя некоторые и считали его слишком мрачным, но это скорее свидетельствовало о его постоянной

сосредоточенности на работе и необыкновенной серьезности.

Лю Шаоци. 1964 г.

В Москве Лю Шаоци стал членом Коммунистической партии Китая. Возвратившись в 1922 г, на родину, он начал работать в профсоюзах под началом одного из видных членов КПК Чжан Готао. Между ними сразу же сложилась определенная модель взаимоотношений: Лю Шаоци, не занимая официально высшей руководящей должности, практически вел всю повседневную черновую работу, был, что называется, «рабочей лошадкой». Такой вариант и в дальнейшем всегда устраивал и самого Лю Шаоци, и тех, у кого он находился в подчинении.

В сентябре 1922 г. Лю Шаоци под руководством другого известного деятеля КПК, Ли Лисаня, налаживал деятельность профсоюзов на угольных копях в Аньюане. Именно тогда он ощутил близость к людям физического труда; понимание их интересов было отличительной чертой всей последующей политической деятельности Лю Шаоци. В Аньюане проявились его большие организаторские способности. Для первых по рангу руководителей, которые предпочитали заниматься разработкой и

выдвижением руководящих идей, вопросами идеологии и агитации, а повседневную скрупулезную работу передоверяли другим, Лю Шаоци был сушей находкой. Это была работа для него, здесь расцветали его таланты. Уже тогда проявились такие личные качества Лю Шаоци, как аккуратность, сдержанность и безграничное терпение.

В середине сентября 1922 г. Лю Шаоци помог Ли Лисаню организовать вошедшую в историю китайского рабочего движения забастовку шахтеров в Аньюане, в которой приняли участие 20 тыс. шахтеров и полторы тысячи железнодорожников Гуанчжоу-Ханькоуской железной дороги. Всего же в профсоюзной организации этого района страны насчитывалось более 100 тыс. членов, многие из которых в дальнейшем участвовали в деятельности КПК. Забастовка в Аньюане обогатила Лю Шаоци опытом и в то же время высветила присущий ему стиль работы. Энтузиазм аньюаньских шахтеров был высок. Они с воодушевлением поднимались на борьбу, однако объективный анализ положения показывал, что забастовка обречена на поражение. Решая вопрос о том, как поступить в этой ситуации, Лю Шаоци считал необходимым следовать принятому в КПК принципу демократического централизма. Если бы он не подчинился требованиям шахтеров начать забастовку, то оказался бы оторван от масс. В качестве председателя избранного к тому времени стачечного комитета Лю Шаоци сделал заявление о том, что забастовка может закончиться провалом, но в соответствии с волей большинства и с желанием людей объявил о ее начале. В дальнейшем Лю Шаоци энергично руководил забастовкой, и, несмотря на неудачный исход, благодаря его усилиям потери оказались не столь значительными, какими могли быть при иных обстоятельствах. Таким образом, в самом начале своей деятельности, в возрасте всего 24 лет, Лю Шаоци столкнулся с ситуацией, когда приходится подчиняться воле большинства, отдавать все силы делу, обреченному, по его мнению, на поражение. В этих обстоятельствах Лю Шаоци не скрывал свои взгляды, изложил партийной организации свои соображения относительно возможного развития событий, оставаясь, однако, в одном строю с рабочими. Лю Шаоци возглавлял профсоюзную организацию Аньюаньских копей с начала 1923 г. до начала 1925 г.

Выполняя решение КПК, Лю Шаоци в 1923 г. в индивидуальном порядке вступил в партию Гоминьдан. Он вел работу одновременно в двух ипостасях: официально, как представитель партии Гоминьдан, и нелегально, в качестве члена Компартии Китая в городе Чанша (провинция Хунань), на

Ханьепинском металлургическом комбинате.

Весной 1925 г. Лю Шаоци, находясь в городе Гуанчжоу, принимал участие в подготовке состоявшегося в мае 1925 г. II Всекитайского съезда профсоюзов, на котором он был избран одним из заместителей председателя созданной тогда Всекитайской федерации профсоюзов. В Шанхае под руководством Ли Лисаня он стал одним из организаторов демонстраций протеста в рамках «движения 30 мая». В этот день, 30 мая 1925 г., полиция британского сеттльмента в Шанхае открыла огонь по безоружным демонстрантам, рабочим и студентам; имелись человеческие жертвы. Демонстрации протеста в Шанхае разрослись тогда во всекитайское массовое движение.

Когда штаб Всекитайской федерации профсоюзов был разогнан, Ли Лисань и Лю Шаоци отправились из Шанхая в Ухань. По пути, в городе Чанша, Лю Шаоци на короткое время был арестован. Через некоторое время он прибыл в город Гуанчжоу, где участвовал в организации продолжавшейся 16 месяцев Сянган-Гуанчжоуской забастовки 1925–1926 гг. Затем Лю Шаоци принял участие в Северном походе армии Гоминьдана, выступившей с юга на север Китая с целью объединения страны, на борьбу с местными милитаристами. Когда армия Северного похода освободила город Ухань, он был назначен заведующим организационным отделом и секретариатом Совета профсоюзов провинции Хубэй. Прибыв в Ухань раньше Ли Лисаня, Лю Шаоци организовал целую серию выступлений протеста и рабочих забастовок. Итак, в 20-х годах Лю Шаоци приобрел ценный опыт работы в профсоюзном и рабочем движении, выдвинувшись в число видных руководителей китайских профсоюзов и рабочего класса Китая.

В дальнейшем Лю Шаоци сосредоточился на подпольной работе в так называемых «белых районах», т. е. в тех провинциях Китая, которые находились под властью правительства Китайской Республики. Это произошло после событий 1925–1927 гг., прихода Чан Кайши к власти и волны репрессий, которые обрушились на членов КПК. Перейдя на нелегальное положение, Лю Шаоци продолжал свою деятельность сначала в районе Уханя, затем в Шанхае. В июне 1926 г. он был направлен в качестве особоуполномоченного ЦК КПК в партийный комитет провинции Хубэй, став одним из лидеров рабочего движения в Северном Китае. В это время он познакомился со многими будущими соратниками по партии, в частности с Пэн Чжэнем. На V съезде КПК, состоявшемся в городе Ханькоу в мае 1927 г., Лю Шаоци стал членом ЦК Компартии Китая и тогда же был назначен

заведующим отделом рабочего движения ЦК КПК. Таким образом, к 30-м годам Лю Шаоци был признанным в китайской компартии организатором рабочего движения в стране.

В июле 1929 г. Лю Шаоци был переведен на работу в Маньчжурию, где стал секретарем партийного комитета провинции. В августе того же года он был арестован генералом Чжан Сюэляном, военным правителем этого региона Китая.

Летом 1930 г. Лю Шаоци командируется в Москву для участия в V конгрессе Красного Профинтерна, избирается членом Исполнительного бюро Профинтерна и на некоторое время остается в Москве для работы в Красном Профинтерне.

Осенью 1931 г., по возвращении в Китай он назначается заведующим отделом профсоюзов ЦК КПК и секретарем партийной фракции Всекитайской федерации профсоюзов. В январе 1931 г. на IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва Лю Шаоци был заочно избран кандидатом в члены Политбюро ИК КПК, в сентябре 1931 г. введен в состав членов Временного Политбюро ЦК КПК. После оккупации японцами Маньчжурии (сентябрь 1931 г.) Лю Шаоци принимал активное участие в организации студентов и рабочих для проведения антияпонских акций в Северо-Восточном Китае. В ноябре 1931 г. на I Всекитайском съезде представителей советских районов Китая Лю Шаоци был избран членом ПИК Китайской Советской Республики.

Зимой 1932 г. он был отозван из Маньчжурии и прибыл на Центральную революционную опорную базу (на стыке провинций Цзянси и Фуцзянь), назначен председателем Всекитайской федерации профсоюзов (в этой должности оставался до 1948 г.). Здесь Лю Шаоци провел два года, организуя работу арсеналов, производивших простейшие виды вооружения для рабоче-крестьянской Красной армии Китая.

Весной 1934 г. Лю Шаоци был назначен секретарем комитета КПК провинции Фуцзянь. С октября 1934 г. принимал участие в переходе Красной армии Китая на северо-запад страны.

В январе 1935 г. Лю Шаоци участвовал в расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи (провинция Гуйчжоу), на котором Мао Цзэдун занял место высшего руководителя Коммунистической партии Китая. Во время перехода в сентябре-октябре 1935 г. 1-й армии под командованием Пэн Дэхуая в советский район Северной Шэньси Лю Шаоци был начальником ее политотдела. 9 декабря 1935 г. в Пекине началось движение студентов, протестовавших против позиции правительства страны по отношению к разворачивавшейся тогда агрессии Японии против Китая. Это движение было довольно успешным, причем в определенной степени благодаря тому, что Лю Шаоци, который в

мае 1935 г. был назначен заведующим отделом ЦК КПК по работе в районах, находившихся под властью Гоминьдана, избрал верную тактику деятельности в «белых районах». При помощи Пэн Чжэня и Ань Цзывэня он наладил связи в студенческой среде и убедил многих студентов вступить в Коммунистический Союз молодежи Китая.

В этот же период по инициативе Лю Шаоци ЦК КПК, учитывая необходимость сосредоточить все силы найми на оказании отпора агрессии со стороны Японии, принял решение позволить партийным активистам, находившимся в то время в гоминьдановских тюрьмах, согласиться с требованием властей и подписать обязательства не вести антиправительственную деятельность, так как в этом случае им гарантировалось освобождение. В числе этих людей, получивших возможность выйти из тюрем и активно включиться в работу, были будущие видные политические деятели, члены Политбюро ЦК КПК и министры КНР Бо Ибо, Лю Ланьтао, Яо Илинь и др. (впоследствии они подверглись репрессиям в ходе «культурной революции»).

Весной 1936 г. Лю Шаоци был направлен уполномоченным ЦК КПК в город Тяньцзинь, где и возглавил работу Бюро ЦК КПК по Северному Китаю. Главной задачей Лю Шаоци в то время было установление связей с воинскими частями сражавшейся против японцев китайской армии, чтобы усилить в этих частях влияние Компартии Китая. В этот период он всемерно способствовал образованию единого общенационального антияпонского фронта в Шаньси, Хэбэе, Пекине, Тяньцзине, а также росту численности членов Федерации студентов Северного Китая.

В период Войны Сопротивления Японии (1937–1945) Лю Шаоци возглавил работу по созданию в тылу японцев опорных баз для борьбы против агрессии. Успех в этом деле стал возможен благодаря его характеру, немногословию, необыкновенной трудоспособности, умению анализировать и составлять документы.

Тактика работы Лю Шаоци в «белых районах» заключалась в том, чтобы действовать, занимая главным образом оборонительные позиции, и полагаться преимущественно на легальные методы работы, т. е. опираться на организации, которые выглядели неприметно, существовали легально, но тайно осуществляли деятельность в интересах КПК. большое внимание Лю Шаоци также уделял координации подпольной работы в городских районах с вооруженными действиями в сельской местности. Он делал упор на мобилизацию масс, на работу на низовом уровне, но в то же время стремился сплачивать и высокообразованных людей, видных представителей

интеллигенции — всех тех, с кем можно было вступить в союз и кто сам был способен пойти на взаимодействие с коммунистами. Лю Шаоци умело использовал противоречия в стане противника, настраивая одних, менее опасных врагов против других, гораздо более опасных.

В апреле 1937 г., выступая перед студентами в районах, находившихся под властью Гоминьдана, Лю Шаоци говорил о том, что наступило время для легализации прежней скрытой деятельности и развития массового движения; Более того, он добавил, что Война Сопротивления Японии стала неизбежной, поэтому надо быть готовыми вести партизанские действия против захватчиков в Северном Китае.

После начала Войны Сопротивления Японии (7 июля 1937 г.) Лю Шаоци перевел Бюро ЦК КПК по Северному Китаю в город Тайюань— штаб-квартиру губернатора провинции Шаньси Янь Сишаня, который одновременно был и командующим войсками Китайской Республики в этом регионе страны. В Тайюане Лю Шаоци играл одну из центральных ролей при принятии дипломатических решений в рамках единого фронта между КПК и партией Гоминьдан Китая в ходе Войны Сопротивления Японии. Лю Шаоци, подчинив формально свою организацию командованию Янь Сишаня, по существу, однако, стремился таким образом направлять его действия, чтобы они отвечали общим интересам китайской нации.

В 1938–1939 гг. Лю Шаоци работал в Якьани в качестве руководителя отдела по подготовке кадровых работников (его пещера была рядом с той, в которой жил и работал Мао Цзэдун). Лю Шаоци действовал в тесном сотрудничестве с организационным отделом ЦК КПК, выполняя также обязанности секретаря Бюро ЦК КПК по Центральному Китаю, а затем и секретаря Комиссии ЦК КПК по профдвижению. В течение этих двух лет он преподавал историю КПК в Яньаньской партийной школе. Серия лекций на эти темы и составила впоследствии основу известной работы Лю Шаоци «О самовоспитании коммуниста» (или «Как быть хорошим коммунистом»), В этой работе Лю Шаоци стремился соединить понятие нравственности в ее коммунистическом толковании с китайскими традициями; он считал, что в ходе практической борьбы коммунист должен постоянно заниматься самовоспитанием, безоговорочно подчиняя личные интересы интересам партии; он также призывал действовать в соответствии с принципами, но в случае необходимости идти на компромиссы, сохраняя равновесие между ними.

Когда в 1941 г. командующий Новой 4-й армии коммунист Е

Тин был взят в плен войсками Гоминьдана, а политический комиссар этой армии Сян Ин убит, ЦК КПК назначил исполняющим обязанности командующего Новой 4-й армии Чэнь И, а ее политкомиссаром — Лю Шаоци. На этом посту Лю Шаоци стремился преобразовать входившие в нее отряды в профессиональные армейские подразделения, а также способствовать завоеванию армией новых территорий. Одновременно Лю Шаоци, будучи секретарем Бюро ЦК КПК по Центральному Китаю, придавал большое значение созданию органов власти в освобожденных районах и учреждению на всей этой территории партийных ячеек. Таким образом, Лю Шаоци был твердо убежден в том, что следует, укрепляя единый фронт с Гоминьданом, в союзе с ним вести войну против японских агрессоров и параллельно отстаивать классовые интересы, учреждая в опорных базах свою власть.

В конце 1942 г. Лю Шаоци был переведен на работу в Яньань и принял активное участие в проводившемся в КПК «движении за исправление стиля работы» (*чжэнфэн*), нацеленном на утверждение безоговорочного авторитета Мао Цзэдуна внутри партии. В качестве одного из важнейших документов, изучавшихся в ходе этого движения, использовалась изданная лекция Лю Шаоци «О борьбе внутри партии», в которой, в частности, говорилось о необходимости критики и самокритики внутри партии, а также о сочетании в отдельных случаях принципиальной борьбы и компромиссов, Лю Шаоци оставался в Яньани вплоть до конца антияпонской войны, за исключением кратковременного визита в Шаньдун и Хэбэй, и продолжал напряженно работать, укрепляя опорные базы КПК в тылу врага.

В течение многих лет Лю Шаоци также содействовал развитию промышленного производства в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Оценивая эти достижения, он отмечал, что за десять лет, с 1935 по 1945 г., удалось существенно расширить промышленную базу в этом районе: если в 1935 г. там были мелкие ремонтные мастерские с десятками рабочих, то в 1945 г. на промышленных предприятиях рабочих было уже более 10 тыс.

Итак, вполне очевидно, что есть основания говорить о том, что Лю Шаоци в 30-х и в первой половине 40-х годов превратился в одного из высших руководителей партии в районах, находившихся под властью Гоминьдана или японцев. Деятельность, которую он осуществлял в эти годы, позволила ему наладить многочисленные и прочные связи с широким кругом руководящих партийных работников и в Северном, и в Восточном Китае. За период 1937–1950 гг. Лю Шаоци создал партийный аппарат на громадной территории — от р. Янцзы до Маньчжурии

и от Восточно-Китайского моря до верховьев р. Хуанхэ, а численность членов партии возросла соответственно с 40 тыс. до 5 млн. 800 тыс.

В апреле 1943 г. Лю Шаоци стал членом Секретариата ЦК КПК, состоявшего в то время из пяти человек: Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Чжоу Эньлая, Жэнь Биши и Лю Шаоци. Тогда же он был назначен заместителем председателя Революционного военного совета (председателем совета был Мао Цзэдун). Заняв эти посты, Лю Шаоци, по сути дела, начал осуществлять руководство повседневной работой ЦК КПК.

В марте 1945 г. на VII съезде КПК, где Лю Шаоци выступил с докладом «О внесении изменений в Устав партии», он был избран членом Политбюро и членом Секретариата ЦК КПК. Когда Мао Цзэдун вылетал на переговоры с Чан Кайши в Чунцин, Лю Шаоци с 28 августа по 10 октября 1945 г. выполнял обязанности председателя ЦК КПК. В это время Лю Шаоци ведал работой Организационного отдела ЦК КПК и уже занимал в КПК положение второго лица, хотя при голосовании на VII съезде партии был третьим по числу набранных голосов, вслед за Мао Цзэдуном и Чжу Дэ.

В марте 1947 г., когда войска Мао Цзэдуна были вынуждены оставить Яньань, Политбюро ЦК КПК оказалось разделенным на две части. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Жэнь Биши остались в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинея. Лю Шаоци, Чжу Дэ и остальные члены ЦК партии перебрались в пограничный район Шаньси-Чахар-Хэбэй. Лю Шаоци был секретарем Рабочего комитета ЦК Компартии Китая и со своей группой оставался в городе Шицзячжуане на юге провинции Хэбэй вплоть до того времени, когда туда же прибыл Мао Цзэдун, и обе группы членов Политбюро ЦК КПК воссоединились в мае 1948 г.

Летом 1949 г. во главе делегации КПК Лю Шаоци третий раз в своей жизни побывал в Москве, где в преддверии создания КНР вел с И.В.Сталиным переговоры по самому широкому кругу вопросов, касающихся предстоящего развертывания сотрудничества между двумя партиями и государствами. В сентябре 1949 г. Лю Шаоци участвовал в работе первой сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Он был избран заместителем председателя Центрального народного правительственного совета КНР, заместителем председателя Народного революционного военного совета КНР, членом Постоянного комитета Всекитайского комитета НПКСК. В декабре 1949 — феврале 1950 г., когда Мао Цзэдун находился в СССР, Лю Шаоци заменял его, в частности председательствовал на пятом заседании Центрального

народного правительственного совета КНР. В марте 1951 г. снова руководил работой Центрального народного правительственного совета КНР во время болезни Мао Цзэдуна.

В 1949–1953 гг, Лю Шаоци был вице-председателем Всемирной федерации профсоюзов.

В 1952 г. возглавлял делегацию КПК на XIX съезде КПСС. Это был его четвертый визит в нашу страну.

С 1945 по 1955 г. Лю Шаоци был членом Секретариата ЦК КПК.

Лю Шаоци возглавлял комиссию по выработке Конституции КНР и представил доклад о ее работе на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в сентябре 1954 г., которая и приняла тогда же Конституцию КНР.

С сентября 1954 по апрель 1959 г. Лю Шаоци был председателем Постоянного комитета ВСНП.

В сентябре 1956 г. он выступил с политическим докладом ЦК партии VIII съезду КПК. На I пленуме ЦК КПК 8-го созыва был избран членом Политбюро, членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместителем председателя ЦК КПК.

В 1957 г. Лю Шаоци выступил с речью в связи с 40-й годовщиной Октябрьской революции в России.

В мае 1958 г. на второй сессии VIII съезда КПК выступил с докладом о работе ЦК КПК.

В апреле 1959 г. на первой сессии ВСНП 2-го созыва Лю Шаоци был избран председателем Китайской Народной Республики, председателем Государственного комитета обороны КНР.

В 1965 г. Лю Шаоци был переизбран председателем Китайской Народной Республики на второй срок.

В 1960 г. Лю Шаоци во главе делегации КПК участвовал в работе Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, а также в юбилейных мероприятиях по случаю 43-й годовщины Октябрьской революции в России. В этой поездке по СССР его сопровождал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И.Брежнев.

Вехи жизни и деятельности Лю Шаоци — это ступени восхождения к вершине горы по крутой тропе. Наделенный от природы выдающимися способностями, он умел главное — осмыслить сложившуюся ситуацию и наилучшим образом организовать работу для решения все новых и новых задач.

Лю Шаоци, не обремененному склонностями, которые могли бы отвлечь его от главного дела жизни, ничто не мешало быть безупречным руководителем. Для своих коллег и соратников по партии он был человеком, лишенным слабостей.

Оказываясь на труднейших участках работы, Лю Шаоци всегда или почти всегда справлялся с возникавшими проблемами. Такой руководитель объективно был необходим партии. Поэтому к моменту прихода КПК к власти в стране он по праву занял в ней место «руководителя номер два», а в последующие годы стал более нужным стране, государству и партии, чем Мао Цзэдун.

Лю Шаоци, обладая умением руководить партией и страной в мирное время, в деле строительства, заменил Мао Цзэдуна на «посту номер один» в качестве председателя Китайской Народной Республики отнюдь не случайно — такова была логика естественного развития событий.

Вехи биографии Лю Шаоци — это закономерное продвижение талантливого лидера к «своему месту» в истории.

Расхождения

Итак, перейдем к рассмотрению политической деятельности Лю Шаоци в последние годы его жизни.

1966 год начался для Лю Шаоци крайне неудачно. В начале года он перенес тяжелую болезнь. Ему удалось поправиться и вернуться к работе, но он понимал всю серьезность заболевания и говорил в кругу семьи: «Как видно, жить мне осталось недолго. За это короткое время нужно постараться сделать побольше. Если бы Маркс дал мне еще десять лет, то мы смогли бы добиться того, чтобы Китай превратился в богатое и сильное государство»[4].

В это время Лю Шаоци было всего 67 лет. Он занимал посты председателя Китайской Народной Республики и заместителя председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. В течение ряда лет Лю Шаоци руководил повседневной работой ЦК Компартии Китая и китайского государства. Он был общепризнанным «человеком номер два» и в партии, и в стране. Более того, к середине 60-х годов в КНР складывалось положение, когда в стране были фактически два вождя, «два председателя». Лю Шаоци начинал выдвигаться на роль лидера, не уступавшего Мао Цзэдуну ни по авторитету среди членов партии и населения страны, ни по масштабам реальной власти, сконцентрированной в его руках. Не случайно начальник генерального штаба НОАК Ло Жуйиин, выступая 29 декабря 1964 г. на первой сессии ВСНП 3-го созыва, назвал Мао Цзэдуна и Лю Шаоци «вождями партии»[5].

В начале 1965 г. Лю Шаоци был переизбран председателем КНР на второй срок. Это означало всеобщее признание того факта, что он и другие руководители партии и страны проделали в первой половине 60-х годов огромную работу по ликвидации последствий обрушившихся на КНР стихийных бедствий 1959–1961 гг. на фоне глубокого кризиса, в котором непосредственно перед этим оказалась экономика страны из-за «большого скачка», «народных коммун», «генеральной линии», — т. е. в результате политики «трех красных знамен» Мао Цзэдуна.

В начале 60-х годов ЦК КПК под руководством Лю Шаоци сосредоточил свои усилия на выправлении положения в хозяйстве страны. После провала «большого скачка» Лю Шаоци заявил: «Экономика КНР стоит на грани краха, в ней существуют диспропорции; на 70 % в этом виноваты люди (т. е. политика прежде всего Мао Цзэдуна, но и в целом ЦК КПК того времени, включая и самого Лю Шаоци. — *Ю.Г.*), а на 30 % — стихийные бедствия»[6]. Тем самым Лю Шаоци свел на нет намерения некоторых приверженцев Мао Цзэдуна снять вопрос о его

персональной ответственности, свалив всю вину за бедственное положение в стране на «стихийные бедствия».

Несмотря на убежденность Лю Шаоци в том, что все руководители КПК, включая Мао Цзэдуна и его самого, должны нести каждый свою долю ответственности за несчастья народа, за голод и смерть миллионов людей, он был настроен не на «продолжение революции» и разрушение «всего старого», а на строительство. Выдвинутый в первой половине 60-х годов курс на «урегулирование, укрепление, пополнение, повышение» в сфере экономики страны отражал именно стремление эволюционным путем решать исключительно созидательные задачи и позволил успешно преодолевать последствия политики «трех красных знамен» и трех лет стихийных бедствий.

К 1965 г. наметилась положительная тенденция в состоянии экономики страны. Люди стали чуть лучше питаться[7]. Возникла возможность возобновления развития экономики по соответствующим планам. 1966 год должен был стать первым годом третьей пятилетки. Лю Шаоци и другие руководители страны были намерены сосредоточить усилия на создании базы для модернизации страны[8] и после перерыва в плановом ведении хозяйства (1960–1965) снова приступить к выполнению задач хозяйственного строительства, рассчитанного на долгие годы, причем в мирных международных условиях и в обстановке, когда внутри страны люди обрели бы покой и уверенность в стабильном характере политики высшего руководства партии и государства. В 1962 г. Лю Шаоци говорил: «Впредь крупных массовых движений не будет… Нужно направлять усилия главным образом на экономическое строительство… Теперь настало время спасать страну путем просвещения»[9]. Приоритет экономики перед политикой — вот в чем была суть курса Лю Шаоци в эти годы.

При его осуществлении предполагалось наряду с идеологическим воспитанием использовать материальное стимулирование, а также надлежащим образом оценивать знания и опыт представителей технической интеллигенции, сохранять и развивать культурное наследие и т. д.

В процессе управления развитием экономики страны, при решении сложных хозяйственных проблем Лю Шаоци и другим руководителям в первой половине 60-х годов удавалось добиваться успехов благодаря тому, что они реально оценивали положение дел в КНР и учитывали особенности своей страны. Далеко не случайно член Политбюро ЦК КПК мэр Пекина Пэн Чжэнь во время празднования годовщины КНР 1 октября 1965 г., выступая на площади Тяньаньмэнь в присутствии Мао Цзэдуна,

заявил о приверженности принципу «Перед истиной все равны»[10]. Кстати, сама состоявшаяся в этот день демонстрация была посвящена главным образом успехам в области экономики, достижениям в росте уровня благосостояния населения столицы КНР.

Как оценивал Лю Шаоци деятельность Мао Цзэдуна, в том числе и по подготовке «культурной революции» в эти годы, насколько серьезной для себя лично он считал угрозу со стороны надвигавшегося очередного политического движения в стране? Имеются основания сделать вывод о том, что Лю Шаоци ясно представлял себе позицию и направление деятельности Мао Цзэдуна, но твердо проводил свою линию, возможно недооценивая опасность интриг с его стороны.

Действительно, история взаимоотношений Мао Цзэдуна и Лю Шаоци на первый взгляд не давала оснований для предположений о глубоких разногласиях между ними. Напротив, чисто внешне она выглядела как совместная, рука об руку, работа двух давних соратников. В 1942 г. в ходе «движения за упорядочение стиля» в Яньани Лю Шаоци по предложению Мао Цзэдуна был переведен из Новой 4-й армии на работу в НК партии и назначен членом Секретариата ЦК КПК. На VII съезде КПК в 1945 г. Лю Шаоци выступил с докладом об изменениях в Уставе КПК, внеся в этот документ тезис об «идеях Мао Цзэдуна», и был избран членом Секретариата ЦК КПК 7-го созыва (высшего в то время органа по руководству партией. — *Ю.Г.)*. Уже упоминалось о том, что в 1946 г., когда Мао Цзэдун отправился в Чунцин на переговоры с Чан Кайши, Лю Шаоци оставался в Яньани и отвечал за руководство повседневной работой Секретариата ЦК КПК. Мао Цзэдун сам говорил о том, что Лю Шаоци является его преемником[11].

Итак, в начале 40-х годов Лю Шаоци по инициативе Мао Цзэдуна вошел в руководство партии, а в середине 40-х годов занял место «второго человека» в партии.

Думается, что здесь имело место одновременное развитие двух процессов. С одной стороны, Лю Шаоци был выдающимся деятелем КПК и вполне закономерно выдвигался на руководящую роль. С другой стороны, Лю Шаоци был одним из видных, если не самым крупным лидером китайских коммунистов, работавших в «белых районах», т. е. в той части Китая, которая находилась под властью партии Гоминьдан. В этой же связи можно упомянуть и о том, что Лю Шаоци был опытным, общепризнанным руководителем китайских профсоюзов, рабочего класса и коммунистических организаций, работавших в подполье в городах страны.

Иными словами, сложившийся своеобразный политический альянс Мао Цзэдуна и Лю Шаоци отражал компромисс между двумя частями партии: сельской и городской; той, что, имея свои вооруженные силы и опираясь главным образом на крестьян, вела борьбу открыто в сельской местности, и той, что действовала в городах, среди рабочего класса и городских жителей. Такой союз стал особенно необходим в те годы, когда приближалось окончание Войны Сопротивления Японии и все реальней становилась перспектива борьбы за захват власти в стране в целом.

Представляется логичным предположение о том, что приход Лю Шаоци в состав руководства КПК был своего рода соглашением между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци. При этом за Мао Цзэдуном сохранялось положение вождя партии, ее единственного ведущего теоретика; причем именно Лю Шаоци выдвинул мысль о руководящем значении для Компартии Китая «идей Мао Цзэдуна», а также о «китаизированном марксизме». Взамен Лю Шаоци получил согласие Мао Цзэдуна на руководство практической работой партии и партийным аппаратом. Созданию такой ситуации способствовало и сочетание их личных качеств. Мао Цзэдун предпочитал, держа в своих руках бразды правления, поручать повседневную работу другим лицам. Лю Шаоци, не посягая на высшую власть, был талантливым организатором повседневной кропотливой работы руководящих органов партии.

Сам факт, что в партии были широко известны высказывания Мао Цзэдуна о Лю Шаоци как о своем преемнике, характеризовал и своеобразие обстановки в Компартии Китая, когда продолжатель дела избирался находящимся на вершине власти лидером, и саму ситуацию, при которой все, в том числе и Мао Цзэдун, считали нормальным существование одного высшего руководителя партии и выдвижение другого (т. е. в данном случае Лю Шаоци) на роль его единственного преемника.

В то же время такая двучленная конфигурация и самой партии, и ее высшего руководящего звена могла наводить на мысль о хрупкости этого баланса и о вероятности, если не неизбежности, смертельной схватки между двумя частями партии и ее руководства в борьбе за то, чтобы и руководство партии, и сама партия стали единым механизмом, превратились в монолит с одним бесспорным лидером.

Почему же Мао Цзэдун решил «свергнуть» Лю Шаоци именно в середине 60-х годов, через 20 лет после того, как сложился союз этих двух руководителей? Что послужило непосредственным толчком к принятию Мао Цзэдуном такого решения?

Пока Компартия Китая шла к завоеванию власти в стране,

между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци не было существенных разногласий; во всяком случае, имевшиеся противоречия не приводили к расколу и борьбе «не на жизнь, а на смерть». Все-таки речь шла о тактике движения к общей цели.

Когда же власть была завоевана, т. е. после создания КНР, противоречия со временем начали приобретать принципиальный характер. Дело в том, что Мао Цзэдун по своей природе был главным образом разрушителем; ему требовалось все время быть в центре разного рода смут, революций, борьбы. Лю Шаоци был настроен на созидание, строительство и предпочитал заниматься этим кропотливым делом в условиях политической стабильности как внутри страны, так и за ее рубежами.

Есть основания предполагать, что постепенно между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци возникли принципиальные разногласия по вопросу о политике, определявшейся как «три красных знамени», т. е. осуществление «большого скачка» в экономике страны, создание «народных коммун» в китайских деревнях и выдвижение новой в то время «генеральной линии» партии на второй сессии VIII съезда КПК (523 мая 1958 г.)[12].

Здесь необходимо отметить, что первоначально Лю Шаоци в своих выступлениях разделял идею Мао Цзэдуна о «трех красных знаменах». В 1958 г. Лю Шаоци выступил с Отчетным докладом о работе ЦК КПК на второй сессии VIII съезда КПК, где была выдвинута новая генеральная линия в строительстве социализма. Лю Шаоци не выражал несогласие с принятыми на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ (17–30 августа 1958 г.) решениями ЦК КПК: о создании сельскохозяйственных народных коммун и об увеличении в два раза по сравнению с 1957 г. выплавки стали, а также о пересмотре в сторону увеличения показателей плана 1959 г. и второй пятилетки. Лю Шаоци не выступил ни против этих решений, которые фактически ознаменовали собой начало «большого скачка», ни против осуждения на Лушаньском пленуме ЦК КПК в 1959 г. члена Политбюро ЦК КПК, министра обороны КНР маршала Пэн Дэхуая, высказавшего в письме Мао Цзэдуну критическое отношение к «большому скачку» и «народным коммунам». Таким образом, Лю Шаоци, конечно, и сам отчасти несет определенную долю вины за ошибки, допущенные руководством партии начиная с 1958 г.

Важно, однако, отметить, что он признавал свою ответственность за эти ошибки и предпринимал шаги, направленные на их исправление. Кроме того, Лю Шаоци из тактических соображений предпочитал выступать, только если был уверен в успехе; он точно знал, что Мао Цзэдуну бесполезно возражать в те моменты, когда он «закусил удила», а именно это

и произошло на Лушаньском пленуме, где Мао Цзэдун безапелляционно обрушился на Пэн Дэхуая.

В деятельности Лю Шаоци и в осознании им ситуации можно выделить различные периоды.

С конца 1959 до середины 1960 г. его представления о положении в стране претерпели изменения. Вполне вероятно, что на все дальнейшие действия Лю Шаоци повлияло главным образом то, что он сумел увидеть и оценить в полной мере вред, нанесенный предшествующей политикой, которая привела к массовому голоду в стране, к гибели десятков миллионов людей, прежде всего в деревнях. Движущим импульсом политики Лю Шаоци в последние годы его деятельности стало сочувствие людям.

V Лю Шаоци появляются мысли о том, что главную и самую большую опасность представлял в то время не «правый», а «левый» уклон в КПК. В частности, он задавался вопросом, не являлось ли решение на совещании в Бэйдайхэ об увеличении производства стали до 13 млн. т «левым» уклоном. Лю Шаоци также считал, что на Лушаньском пленуме пошли по неправильному пути, поскольку не обсуждали проблемы так, как это первоначально планировалось. По его мнению, в то время нужно было продолжать выступать не против правого уклона, а против «левизны». В результате была упущена возможность исправить совершенные промахи.

В это время Лю Шаоци по-прежнему считал, что успехи значительно превосходят ошибки и что соотношение между ними составляет девять к одному. Вместе с тем он все глубже понимал серьезность недостатков и пытался указывать на них.

Второй период продолжался со второй половины 1960 г. до мая 1962 г. В это время Лю Шаоци не только осознал губительные последствия неправильных решений, но и постарался довести это понимание до всей партии.

Во второй половине 1960 г. ЦК КПК решил приступить к так называемому урегулированию народного хозяйства, а в начале 1961 г. на IX пленуме ЦК КПК 8-го созыва (14–18 января 1961 г.) было принято официальное решение о проведении курса на «урегулирование, укрепление, пополнение, повышение». В то время в партии не существовало единого понимания ситуации. ЦК КПК и Мао Цзэдун приняли решение в начале 1961 г. направить руководящих работников в низовые организации для того, чтобы они, ознакомившись с ситуацией, смогли затем, основываясь на фактах, убеждать людей в необходимости проведения указанного курса.

В первой половине 1961 г. Лю Шаоци знакомился с жизнью

простых людей и с настроениями руководящих работников на местах на юге и севере страны: проводил обследование двух уездов в провинции Хунань, районов Северо-Восточного Китая и Автономного района Внутренняя Монголия. Это и явилось основой для выводов, которые сделал Лю Шаоци, анализируя полученную информацию[13].

Именно в начале 60-х годов начали возникать и открыто проявляться разногласия между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном.

В ходе поездок и по мере ознакомления с положением на местах Лю Шаоци разобрался в ситуации и понял, какова подлинная обстановка в деревне, что привело его к пересмотру собственных взглядов на некоторые вопросы. В частности, Лю Шаоци отмечал, что до «большого скачка» он «страдал болезнью культа личности», преклонялся перед Мао Цзэдуном, а после «большого скачка» «этим больше не страдал», и предложил воздать должное личности Дэн Сяопина[14].

Здесь важно и то, что Лю Шаоци в конце 50-х годов избавился от чувства преклонения перед Мао Цзэдуном, поняв, что его идеи и политические установки, особенно относительно решения экономических и социальных проблем в КНР, далеко не всегда оказываются правильными, и то, что Лю Шаоци придавал большое значение сохранению в массах, да и в самой партии, авторитета руководителей КПК, авторитета партии в целом. Наряду с Дэн Сяопином он упоминал и других руководителей партии, делая это для того, чтобы подчеркнуть важность коллективного разума, и внушал членам партии уверенность в своих руководителях в целом.

Кроме того, ранее Лю Шаоци говорил, что причина бедственного положения деревни за последние годы (т. е. во второй половине 50-х годов) главным образом состоит в том, что «мы сами должным образом не наладили свою работу». В то время среди многих руководителей партии было распространено мнение, что главная причина трехлетних трудностей — это стихийные бедствия. Побывав на местах, Лю Шаоци пришел к выводу о том, что в некоторых районах не это было самым главным. Тогда-то он и сказал, что причиной трехлетних трудностей (1959–1961) являются «на 30 % стихийные бедствия, а на 70 % в этом виноваты люди»[15], тем самым фактически поставив вопрос о прямой ответственности руководителей партии за тяжелейшее положение, сложившееся в стране, за голод и смерть миллионов людей. Такой одновременно критический и самокритичный подход был смелым шагом со стороны Лю Шаоци.

Более того, важно подчеркнуть, что Лю Шаоци пришел к этому выводу после того, как лично ознакомился с состоянием

дел в китайской деревне, увидел, до какого кризисного состояния доведена она политикой «трех красных знамен»; осознал, что «идеи Мао Цзэдуна», по крайней мере в данном случае, не были верными, принесли несчастья народу, а не пользу развитию хозяйства страны. Лю Шаоци также, по всей вероятности, убедился в том, что политика Мао Цзэдуна по отношению к китайскому крестьянству, особенно во второй половине 50-х годов, не отвечала интересам крестьян, не соответствовала своеобразию китайских условий. Напротив, она вела к разорению и обнищанию крестьянства, лишала его возможности жить в достатке и не давала сельскому хозяйству страны эффективно развиваться. Было очевидно, что нужно немедленно принимать практические меры по выправлению создавшегося положения. По словам Лю Шаоци, эта политика пока еще не является ошибкой в линии партии, но если ее не исправить, то она постепенно может стать таковой.

Из этого, в частности, следует, что и Мао Цзэдун, и Лю Шаоци имели свои взгляды на то, что считать линией партии. В представлении каждого из них речь шла о правильной и неправильной линии партии. Каждый из них полагал, что он стоит на верных позициях и отстаивает правильную линию.

После гибели Лю Шаоци и смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин говорил, что между ними не было расхождений по вопросу о линии партии. Однако такое утверждение скорее отражало политические потребности Дэн Сяопина и его субъективное представление об этом во время его прихода к власти на рубеже 80-х годов и ни в коей мере не соответствовало ни фактическому положению дел в конце 50-х и в 60-х годах, ни пониманию этого вопроса Лю Шаоци и Мао Цзэдуном.

На расширенном рабочем совещании кадровых работников высшего звена в ЦК КПК (декабрь-январь 1962 г.), по масштабам превосходившем даже съезд партии, Лю Шаоци в присутствии семи тысяч руководящих партийных работников выступил с докладом, в котором вновь заявил, что «главными являются те ошибки, которые допускаем мы сами», и отметил, что ответственность за них должен нести ЦК партии. По мнению Лю Шаоци, дело было не только в отсутствии опыта, но и в том, что кое-кто в ЦК КПК зазнался, утратил скромность и осмотрительность, пошел вразрез с курсом партии и линией масс, с тем стилем работы, который подразумевает опору на реальные факты.

На этом же совещании Лю Шаоци, очевидно убедившись на своем опыте в правоте Пэн Дэхуая, а главное, потрясенный тем, что увидел во время своей инспекционной поездки в деревню,

доведенную до ужасающего состояния бедности и разрухи, говорил, что почти все сказанное Пэн Дэхуаем в 1959 г. — это факты, и хотя в некоторых случаях он не всегда был прав, однако Лю Шаоци всегда чувствовал, что Пэн Дэхуай говорил тогда о том, что было в действительности[16].

Иначе говоря, в 1962 г. Лю Шаоци перед активом партии оценил позицию Пэн Дэхуая как справедливую, а следовательно, косвенно дал понять, что Мао Цзэдун, да и он сам, были неправы, принимая в 1959 г. решение об осуждении за выступление против партии члена Политбюро ЦК КПК и министра обороны КНР Пэн Дэхуая и снятии его с постов в партии и государстве.

В феврале 1962 г. на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (на «Совещании в Силоу») Лю Шаоци заявил, что народное хозяйство переживает «чрезвычайный период», и подверг критике желание некоторых руководящих работников скрыть дефицит госбюджета, составлявший тогда 5 млрд. юаней. В мае 1962 г. на рабочем совещании ЦК КПК Лю Шаоци утверждал: «Главная опасность в настоящее время все-таки в том, что недооцениваются трудности».

Благодаря тому, что на этом этапе руководство партии и большинство ее членов пришли к единому пониманию ситуации, процесс урегулирования осуществлялся успешно, и все это неотделимо от позиции Лю Шаоци и предпринимавшихся им усилий.

Третий период начался со второй половины 1962 г. В условиях, когда политический климат претерпевал изменения и давление со стороны Мао Цзэдуна все более усиливалось, Лю Шаоци упорно отстаивал свою точку зрения, проявив себя как истинный политический бореи.

Уже после смерти Мао Цзэдуна в историографии КНР отмечалось, что в то время, когда в экономике страны только-только начался поворот к лучшему, «некоторые товарищи в партии (это был намек на Мао Цзэдуна. — *Ю.Г.*) позабыли „большой скачок“ 1958 г. и суровые уроки Лушаньского совещания 1959 г. и снова стали повторять ошибки „левого уклона“»[17].

В августе 1962 г. на совещании в Бэйдайхэ, а затем на X пленуме ЦК КПК 8-го созыва (24–27 сентября 1962 г.) Мао Цзэдун выступил со своими выводами, расширительно толкуя вопросы классовой борьбы, абсолютизируя ее. Он резко осудил «черный закулисный ветер», т. е. критику ошибок, которая развернулась в партии в первой половине 1962 г. Лю Шаоци не подчинился этому политическому давлению, продолжая сопоставлять и

анализировать, и открыто выражал свои взгляды. На совещании в Бэйдайхэ он высказал опасения относительно правильности самой постановки вопроса о классовой борьбе, заявив, что в том случае, если эту кампанию не удастся провести должным образом, вполне может возникнуть нечто вроде новой борьбы против правых, в холе которой кое-кто может попытаться увязывать с классовой борьбой актуальные проблемы экономики, находящиеся в настоящее время в стадии изучения.

На X пленуме ЦК КПК 8-го созыва Лю Шаоци со всей определенностью заявил о том, что не следует придавать первостепенное значение классовой борьбе, запуская или ослабляя работу в области экономики. Он предостерегал партию от забывчивости, призывал помнить суровые и болезненные уроки 1958 г., говорил, что не следует по вопросу о производственных и плановых показателях выступать против правого уклона, как это делалось в прошлом. В челом работа по упорядочению экономики страны, проведенная в 1962–1964 гг., была относительно успешной только благодаря тому, что Лю Шаоци и другим руководителям удалось уменьшить ущерб от «левых» настроений[18].

В ходе работы по урегулированию положения в экономике страны Лю Шаоци выдвинул ряд теоретических положений или политических установок, которые были важными составными частями его платформы.

Он считал, что необходимо поддерживать относительную стабильность в сложившемся соотношении форм собственности в деревне, понимая, что поспешность при переходе от коллективной собственности к общенародной неизбежно нанесет удар по производственной активности масс, разрушит развитие производительных сил. При этом Лю Шаоци выступал против уравниловки, призывал осторожно относиться к мелкому крестьянскому хозяйству и был против ускорения процессов перехода к общенародной собственности, против укрупнения размеров или масштабов крестьянских хозяйств, против того, чтобы производственные отношения обгоняли в своем развитии производительные силы, так как они могут быть разрушены, поскольку в этом случае исчезнет база для их воспроизводства.

В 1962 г. на совещании с участием семи тысяч человек Лю Шаоци от имени ЦК КПК говорил: «В практической работе сельских народных коммун во многих районах на протяжении определенного периода времени не разграничивали коллективную и общенародную собственность, т. е, осуществляли неподобающие, слишком поспешные и слишком большие изменения и таким образом нарушали принцип „каждому по

труду“ и принцип эквивалентного обмена, совершали такие ошибочные действия уравнительного характера, как обобществление, соединение в коммуну и др.». Эти ошибки, по мнению Лю Шаоци, были выправлены благодаря своевременным мерам, предпринятым партией. В эти годы в КПК постепенно возникала такая атмосфера, что оказывалось возможным говорить отдельно о партии и о Мао Цзэдуне, чуть ли не открыто противопоставлять партию и Мао Цзэдуна.

Лю Шаоци также полагал, что основу экономики государства должно составлять сельское хозяйство, что низкий уровень его развития ограничивает развитие других отраслей и что пренебрежение ролью сельского хозяйства как основы неизбежно приводит к нарушению объективных закономерностей развития экономики страны.

Весьма характерно, что первое и главное противоречие в политике Лю Шаоци и Мао Цзэдуна оказалось противоречием в подходе к крестьянству, к китайской деревне. Здесь Лю Шаоци выступал в качестве защитника интересов китайского крестьянства, а Мао Цзэдун, по сути дела, действовал в ущерб интересам китайской деревни и ее жителей.

При разработке теоретических подходов к решению проблем Китая Лю Шаоци опирался на самостоятельный творческий поиск, в то время как Мао Цзэдун предпочитал скользить по поверхности, руководствуясь главным образом своими «озарениями».

Лю Шаоци считал, что значительное завышение доли вложений в капитальное строительство, непомерное увеличение количества строящихся объектов ведут к нарушению основных принципов марксистской теории воспроизводства.

Кроме того, он полагал, что необходимо усилить управление производством внутри самих предприятий, восстановить рациональные правила и установления, нарушенные во время «большого скачка», последовательно проводить в жизнь принцип распределения по труду, повышать экономическую эффективность[19].

Все это свидетельствовало о здравомыслии Лю Шаоци в экономических вопросах, о максимально возможном для Китая того времени прогрессивном взгляде на эти проблемы; во всяком случае, в этой области Лю Шаоци занимал позиции, которые в гораздо большей степени отражали интересы китайцев, чем платформа и установки Мао Цзэдуна.

В том же, 1962 г. Лю Шаоци на заседании X пленума ЦК КПК 8-го созыва заявил о том, что, возможно, было бы лучше развернуть создание народных коммун на несколько лет позднее,

тем самым продемонстрировав, что разногласия внутри руководства партии непосредственно затронули «три красных знамени». Иначе говоря, фактически происходило столкновение сторонников двух партийных платформ: резолюции первой сессии VIII съезда КПК и решений второй сессии того же съезда.

Упомянутая перегруппировка руководителей партии — выход Лю Шаоци на первую линию и отход Мао Цзэдуна на вторую — внешне была произведена по общему согласию, однако, по сути дела, и в конце 50-х, и в первой половине 60-х годов борьба внутри партии, внутри руководства КПК носила сложный характер и, принимая различные формы, никогда не прекращалась.

Это, однако, вовсе не означало, что Мао Цзэдун на протяжении всего этого времени не стремился вернуться на первую линию, снова выйти на авансцену, но этому препятствовали объективные обстоятельства и субъективные усилия части руководства КПК. Сначала требовалось улучшить экономическое положение в стране, что могли сделать только Лю Шаоци и другие руководители, но не мог Мао Цзэдун. В то же время борьба по вопросам теории, идеологии, да и по конкретным проблемам внутренней и внешней политики не прекращалась. Лю Шаоци удавалось многое делать так, как он считал нужным. Мао Цзэдун, в свою очередь, искал способ изменить положение кардинальным образом.

Когда Лю Шаоци на X пленуме ЦК КПК 8-го созыва открыто заговорил о том, что народные коммуны не следовало создавать в 1958 г., Мао Цзэдун никак не мог согласиться с такой постановкой вопроса[20].

С начала и до конца Мао Цзэдун полагал, что политика «трех красных знамен» — правильная, что она представляет собой развитие марксизма и является концентрированным выражением социализма китайского типа[21]. Реальные факты, китайская действительность убедили Лю Шаоци в том, что выдвинутые Мао Цзэдуном во второй половине 50-х годов теоретические положения и практические политические установки, касавшиеся того, что называлось тогда «строительством социализма в КНР», были неверными.

После расширенного рабочего совещания ЦК КПК 1962 г. Мао Цзэдун уехал из Пекина. Лю Шаоци продолжал руководить повседневной работой ЦК партии и китайского государства. Он поддержал заместителя председателя ЦК КПК и члена Постоянного комитета Политбюро ИК КПК Чэнь Юня, который предпринял некоторые меры, сыгравшие положительную роль в деле урегулирования положения в экономике страны. В ходе

«культурной революции» Лю Шаоци обвиняли в том, что в 1962 г. он «поднял черный вихрь расширения трех рамок и одного закрепления», т. е. «расширения рамок свободного рынка, приусадебных участков, мелких предприятий, несущих самостоятельную ответственность за прибыли и убытки, а также закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами»[22]. В то время Мао Цзэдун не высказывал возражений против этих действий, однако дальнейший ход событий показал, что он не был согласен с этими мерами, считал, что они представляют собой правый уклон. В книге «Долгая революция», написанной Эдгаром Сноу после бесед с Мао Цзэдуном в 1970–1971 гг., в частности, говорилось о том, что на совещании ЦК партии в 1962 г. «три красных знамени» Мао Цзэдуна подверглись критике со стороны Лю Шаоци. Это и было началом разногласий между двумя лидерами[23]. Вполне очевидно, что Эдгар Сноу отразил здесь позицию Мао Цзэдуна. Не случайно впоследствии утверждалось, что именно тогда, в 1962 г., Мао Цзэдун, «потерял доверие» к Лю Шаоци и решил, что тот «должен уйти».

В конце 80-х годов в КНР обращали внимание на необходимость оценки того вклада, который Лю Шаоци внес в концепцию «о противоречиях внутри народа». В связи с этим представляется необходимым упомянуть о том, что перед «культурной революцией», а именно в 1962 г., Лю Шаоци пришел к важному выводу, что «ошибки в последние годы допущены главным образом из-за того, что противоречия внутри народа разрешались методами, которыми решаются вопросы, относящиеся к противоречиям между нами и нашими врагами»[24].

Он квалифицировал действия органов общественной безопасности по отношению к собственному народу как «левый» уклон, суть которого состояла в расширении рамок классовой борьбы, и указывал на необходимость его исправления[25]. Лю Шаоци, формально не выходя за рамки теоретических построений Мао Цзэдуна, в частности относительно «противоречий внутри народа» и «противоречий между нами и нашими врагами», в то же время в сущности осудил стремление Мао Цзэдуна обострять классовую борьбу, используя для подавления разномыслия среди населения органы диктатуры. Лю Шаоци поставил вопрос о необходимости изменения характера работы органов общественной безопасности в зависимости от того, с чем они имеют дело: с подрывной деятельностью из-за рубежа или с недовольством внутри своей страны. Лю Шаоци видел, что эти органы подходят к тому и другому как к одинаковой по сути деятельности врагов народа. Иными словами, Лю Шаоци начинал

ставить вопрос о том, что нельзя подходить к ошибкам и даже нарушениям закона внутри страны точно так же, как к подрывной деятельности извне. И в этом случае Лю Шаоци расходился с Мао Цзэдуном, основой концепции которого была убежденность в том, что как внутри страны, так и за ее пределами против него постоянно действуют враждебные силы, поэтому необходимо «выкорчевывать классовых врагов и врагов народа», и, может быть, прежде всего внутри собственной страны[26].

В начале 60-х годов Лю Шаоци неоднократно подчеркивал важность строительства социалистической правовой системы для защиты демократических прав народа. В связи с этим он говорил: «Пролетарская законность — это народно-демократическая законность, т. е. социалистическая законность. Законность вовсе не обязательно сводится к диктатуре; она должна соблюдаться и по отношению к народу; закон должен быть единым и для государственных служащих, и для масс»[27]. По мнению Лю Шаоци, нельзя допускать, чтобы административные и судебные органы подчинялись указаниям партийных и правительственных чиновников разных уровней[28], которые не должны вмешиваться в принимаемые ими в соответствии с законами решения[29].

Таким образом, взгляды Лю Шаоци, формально проистекавшие из концепции Мао Цзэдуна, по существу, как в теории, так и на практике отличались от нее и должны рассматриваться в качестве составной части его действий по нормализации положения в стране. Мао Цзэдун видел, что они бросают вызов и его положению единовластного правителя, и системе его взглядов.

На X пленуме ЦК КПК 8-го созыва 1962 г. Мао Цзэдун снова выдвинул мысль о классовой борьбе. Можно предположить, что он обратился к вопросам теории, стремясь подтвердить свое положение вождя и главного теоретика партии. Вполне вероятно, что он ощущал уязвимость своих политических установок, так как они не способствовали решению реально существовавших проблем и, более того, общая экономическая ситуация в стране, особенно в деревне, ухудшалась. Мао Цзэдун предоставил возможность Лю Шаоци, Чэнь Юню и другим руководителям ЦК КПК выправлять положение дел в экономике, а сам обратился к идеологической сфере, поставив вопрос о нарастании в стране и в партии противоречий между буржуазной и пролетарской идеологией. А это, по логике Мао Цзэдуна, вело к необходимости усиления классовой борьбы, что требовало применения всех возможных средств, вплоть до репрессивных, а также мобилизации масс на широкие кампании под лозунгами классовой борьбы против тех, в ком Мао Цзэдун видел

противников своей линии.

На этом же пленуме Мао Цзэдун выступил с речью «о классах, обстановке, противоречиях и сплоченности в партии», заявив, что, поскольку на протяжении всего исторического этапа социализма буржуазия как класс будет продолжать существовать, сохранится опасность реставрации капитализма. На пленуме было подвергнуто критике «поветрие создания единоличных хозяйств» в деревне и «поветрие пересмотра дел» (имелись в виду су шествовавшие в то время планы реабилитации многих руководящих работников, пострадавших в прошлом, в том числе и Пэн Дэхуая). Тогда Лю Шаоци не высказал возражений. Возможно, что это было вызвано тем, что позиция Мао Цзэдуна была компромиссной, так как в той же речи он говорил, что на первое место нужно ставить работу по налаживанию экономики страны, ее урегулированию; Мао Цзэдун также заявил, что постановка вопроса о классовой борьбе не должна мешать этой работе[30].

По всей видимости, Лю Шаоци считал, что можно допустить (либо он был вынужден допустить) сочетание в жизни партии и страны реалистического экономического курса и лозунговых, оторванных от реальной жизни идеологических призывов, выдвигавшихся Мао Цзэдуном. Вероятно также, что Лю Шаоци мог сознательно поддержать эту кампанию, начатую Мао Цзэдуном, с тем чтобы иметь возможность в сфере экономики продолжать реальную деятельность, направленную на улучшение положения.

В 1963–1965 гг. в стране развернулась идейно-политическая кампания под лозунгом «за социалистическое воспитание» или «за воспитание в духе социализма». Лю Шаоци принимал активное участие в мобилизации партийного аппарата на развертывание этого движения[31].

Может возникнуть вопрос: почему Лю Шаоци сделал это? Более того, позднее, во время «культурной революции» в КНР в адрес Лю Шаоци высказывались упреки; его критиковали за непоследовательность, осуждали за «левацкие» действия в ходе движения «за социалистическое воспитание», которые нанесли ущерб многим членам партии.

Представляется, что действия Лю Шаоци в то время диктовались комплексом причин и соображений. Он не мог, да, очевидно, и не хотел противопоставлять себя, тем более открыто, Мао Цзэдуну и выдвигаемым им инициативам. Лю Шаоци видел, что деятельность по выправлению экономического положения, которая осуществлялась им самим и его соратниками, давала вполне ощутимые результаты, и если судить по делам, по

реальным успехам, то не только партия в целом, но и подавляющее большинство населения КНР признавали правильность политики урегулирования, проводившейся в те годы под руководством Лю Шаоци.

Поэтому, считая, что поскольку основные направления политики в экономической сфере не изменялись, Лю Шаоци, очевидно, рассматривал очередную идеологическую кампанию как продвижение по пути, определенному Мао Цзэдуном, неизбежную в сложившихся в партии и в стране условиях. Мало того, Лю Шаоци хотел сохранить свое положение в руководстве партии, хотел оставаться активным деятелем при любом повороте событий, исходя из того, что компромиссы такого рода, в частности участие в кампаниях, развертываемых Мао Цзэдуном, позволительны, так как они дают возможность оставаться у власти и продолжать действовать в интересах народа.

Здесь возникала, очевидно, ситуация, когда в правящей партии был носитель культа личности и в то же время имелись руководители, которые именно в этих условиях пытались, и подчас вполне успешно, осуществлять те или иные реформы.

В 1962 г, Мао Цзэдун теоретически обосновал будущую «культурную революцию» — выдвинул тезис о «продолжении революции при диктатуре пролетариата». Однако тогда, во всяком случае внешне, этот тезис подавался как противодействие в КНР «ревизионизму», якобы распространявшемуся на международной арене. Очевидно, поэтому и Лю Шаоци, и другие руководители ЦК КПК не возражали против такой постановки вопроса, вероятно не предполагая, что в дальнейшем ее острие может быть направлено и против них как якобы «ревизионистов» внутри КПК, внутри КНР, как «агентов» зарубежного, прежде всего и главным образом советского «ревизионизма». Может быть, именно тогда и появились те слабые места в теоретической позиции ряда руководителей ЦК КПК, в том числе и у Лю Шаоци, которые впоследствии и были использованы против них в ходе «культурной революции», а во многих случаях стали причиной их гибели или предлогом для их преследования и умерщвления.

Ведь дело было в том, что объективно ситуация сложилась таким образом, что Лю Шаоци и другие могли действовать в экономической области в интересах китайского народа. Однако идеологическая, да и политическая сферы оставались в руках Мао Цзэдуна. Урок истории состоит в том, что в такой стране, как КНР, где у власти находится компартия, в экономической области может некоторое время допускаться разумная или более или менее разумная политика, однако в конечном счете неизбежно возникнет политическое противостояние.

Теория Мао Цзэдуна о «продолжении революции при диктатуре пролетариата», как и многие другие на разных этапах его деятельности, представляла собой китайское переиздание установок Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Мао Цзэдун расширил рамки и масштабы их применения на практике; в результате было еще больше жертв, чем в СССР.

Если бы смысл движения «за социалистическое воспитание» заключался только в лозунгах, а речь шла лишь об изучении документов и о воспитательной работе, то столкновение взглядов Мао Цзэдуна и Лю Шаоци могло бы быть на некоторое время отсрочено. Но ситуация стала развиваться в ином направлении, причем события разворачивались быстро.

Процесс углубления существенных разногласий между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном прошел два этапа.

На первом Лю Шаоци и Мао Цзэдун сделали разные выводы из положения, сложившегося в сельском хозяйстве КНР, в жизни китайского крестьянства в результате насаждения «народных коммун» в китайской деревне на рубеже 50-60-х годов. Мао Цзэдун был убежден, что теоретически его позиция и предложения относительно «народных коммун» были верны, а все неблагоприятные последствия явились результатом неумелых или намеренно искаженных действий партийных и государственных чиновников на местах, усугубившимся стихийными бедствиями.

Лю Шаоци считал, что политика Мао Цзэдуна в аграрном вопросе неправильна в корне, что она представляет собой сочетание неверных методов, дублирующих применявшиеся в СССР, с левацкими загибами самого Мао Цзэдуна. Поэтому Лю Шаоци пошел по пути проведения реалистической политики в экономике страны в целом, и прежде всего по отношению к китайскому крестьянству. Лю Шаоци и ряд других деятелей КПК, в частности Чэнь Юнь, Дэн Изыхой, Ду Жуньшэн, стали тем ядром, которое выработало соответствующую реальным условиям Китая аграрную политику, обеспечившую рост производительности труда и повышение жизненного уровня китайского крестьянства, и приступило к ее осуществлению.

Второй этап в развитии разногласий между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци был связан с вопросом об отношении к людям, к кадровым работникам партии, в первую очередь применительно к таким партийным руководителям, которые твердо решили вести в сфере экономики реалистическую политику.

Именно поэтому подход Лю Шаоци к движению, проходившему в 1963 г. под лозунгом «за четыре чистки» (т. е. за

то, чтобы каждый партией занялся самобичеванием, публично и в письменном виде обличал себя перед парторганизацией, «очистился» в политическом, экономическом, идейном и организационном отношениях), не совпадал со взглядами Мао Цзэдуна на цели и методы этой кампании. По мере развертывания «движения за социалистическое воспитание» и началась упомянутая кампания всеобщей проверки стиля работы и деятельности партработников и активистов партии. Они были подвергнуты «чистке», в ходе которой подробно рассматривался их идейный, политический облик и их практическая деятельность. Причем речь шла не о критике недостатков, а о такой кампании, о таких преследованиях, которые не только лишали людей возможности работать, но и доводили их до самоубийства. В период движения «за четыре чистки» на руководящие посты приходили демагоги и интриганы, а реально мыслящие и осуществлявшие полезную практическую работу люди изгонялись.

Лю Шаоци возражал против того, чтобы без разбора относить к числу противоречий между пролетариатом и буржуазией все вопросы, которые возникали в связи с «чисткой (или проверкой) в четырех отношениях», т. е. с «четырьмя чистками»[32]*.

Он не мог согласиться с Мао Цзэдуном и в том, что при проведении «чистки» необходимо все вопросы, касавшиеся деятельности, поведения, стиля работы того или иного члена партии, рассматривать исключительно под углом зрения противоречий, существующих между двумя классами — пролетариатом, или классом неимущих, и буржуазией, или классом собственников. При такой постановке вопроса все мелочи и недостатки в поведении людей трактовались как проявление враждебной пролетариату классовой позиции, а сами люди превращались в классовых врагов, с которыми следовало поступать как со смертельными врагами. Именно этого и добивался Мао Цзэдун.

В противовес такому подходу Лю Шаоци выступал за самосовершенствование коммунистов, за то, чтобы каждый коммунист прежде всего и главным образом сам работал над собой, исправляя собственные недостатки. Он ратовал за то, чтобы решались проблемы, которые существуют в реальной действительности, а не выискивались надуманные (классовые) противоречия. Он прекрасно понимал, что Мао Цзэдун, разворачивая эту идеологическую кампанию, по существу, вел дело к осуждению проводившейся в то время конкретной экономической политики.

Создавалась чудовищная ситуация. Страна попала в тяжелое

положение. Ее экономика находилась в кризисном состоянии. Она пережила голод, во время которого погибли миллионы людей. Только-только начинали предприниматься усилия для того, чтобы вывести страну из этого положения. Мао Цзэдун от решения экономических вопросов самоустранился, как бы «позволяя» другим людям делать это. Одновременно он сразу же начал подготовку идейной почвы для осуждения именно тех руководителей страны, которые помогали китайскому народу, в частности китайскому крестьянству, оправиться после потрясений «народных коммун» и «большого скачка». Более того, к тому времени Мао Цзэдун уже выдвинул тезис о том, что направление, избранное для улучшения экономического положения, есть продвижение по иному, не социалистическому, а капиталистическому пути. Себя при этом Мао Цзэдун рисовал представителем и защитником интересов пролетариата, а своих оппонентов или тех, кого он видел в этой роли, — защитниками интересов буржуазии, сторонниками реставрации капитализма, ревизионистами. Причем вел он эту борьбу в сфере идеологии с помощью лозунгов, не приводя ни научных аргументов, ни фактических доказательств того, что политика его оппонентов действительно является буржуазной или про-капиталистической. Попутно заметим, что такой была позиция Мао Цзэдуна не только внутри страны, но и на международной арене, по отношению к СССР и другим социалистическим странам.

«Стоящие у власти в партии и в государстве и идущие по капиталистическому пути» — такой ярлык приклеил Мао Цзэдун тем, кто не разделял его взгляды, намереваясь именно их сделать главным объектом нападок, критики и борьбы в ходе движения «за социалистическое воспитание». С этим Лю Шаоци, естественно, тоже не мог согласиться.

Поэтому, когда на Всекитайском рабочем совещании Политбюро ЦК КПК (17 декабря 1964 г, — 14 января 1965 г.) обсуждался вопрос о политике в области сельского хозяйства, а точнее, в ходе дискуссии по принятому на том же совещании документу «Некоторые вопросы, поставленные в настоящее время в ходе движения за социалистическое воспитание в деревне» (сокращенно назывался «23 пункта»), противоречия между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном вышли на поверхность и привели к взрыву[33].

Это представляется вполне закономерным и естественным. К началу 1965 г. стало очевидно, что политика коллективного руководства во главе с Лю Шаоци в области хозяйственной деятельности стала приносить ощутимые результаты; сам Лю Шаоци, 3 января 1965 г. избранный председателем КНР на второй

срок, и его соратники почувствовали уверенность в своих силах, убедились в правильности своей политической линии, в том, что она является реалистической, эффективной и отвечает условиям КНР. Мао Цзэдун, в свою очередь, пришел к выводу, что он должен переломить ход событий, развивавшихся естественным для того времени путем. Выступая на упомянутом Всекитайском рабочем совещании, он заявил, что главное противоречие, которое должно быть разрешено в ходе движения, проводившегося под лозунгом «чистки в четырех отношениях», — это противоречие между пролетариатом и буржуазией.

Можно себе представить обстановку на совещании в тот момент. Мао Цзэдун произнес фразу, которая являлась центральной в его политической позиции. Он имел в виду противоречия, существовавшие между ним и теми руководителями партии, чьи убеждения имели хотя бы некоторые расхождения с его собственными. Мао Цзэдун считал себя высшим в то время авторитетом в мире в области теории марксизма-ленинизма. Он полагал, что на его долю выпала задача защищать позиции пролетариата, неимущих, особенно сотен миллионов крестьян Китая, в борьбе против тех, кто допускает обогащение части общества раньше основной массы членов общества, в борьбе против тех, кто считает экономические задачи первоочередными, ставит интересы развития экономики выше интересов продвижения дела пролетариата, выше интересов классовой борьбы, выше пролетарской идеологии и политики, как он их понимал. Нужно также учитывать, что для Мао Цзэдуна фраза о противоречиях между пролетариатом и буржуазией была ключевой не только применительно к экономической политике внутри КНР, к идеологической борьбе внутри КПК, к вопросам теории марксизма-ленинизма, его собственным идеям, но и, что было важно для Мао Цзэдуна, применительно к борьбе на мировой арене, где он видел себя и своих единомышленников во главе всемирного пролетариата, а к числу своих противников он относил не только капиталистов и буржуазию развитых капиталистических стран и развивающихся националистических государств (по его терминологии), но и руководителей почти всех социалистических стран, прежде всего руководителей СССР и КПСС. Таким образом, Мао Цзэдун произнес фразу, которая была сердцевиной его позиции в то время.

И именно после этих слов о противоречиях между пролетариатом и буржуазией Лю Шаоци вклинился в его выступление, фактически прервал его, что было беспрецедентно для того времени и той обстановки, и высказал собственное суждение о том, что существуют противоречия между людьми,

которые являются «чистыми во всех имевшихся в виду четырех отношениях», и другими людьми — «не чистыми в тех же четырех отношениях», а потому, подчеркнул Лю Шаоци, лучше в ходе проведения кампании «четырех чисток» действовать следующим образом: разрешать те противоречия, которые существуют в реальной жизни[34]*.

Это был драматический и трагический момент не только в жизни и деятельности Лю Шаоци, но и в истории КПК и КНР. В этот миг компромиссный союз между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном окончательно треснул, коренные противоречия между ними обнажились и стали непримиримыми. Это был смелый шаг Лю Шаоци, может быть высшая точка его деятельности как политика и человека. Он сделал свой выбор и встал на сторону людей, на сторону отдельного человека, реальной жизни, выступил против надуманной и бесчеловечной в своей основе позиции Мао Цзэдуна.

Весьма примечательно, что Лю Шаоци выступил в защиту сначала крестьян, а потом рядовых членов партии и ее кадровых работников. Для Мао Цзэдуна выше всего оказалась абстрактная идея, в которой, осознанно или нет, главное место занимали его собственные эгоистические интересы, стремление сохранить свое лидирующее положение. Для Мао Цзэдуна интересы своего «я» оказались выше интересов и каждого конкретного человека, и народа в целом. Лю Шаоци, пройдя длинный путь, глубоко переживая смерть от голода миллионов китайцев в результате политики «большого скачка» и «народных коммун», в конечном счете решился на то, чтобы показать членам ЦК партии: есть пределы компетенции Мао Цзэдуна, налицо его волюнтаризм и нельзя позволять ему в ходе очередного идеологического движения или кампании поднимать волну массовых репрессий в партии и в стране. По сути дела, Лю Шаоци призвал руководителей партии продолжать движение по пути первоочередного решения экономических проблем и не допускать нового сползания в болото классовой борьбы (по Мао Цзэдуну).

Разногласия между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном оказались антагонистическими и по вопросу о том, что такое социализм, что такое пролетариат и что такое буржуазия; далеко не случайно, что все это произошло в ходе осуществления кампании, проводившейся под лозунгом «за социалистическое воспитание» или «за воспитание в духе социализма».

Особенности позиций обеих сторон в данном случае состояли в следующем. Мао Цзэдун считал, что он ведет борьбу против ревизионизма, отстаивает интересы социализма в КНР, которой угрожает реставрация капитализма. С точки зрения Мао Цзэдуна,

получалось, что в КНР социализм лишь провозглашен, но еще не утвердился, продолжается острейшая смертельная борьба между социализмом и капитализмом, между пролетариатом и буржуазией. Отсюда следовал вывод о том, что социализма в КНР еще нет, а путь, который предлагали Лю Шаоци и его единомышленники, — это путь реставрации капитализма. В теоретических размышлениях Мао Цзэдуна Лю Шаоци представал как классовый враг.

Лю Шаоци, со своей стороны, полагал, что общество в КНР в определенном смысле уже является социалистическим. По сути дела, Лю Шаоци считал, что в КНР уже не стоит вопрос об обострении классовой борьбы, о том, что необходимо вести сражение против антисоциалистических сил в КНР посредством классовой борьбы. Он был убежден, что время для борьбы в таких формах прошло и что необходимо сосредоточить усилия на развитии производительных сил, на развитии производства.

Точка зрения Мао Цзэдуна, очевидно, представлялась Лю Шаоци абстрактной, оторванной от жизни и при этом опасной для партии, для интересов китайского народа, и крестьянства в частности. Лю Шаоци был, очевидно, не согласен и с мыслью Мао Цзэдуна об опасности буржуазной реставрации в КНР. У него было иное представление о буржуазии применительно к развитию Китая. Он считал, что у буржуазии в континентальном Китае нет сил, чтобы свергнуть политическую власть КПК, и был уверен в прочности положения Компартии Китая в стране, как и в том, что именно партия может продолжать выполнять свою руководящую и направляющую роль в ходе строительства социализма в стране.

Очевидно, что Мао Цзэдун видел себя прежде всего революционером, продолжающим делать революцию, а Лю Шаоци ощущал себя строителем социализма. Оказывалось, что революция (по Мао Цзэдуну) и строительство (по Лю Шаоци) несовместимы. Мао Цзэдун, как показали 50-е годы, оказался не способен к созиданию, а потому он и делал упор на продолжении борьбы в стране и в партии, фактически прикрываясь (вне зависимости от его субъективного понимания ситуации) лозунгами защиты дела социализма в КНР и продолжения революции.

Итак, Лю Шаоци прервал выступление Мао Цзэдуна на Всекитайском рабочем совещании. Нужно отметить, что это произошло не в обычных условиях, не в обстановке, когда это рассматривается как нормальное явление, как обмен мнениями между товарищами, членами руководства партии. Лю Шаоци как бы бросил вызов сложившемуся к тому времени культу личности Мао Цзэдуна или, иначе говоря, с позиций реального

руководителя практической повседневной деятельностью партии подправил ее отставшего от жизни, отошедшего от практических дел патриарха.

После заседания некоторые старые члены партии, солидаризируясь ли с настроениями Мао Цзэдуна или по собственному почину, в силу сложившейся ситуации и внутрипартийных традиций в беседе с Лю Шаоци подвергли его критике, сказав, что он без должного уважения отнесся к Мао Цзэдуну. После этого на одном из заседаний Политбюро Лю Шаоци выступил с соответствующим покаянием, как это было принято в КПК. Однако Мао Цзэдун не только не успокоился, но его недовольство еще более возросло, так как он был убежден, что речь идет не о проявлении неуважения, а о фундаментальных различиях между марксизмом-ленинизмом и ревизионизмом[35]. С точки зрения Мао Цзэдуна, его позиция была марксистской, а взгляды Лю Шаоци он считал ревизией марксизма, стремлением следовать за КПСС в деле реставрации капитализма в социалистической стране. Именно исходя из такого понимания ситуации, Мао Цзэдун и преисполнился решимости «свергнуть» Лю Шаоци. Таким образом, расхождения между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном вытекали главным образом не из личной неприязни между ними, а из-за крупных разногласий во взглядах на «три красных знамени», т. е, были разногласиями принципиального политического характера.

Эту ситуацию можно рассматривать и под другим углом зрения: после смерти И, В, Стали на убежденный в своем интеллектуальном превосходстве как лидер, опирающийся на такую могучую силу, как Компартия Китая, а также на государство и весь китайский народ, Мао Цзэдун ощутил себя единственным деятелем в международном коммунистическом движении и среди руководителей социалистических государств, который, должен быть безоговорочно признан вождем всего социалистического лагеря и всего международного коммунистического движения. Отсюда вытекала его уверенность в том, что его главная задача состоит в разработке стратегии в мировом масштабе, при этом дела в Китае рассматривались им как составная часть этой планетарной миссии.

Мао Цзэдун осуждал те аспекты политики И.В.Сталина в отношении Китая, которые, с его точки зрения, ущемляли национальную независимость и суверенитет КНР, И в то же время в области идеологии Мао Цзэдун оставался, по существу, на тех же позициях, что и Сталин.

Мао Цзэдун, как и Сталин, исходил из того, что мир живет в эпоху войн и революций, в эпоху острейшего враждебного

противостояния в ходе классовой борьбы и на международной арене, и внутри каждой из социалистических стран. Мао Цзэдун далеко не случайно выдвинул тезисы о необходимости «подготовки» Китая «к войне», а также о допустимости войн между социалистическими государствами; он видел военного противника в тех соцстранах, которые сам относил к «ревизионистским». Поэтому любые попытки по-иному взглянуть на мировую ситуацию в целом (к примеру, рассуждать о мирном сосуществовании государств с разным общественным строем) и даже попытки внутри той или иной социалистической страны перенести, хотя бы и в ограниченных масштабах, внимание на экономические вопросы представлялись Мао Цзэдуну отходом от основ присущего ему мировоззрения.

Главную угрозу своим взглядам и своему руководящему положению Мао Цзэдун увидел в деятельности Лю Шаоци и, умело манипулируя широкими массами населения, представил их недовольство бюрократизмом и чиновничьим произволом как результат проводимого Лю Шаоци курса, отклоняющегося, по мнению Мао Цзэдуна, от основных принципов, которыми руководствовался он сам.

Мао Цзэдун считал необходимым поднять народные массы на «культурную революцию» не только для того, чтобы наверняка справиться и с Лю Шаоци, и со всеми теми, кто поддерживал его деятельность в партии и а стране, но и для того, чтобы, так сказать, «выправить» их идеологию, исправить начавшие изменяться под воздействием политики Лю Шаоци в годы урегулирования представления населения о приоритетах в обыденной жизни и в политике, изменить образ мыслей и политическую культуру масс. Именно в этой связи Мао Цзэдун и назвал свою кампанию «культурной революцией» или «революцией в сфере культуры, образа мыслей».

В январе 1965 г. на Всекитайском рабочем совещании Мао Цзэдун изложил программу будущей политико-идеологической кампании (которая в дальнейшем получила наименование «культурной революции»), направленной против якобы существующего в КНР «ревизионизма». Первым ее пунктом было требование сместить с постов лиц, «стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути».

По словам Мао Цзэдуна, сказанным им в беседе с Эдгаром Сноу, Лю Шаоци тут же на совещании выступил против (дети Лю Шаоци позднее также свидетельствовали о том, что их отец выступал против того, чтобы «острие» «культурной революции» «было направлено на то, чтобы очистить партию от стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути»[36]); в связи с этим

тогда же, т. е. в январе 1965 г., Мао Цзэдун решил, что Лю Шаоци должен уйти[37].

Далее Мао Цзэдун утверждал, будто «ревизионизм» в КНР возник в ЦК партии, в центральных руководящих учреждениях, а не на периферии, не на местах, не в провинциях. Осенью 1965 г. на рабочем совещании в ЦК КПК (18 сентября — 12 октября) Мао Цзэдун поставил вопрос следующим образом: «Что вы (участники этого совещания с мест. — *Ю.Г.*) будете делать, если в Центре (т. е. в ЦК КПК. — *Ю.Г.*) возникнет ревизионизм? А он вполне может появиться, и это очень опасно»[38]. По сути дела Мао Цзэдун стремился отделить Лю Шаоци от провинциальных органов власти. 8 то время Мао Цзэдун ставил вопрос таким образом, как будто бы его планы выступления против «ревизионизма» не имели отношения к провинциальным партийным и военным руководителям, не касались массы партийных функционеров в целом, а затрагивали только некоторых представителей центрального руководства, прежде всего Лю Шаоци.

В 1965 г. на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро ИК КПК в Шанхае (8-15 декабря) рассматривалось дело секретаря ИК КПК, члена Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК, начальника секретариата этого же совета, заместителя министра обороны, начальника генерального штаба и заместителя премьера Государственного совета КНР Ло Жуйцина. В ходе этого заседания против Ло Жуйцина выступили министр обороны Линь Бяо, его жена Е Июнь, некоторые военачальники — У Фасянь, Ли Изопэн и др. Они обвиняли Ло Жуйцина в «узурпации военной власти», в «антипартийной деятельности». Ло Жуйиин был снят со всех своих постов. Лю Шаоци, очевидно, понимал, что нападки на Ло Жуйцина санкционированы Мао Цзэдуном, и тогда не принял участия в обсуждении и не высказал своего отношения к его делу, хотя после упомянутого совещания в частных беседах он наряду с другими членами Политбюро ЦК КПК выражал сомнения в достоверности обвинений в адрес Ло Жуйцина[39], который в первой половине 60-х годов фактически был ведущим военным деятелем КНР и отвечал за всю организаторскую работу по обороне страны. Под руководством Лю Шаоци он занимался вопросами оказания помощи северным вьетнамцам в борьбе против американской агрессии. Лю Шаоци хорошо знал Ло Жуйцина по работе и в соответствующих делах опирался на него, его смешение стало одним из шагов, ослаблявших позиции Лю Шаоци как в Секретариате ЦК КПК, так и в руководстве вооруженными силами. Оно продемонстрировало нарастание

конфронтации в отношениях между Лю Шаоци и Линь Бяо, а также стремление Мао Цзэдуна усилить положение Линь Бяо в армии и в руководстве партией в противовес Лю Шаоци.

Мао Цзэдун предпринял ряд действий для того, чтобы выбить, вывести из игры главных сторонников Лю Шаоци в органах руководства партией и вооруженными силами страны. Лю Шаоци понимал, что открытое столкновение по тому или иному из этих «дел» на заседаниях высшего руководства партии в присутствии Мао Цзэдуна не увенчается успехом. В апреле 1966 г. неожиданно для Лю Шаоци на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в Шанхае была развернута критика деятельности члена Политбюро ЦК КПК, секретаря ЦК, первого секретаря Пекинского горкома КПК Пэн Чжэня. Когда же в мае 1966 г. Пэн Чжэнь был смешен с должности за «антипартийные ошибки»[40] и одновременно с Пэн Чжэнем были осуждены Ло Жуйиин (вторично), а также кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦК КПК Лу Диньи, ведавший вопросами пропаганды, и кандидат в члены Секретариата ЦК КПК, заведующий Канцелярией ЦК КПК Ян Шанкунь, то на заседаниях, посвященных обсуждению этих вопросов, Лю Шаоци также не высказывал свое мнение, однако в частном порядке говорил, что «в это трудно поверить»[41].

Устранение Пэн Чжэня, Ло Жуйцина, Лу Диньи, Ян Шанкуня на практике означало ослабление прежнего Секретариата ЦК КПК (очевидно, что далеко не случайно Мао Цзэдун, вероятно намереваясь в дальнейшем использовать Дэн Сяопина в практической работе, не отнес его к категории партийных руководителей, которые перед началом «культурной революции» были смешены с постов как деятели, слишком тесно связанные с Лю Шаоци). Таким образом, из рук Лю Шаоци в основном был выбит отлаженный механизм повседневного руководства партийным аппаратом. Он был вынужден уступать одну позицию за другой. В конечном счете Лю Шаоци накануне развертывания Мао Цзэдуном «культурной революции» остался в руководстве ИК КПК «полководцем без армии».

Одновременно решением ЦК КПК от 16 мая 1966 г. была распушена су шествовавшая до тех пор «группа из пяти человек по делам культурной революции» во главе с Пэн Чжэнем. Вместо нее 28 мая 1966 г, была создана новая Группа по делам культурной революции ЦК КПК (ГКР) во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК Чэнь Бода, непосредственно подчиненная Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК. Ее создание означало, что Политбюро ЦК КПК и Секретариат ЦК КПК «отодвигались в сторону», т. е. отстранялись от работы, и что

«культурная революция» вступила в фазу полного развертывания.

Последние деяния

В 1966 г. Мао Цзэдун, по его собственному признанию, «разжег огонь» «культурной революции». При этом его замыслы вначале не были понятны ни Лю Шаоци, ни другим членам высшего руководства партии и страны. Лю Шаоци, который в первый момент воспринял «культурную революцию» как очередную волну обычной политической учебы, тогда разъяснял смысл этой кампании следующими словами: «Сегодняшняя великая культурная революция может повысить сознательность всей нашей нации. Парижская коммуна распространила марксизм. Октябрьская революция (в России) принесла нам ленинизм. Мы так же должны поднять на новую высоту идеи Мао Цзэдуна». И далее: «В прошлом ЦК партии постоянно стремился найти путь к выправлению и искоренению распространенного явления, когда кадровые работники разного уровня отрываются от масс и все более обюрокрачиваются. У нас был опыт движения за социалистическое воспитание. Надеемся, что великая культурная революция предоставит нам для этого еще больше возможностей»[42].

Итак, Лю Шаоци, как и все остальные члены руководства партии, поддержал призыв Мао Цзэдуна к «культурной революции». Однако положение его тут же стало необычайно сложным. По своей должности главного руководителя работы всего партаппарата именно он вынужден был каждодневно решать многочисленные новые вопросы. «Культурная революция» сразу же выплеснулась на улицы, с чем Лю Шаоци мириться никак не хотел. Вероятно, он сначала даже не осознал, что это происходило по воле Мао Цзэдуна.

В документе ЦК КПК, разработанном под руководством Мао Цзэдуна и датированном 16 мая 1966 г., была изложена программа «культурной революции». В нем речь шла о «контрреволюционных ревизионистах», против которых следовало развернуть борьбу. Мао Цзэдун и его сторонники обвиняли своих противников (прежде всего Лю Шаоци, хотя и не называли его имени) в приверженности принципу «мирного сосуществования» (в данном случае прежде всего внутри партии; хотя тут было и «второе дно», а именно намек на некое совпадение позиций Лю Шаоци с Москвой в вопросах внешней политики). Они предлагали отбросить принцип отношений «так называемого равенства» (перед истиной внутри партии, о чем, как уже упоминалось, открыто заявлял Пэн Чжэнь в речи по случаю очередной годовщины КНР 1 октября 1965 г.) и заменить его «борьбой не на

жизнь, а на смерть», «подавлением инакомыслящих с помощью силы»[43]. Расхождение по этому вопросу было тогда центральным пунктом разногласий между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци в подходе к внутрипартийной жизни. Лю Шаоци попадал, с точки зрения Мао Цзэдуна, в категорию инакомыслящих, с которыми и следовало вести борьбу не на жизнь, а на смерть.

В конце мая — начале июня 1966 г. Мао Цзэдун в обход Лю Шаоци, который формально продолжал возглавлять повседневную работу ИК КПК, через кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК Кан Шэна и Чэнь Бода, соответственно советника ГКР и руководителя ГКР, осуществил несколько шагов по развертыванию «культурной революции». В частности, зная о возражениях Лю Шаоци, Мао Цзэдун тем не менее по предложению Кан Шэна дал указание опубликовать в «Жэньминь жибао» и передать по центральному радио текст «первой марксистско-ленинской дацзыбао» (дацзыбао — заявление по политическим вопросам, обычно написанное от руки крупными иероглифами на больших листах бумаги и вывешенное в людном месте), требовавшей «свержения» партийного и административного руководства Пекинского университета[44]*.

Одновременно в центральной партийной печати началась пропаганда тезиса о необходимости борьбы с теми, кто противится «революции» и защищает «императора»[45]. Это был прозрачный намек на то, что Мао Цзэдун не считает Лю Шаоци законным главой государства, а призывает относиться к нему как к «императору», которого необходимо «свергнуть». Чэнь Бода, по непосредственному указанию Мао Цзэдуна, «взял власть» над парткомом центрального печатного органа партии — газеты «Жэньминь жибао», причем без ведома Лю Шаоци, который был просто поставлен перед фактом[46]. Таким образом, когда Мао Цзэдун демонстративно дал понять Лю Шаоци, что не считается с ним и, более того, ставит его вне организационного центра по руководству «культурной революцией», Лю Шаоци оказался в положении ее «мишени».

В результате мощного развертывания «культурной революции» в конце мая — начале июня 1966 г. работа партийного аппарата в стране была парализована. Перед Лю Шаоци встал вопрос о том, как действовать в создавшейся ситуации. В эти дни он говорил в кругу своей семьи: «V меня нет опыта проведения такого движения в условиях социализма. В прошлом также не было такого случая, чтобы наша партия использовала подобный метод в целях упорядочения стиля; нужно проверить (этот метод. — *Ю.Г.*) в течение нескольких дней, а потом уж поговорим»[47].

В начале июня 1966 г. по указанию Лю Шаоци был разослан циркуляр ЦК КПК, в котором определялся порядок проведения «культурной революции». Согласно этому документу запрещалось публичное обсуждение вопросов, поднимавшихся в ходе движения и касавшихся непосредственно работы данного учреждения, вне его стен; подчеркивалась необходимость соблюдать секретность; содержалось указание «не покидать рабочие места» и т. п.

Иначе говоря, Лю Шаоци стремился к тому, чтобы «культурная революция» проводилась организованно, в привычных рамках, при сохранении сложившейся системы руководства в руководящих учреждениях партии. Он полагал, что каждая партийная организация должна проводить эту кампанию как бы внутри себя, самостоятельно и отдельно от других организаций, от внешней среды. Он предложил также направить в высшие учебные заведения Пекина, где парткомы были к тому времени уже разогнаны, партийные рабочие группы, созданные вышестоящими партийными организациями, с тем чтобы разобраться в обстановке на местах и, действуя от имени вышестоящих органов в духе демократического централизма, навести порядок в каждом конкретном учреждении.

В начале июня 1966 г. Лю Шаоци прилетел из Пекина в Ханчжоу, где в то время находился Мао Цзэдун, и доложил о ситуации. Председатель ЦК КПК ушел от прямого ответа на вопрос о своем отношении к предложению направить упомянутые рабочие группы, однако поручил Лю Шаоци решать вопросы, возникающие в ходе «культурной революции», исходя из складывавшейся обстановки[48].

После возвращения из Ханчжоу Лю Шаоци представлял себе дальнейший ход «культурной революции» следующим образом: «культурная революция» должна иметь три этапа — этап борьбы, этап критики и этап преобразований; предполагалось, что к концу июня 1966 г. борьба завершится, в июле должен наступить этап критики; в сентябре должен начаться этап преобразований; к концу декабря можно будет устранить все недостатки. Таким образом, Лю Шаоци вел дело к завершению всей кампании к концу 1966 г., но очень скоро он столкнулся с быстро развивавшимися новыми тенденциями в процессе «культурной революции».

Итак, с самого начала при развертывании «культурной революции» выявилось различие в отношении Лю Шаоци и Мао Цзэдуна к форме проведения этой политической кампании, что, конечно, было связано с более существенными расхождениями.

Мао Цзэдун постоянно заботился о сохранении за собой

высшей власти в партии и в стране. Он сознавал, что за полтора десятилетия существования КНР он сам, руководимые им партия и государство, а точнее подчиненный ему партийный и государственный аппарат, совершили так много и таких серьезных ошибок, если не сказать преступлений, что это вызвало у населения страны скрытое и все более нараставшее недовольство партийными и государственными чиновниками и вождями страны и партии, включая его самого. Особенно напряженным положение стало, как Мао Цзэдун, очевидно, полагал, после таких провалов в политике, случившихся по вине его самого и его аппарата, как «большой скачок» и движение за создание «народных коммун».

Мао Цзэдун мучительно искал пути исправления ситуации в выгодном для себя направлении. В конечном счете он пришел к мысли о необходимости переломить настроение населения, изменить образ мышления народа (а это он и именовал *вэньхуа,* т. е. «культурой»), как бы заново осуществить еще одну революцию и переориентировать страну на выполнение новых задач, поставленных партией и ее вождем.

Для этого Мао Цзэдуну потребовалось не только обратить недовольство и гнев народных масс против всего бюрократического аппарата, но и поставить себя как бы вне этого аппарата, возглавив руководимые отобранными им самим доверенными лицами новые, формально внепартийные молодежные и другие организации, которые предназначались для проведения кампании критики партийных и государственных чиновников.

По существу, Мао Цзэдун замыслил тогда представить дело так, будто он сам выступает против своей же, но «отставшей от жизни» и «забюрократизировавшейся» партии, чтобы, избавившись от многих ее руководителей, в том числе и Лю Шаоци, возродить ее в новом качестве. Для этого Мао Цзэдун именно против них обращал гнев народа, в сущности вызванный в первую очередь просчетами его собственной политики; хотя, конечно, вся партия, все ее руководители, в том числе и Мао Цзэдун, и Лю Шаоци, несли ответственность за те страдания, которые принесли китайскому народу идеи Мао Цзэдуна, «большой скачок» и «народные коммуны».

Мао Цзэдун исходил из того, что в ходе «культурной революции» многие партийные работники, не исключая и Лю Шаоци, могут и должны быть устранены, что именно поощрение действий населения против руководителей парткомов поможет ему провести массовую чистку, физически уничтожить значительную часть партийных руководящих кадров, которые он

считал либо ненадежными, либо своими сознательными или неосознанными действиями создававшими потенциальную угрозу его власти. Чтобы укрепить свое положение лидера, он задумал значительно обновить весь партийный аппарат, заменить прежних партаппаратчиков новыми выдвиженцами.

Мао Цзэдун рассчитывал предоставить народу возможность «выпустить пар», излить свой гнев на руководителей самых разных уровней, начиная с председателя КНР Лю Шаоци, создав тем самым в стране такой психологический настрой, при котором людям стало бы казаться, что Мао Цзэдун посредством «культурной революции» дал им шанс устранить всех виновников страданий народа. При этом ему самому представлялось, что благодаря этой кампании он сможет встать во главе новой революции и начать строительство государства с чистого листа. Мао Цзэдун хотел заново создать себе авторитет, укрепить свою власть и власть своих наместников на местах.

Лю Шаоци, видя провалы в политике руководства КПК, явившиеся следствием осуществления «большого скачка» и насаждения «народных коммун», полагал, что можно и нужно исправлять положение путем постепенных изменений эволюционного характера, проведения разумной и реалистичной экономической политики. Он был уверен в правильности своего пути, тем более что за несколько лет после упомянутых провалов, к середине 60-х годов, Лю Шаоци и другим руководителям действительно удалось добиться некоторого изменения положения к лучшему. Правда, в этом не было заслуги Мао Цзэдуна.

Лю Шаоци был также уверен в необходимости сохранения большей части сложившегося к тому времени партийного аппарата. Таким образом, Лю Шаоци практически встал на защиту партийных и государственных чиновников, а Мао Цзэдун, напротив, ради создания, в частности, персонально обновленного руководящего состава партии был готов в буквальном смысле слова пожертвовать этими управленцами.

Как только это стало проявляться на практике, Лю Шаоци быстро понял, в чем состоял замысел Мао Цзэдуна, и летом 1966 г. пришел к выводу о том, что «в масштабах всей страны начался раскол, который не следует игнорировать: за ним (расколом. — *Ю.Г.*), возможно, стоят высокопоставленные кадры»[49]. Трудно сказать, имел ли Лю Шаоци в данном случае в виду и Мао Цзэдуна, однако ясно, что он уже осознал угрозу и своему положению у власти.

Своеобразие ситуации в КНР того времени было в том, что, как уже отмечалось выше, провал политики «народных коммун»,

«большого скачка», «генеральной линии партии», которые именовались в совокупности «тремя красными знаменами», иными словами, политики, проводившейся во второй половине 50-х годов, вызвал необходимость выправления создавшегося положения. С этой целью были предприняты реалистические шаги по нормализации экономической и социальной ситуации в стране. Это принесло заметное улучшение обстановки, В дальнейшем появились даже признаки демократизации политической жизни. Одним словом, часть партийно-государственных чиновников, в том числе и в высшем эшелоне руководства КПК, оказалась ближе к, интересам народа, чем Мао Цзэдун. Трагедия «культурной революции» состояла в том, что Мао Цзэдуну удалось, как это и раньше случалось в истории, на волне демагогии и популистских обещаний поднять массы населения против прогрессивной части партийно-государственного чиновничества в защиту своей позиции, которая противоречила интересам народа.

Когда «культурная революция» развернулась в полную силу и были смешены со своих постов известные всей партии и стране политические деятели, когда члены созданных в ходе «культурной революции» так называемых массовых молодежных революционных организаций, именовавшиеся по-китайски *хунвэйбинами* (т. е. «красной гвардией» или «красной стражей») Мао Цзэдуна, буквально штурмовали парткомы различных уровней и захватывали их помещения, Лю Шаоци не остался в стороне.

В публичных выступлениях он позволял себе защищать, если не полностью, то хотя бы частично, даже тех высокопоставленных членов руководства партии, которые уже были официально, с ведома и одобрения Мао Цзэдуна, осуждены и подвергались широкой критике в партии и в стране. Так, Лю Шаоци упоминал о том, что бывший (к тому времени) член Политбюро ЦК КПК и руководитель парторганизации столицы страны Пэн Чжэнь «умеет работать, однако он совершал крупные ошибки… Председатель (Мао Цзэдун. — *Ю.Г.*) и я много раз критиковали его, однако полностью доверяли ему. Пользуясь доверием партии, он много работал в подполье»[50].

О бывшем члене Секретариата ЦК КПК и начальнике генерального штаба НОАК Ло Жуйцине, которого осуждали как врага Мао Цзэдуна, КПК и социализма и особенно за то, что он не выполнял указаний «лучшего (в то время. — *Ю.Г.*) ученика» Мао Цзэдуна, министра обороны КНР Линь Бяо, Лю Шаоци говорил, что он был «преемником» Линь Бяо как министра обороны, но просто «не сработался с ним». Эти высказывания Лю Шаоци

показывали, что, на словах и теоретически соглашаясь с предложенной Мао Цзэдуном «культурной революцией», Лю Шаоци на практике твердо вставал на защиту партийного аппарата. Рассчитывая на поддержку широкого круга руководящих партийных работников, он неоднократно указывал на диктаторские замашки в характере Линь Бяо.

Лю Шаоци, вполне откровенно солидаризируясь с подвергшимися осуждению взглядами Ло Жуйцина, заявил: «Марксизм-ленинизм, конечно, следует развивать; он не должен остановиться на этапе идей Мао Цзэдуна. Если же считать такой взгляд ошибочным, то это значит стоять на позициях механистического материализма»[51].

Таким образом, уже в весьма напряженной обстановке, в ходе острейшей борьбы внутри партии и в условиях массовой политической кампании, развернутой в стране, Лю Шаоци смело заявлял о том, что «идеи Мао Цзэдуна» — это не предел, не вершина, после которой невозможно какое бы то ни было развитие. Это также был вызов Мао Цзэдуну, его претензиям на роль величайшего теоретика своего времени, по крайней мере в той части мира, которая жила при руководящей роли компартий, руководствовавшихся теорией марксизма-ленинизма.

Лю Шаоци тем самым выразил и свое несогласие с обвинениями политического характера в адрес Пэн Чжэня, Ло Жуйцина, Лу Диньи, Ян Шанкуня. Он прозрачно намекнул на то, что Мао Цзэдун устраняет их по личным мотивам, в частности в расчете на привлечение на свою сторону группы военачальников во главе с Линь Бяо. Видимо, Лю Шаоци стремился содействовать идейному объединению против Линь Бяо определенных сил в КПК и в НОАК.

Отстранение мэра Пекина Пэн Чжэня и начальника генерального штаба НОАК Ло Жуйцина было предпринято Мао Цзэдуном, по сути деда, как сигнал к массовому развертыванию «культурной революции)). Эти удары были необходимы председателю ЦК КПК, ибо, по его замыслу, они лишали Лю Шаоци поддержки со стороны столичной, т. е. пекинской парторганизации, а также вышибали из-под Лю Шаоци его единственную опору в армии, где он до «культурной революции» мог твердо рассчитывать лишь на одного из высших военачальников, т. е. на того же Ло Жуйцина.

Вообще необходимо подчеркнуть, что одним из главных слабых мест Лю Шаоци была его относительная оторванность от высших военачальников, чем не преминул воспользоваться Мао Цзэдун, В ходе «культурной революции» он постоянно поддерживал уверенность высших военачальников в том, что на

них «культурная революция» не распространяется. Основной удар наносился по старым партийным кадрам, которые работали до 1949 г. в так называемых «белых районах», т. е. в городах и на территории, находившейся под контролем Гоминьдана, правительства Китайской Республики, и были той самой частью партаппарата, которая не участвовала в вооруженной борьбе, а следовательно, «не понимает» военных. Так Мао Цзэдун разделял свою собственную партию, противопоставлял в ней армейские кадры кадровым работникам из «белых районов», т. е. Лю Шаоци и его сторонникам, среди которых почти не было военных. Мао Цзэдуну удалось разделить партгосаппарат, заставив его военный компонент выступить либо на его стороне, либо оставаться нейтральным, но не поддерживать Лю Шаоци.

Итак, добившись сначала осуждения Ло Жуйцина в конце 1965 г., а затем и Пэн Чжэня весной 1966 г., Мао Цзэдун начал разворачивать массовое движение молодежи под руководством своих ближайших приверженцев из Группы по делам культурной революции ЦК КПК.

Продолжая последовательно проводить свою линию, Мао Цзэдун в конце июля 1966 г. принял решение распустить руководящие органы ЦК партии, находившиеся под непосредственным руководством Лю Шаоци, который с этого момента оказался оторван от партийного аппарата и от властных структур, т. е. по существу был лишен власти.

24 июля 1966 г. Мао Цзэдун, созвав расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, лично подверг на нем критике Лю Шаоци, на которого затем яростно ополчились руководители Группы по делам культурной революции ЦК КПК, заменившей тогда по указанию Мао Цзэдуна и Секретариат и Политбюро ЦК КПК. Супруга Мао Цзэдуна, заместитель руководителя ГКР Цзян Цин, в частности, буквально кричала: «Лю Шаоци! Ты направлял рабочие группы, которые жестоко расправлялись с молодыми генералами культурной революции (так именовались уже упоминавшиеся активисты, главным образом студенты и учащиеся средних учебных заведений, действовавшие на местах по указанию ГКР. — *Ю.Г.*). Это величайшее преступление, которое нанесло неописуемый вред! Ты должен по всем правилам приличий лично просить прошения у подвергшихся репрессиям молодых генералов культурной революции! Я считаю, что Лю Шаоци должен отправиться в Университет Цинхуа, в Пекинский университет и покаяться там в своих ошибках!.. Ты должен выслушать их обвинительные речи в твой адрес. Я настойчиво прошу председателя (Мао Цзэдуна. — *Ю.Г.*) утвердить это требование революции! Почему ты отмалчиваешься, Лю Шаоци?

Ты что, боишься масс?»[52].

Открытая и резкая, а по сути дела издевательско-демагогическая критика в адрес Лю Шаоци со стороны тех, кто был лишь назначен Мао Цзэдуном, но даже не входил в состав официально избранного руководства партии, звучавшая в присутствии Мао Цзэдуна, свидетельствовала именно о настроениях самого председателя ЦК КПК.

29 июля 1966 г. было принято решение отозвать и упразднить все рабочие группы, а также созвать XI пленум ЦК партии 8-го созыва. Приняв такое решение, Мао Цзэдун тем самым положил коней деятельности Лю Шаоци в качестве руководителя повседневной работы руководящих органов партии. Разногласия между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци вышли наружу. Лю Шаоци был поставлен в положение критикуемого по политическим мотивам. Правда, пока его обвиняли только в ошибках, но не в преступлениях и не в выступлении против политической линии Мао Цзэдуна. Вероятно, Лю Шаоци чувствовал, что это только начало.

В тот же день, т. е. 29 июля 1966 г., Лю Шаоци, очевидно формально выполняя «требование революции», требование Цзян Цин, скорее всего, с молчаливого согласия Мао Цзэдуна, продемонстрировал, что он «не боится масс», и выступил на многолюдном митинге представителей массовых революционных организаций в Доме ВСНП, Он, в частности, сказал: «Как осуществлять великую культурную революцию — вам это не очень ясно; вы это себе плохо представляете. Если вы спросите меня, как осуществлять эту революцию, то я вам честно отвечу, что тоже не знаю. Я думаю, что и многие другие товарищи из ЦК партии, члены рабочих групп этого не знают». По словам Лю Шаоци, «совершая культурную революцию при диктатуре пролетариата», следует «заново учиться, учиться в ходе революции». Он сообщил, что ИК КПК решил отозвать рабочие группы, как не отвечающие требованиям «культурной революции»[53].

Лю Шаоци прозрачно намекнул на то, что для него и многих других членов ЦК КПК «культурная революция» Мао Цзэдуна явилась полной неожиданностью; фактически он таким образом отмежевался от разработки планов этой политической кампании и от участия в ее начале и развертывании. Лю Шаоци также дал понять, что он сам и многие другие руководители партии по существу отстранены от руководства. Одновременно Лю Шаоци утверждал, что сами активные «вершители» этой «революции», члены созданных для ее осуществления молодежных и иных «революционных организаций», тоже действуют, не представляя

себе того, к чему приведет эта кампания и как сложится их собственная судьба. Оказывалось, что вместо четких разъяснений со стороны ЦК КПК Мао Цзэдун предложил только лозунги, которыми следовало руководствоваться не раздумывая и не оглядываясь, вслепую.

В листовках, которые в то время распространялись в Пекине, содержались высказывания Лю Шаоци, предостерегавшего своих противников: «Сегодня вас большинство, а завтра вы, возможно, окажетесь в меньшинстве… Мне приходилось бывать в меньшинстве, и председателю Мао Цзэдуну тоже приходилось… Не нужно стеснять свободу тех, кто ошибся, поступил неправильно, не нужно „бить по ним“, не нужно беспрестанно обличать их, тем более нельзя лишать их еды, отдыха». Лю Шаоци нащупывал слабое место в позиции Мао Цзэдуна — таковым, по его мнению, могло оказаться применение во внутрипартийной борьбе им и его приверженцами физического насилия, грубой силы, репрессивных методов, которые в КПК многими не одобрялись. Лю Шаоци сосредоточивался на том, как, не вступая в бой с Мао Цзэдуном по вопросам «стратегии» и «теории» «культурной революции», в то же время тактически «переиграть» Мао Цзэдуна и его союзников.

Итак, спустя всего полтора-два месяца после начала развертывания «культурной революции» Лю Шаоци оказался в положении одного из тех политических деятелей, руководителей партии и государства, против которых было направлено острие этой кампании; причем стало вполне ясно, что удар по Лю Шаоци наносился в соответствии с давно созревшими замыслами Мао Цзэдуна.

Здесь целесообразно попытаться рассмотреть вопрос о том, как в это время соотносились между собой позиции Мао Цзэдуна и Лю Шаоци в сфере политической стратегии и тактики. Как каждый из них видел ситуацию в стране и чем для каждого из них представлялась «культурная революция»?

Оба лидера полагали, что они верны социалистическому выбору; теория марксизма-ленинизма и собственные теоретические взгляды казались им единственно верными. Они были намерены и дальше идти по пути социализма.

В то же время, особенно в связи с «большим скачком», «народными коммунами» и их последствиями, приходилось реагировать на обстановку в стране, складывавшуюся неблагоприятно и для механизма власти, и для многих теоретических построений, которыми руководствовались, понимая их каждый по-своему, Мао Цзэдун и Лю Шаоци.

Оказалось, что после создания Китайской Народной

Республики руководителям КПК приходилось постоянно, а фактически каждодневно вести борьбу за то, чтобы удерживать политическую власть в своих руках. Более того, так и не удавалось развернуть строительство в сфере экономической и социальной жизни по-настоящему, т. е. чтобы это действительно приносило ощутимые результаты.

Дело было, по всей вероятности, в том, что практические шаги, предпринимавшиеся на основе теоретических разработок марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна, т. е. в соответствии с официальной идеологией партии, вызывали противодействие если не большинства, то очень многих людей в стране. При этом особую роль играла огромная численность населения. В Китае, с одной стороны, труднее производить какие бы то ни было изменения, если они навязываются сверху, чем в небольшой стране. В то же время недовольство народа накапливается довольно быстро, также представляя собой более серьезную опасность для власть имущих, чем в стране с небольшим населением.

Очевидно, что Мао Цзэдун, осознавая опасность для своего положения такого развития ситуации в стране, пришел к мысли о необходимости постоянной борьбы с недовольством населения путем непрерывного «продолжения революции».

До создания КНР Мао Цзэдун перманентно поддерживал пожар внутрипартийной борьбы, непрерывно держал саму КПК в состоянии борьбы против постоянно возникавших, по его мнению, новых и новых внутренних врагов. После прихода к власти в стране, после создания государства при руководящей роли в нем КПК, так называемого государства диктатуры пролетариата, Мао Цзэдун фактически продолжил свою практику, распространив ее не только на партию, но теперь уже и на всю страну, на все ее громадное население.

Иными словами, Мао Цзэдун предпочел обеспечивать свое выживание или сохранять свое положение у власти за счет борьбы, поднимая народ на все новые и новые, становящиеся непрерывными политические кампании, все время разрушая то, что представлялось ему враждебным, да и действительно было опасным и для его теоретических построений, и для его политической практики, и в конечном счете для созданной им властной структуры и всего механизма власти в целом.

Лю Шаоци тоже стремился идти по пути сохранения формировавшейся в КНР структуры власти, ратовал за незыблемость социалистического выбора. Однако при этом он иначе реагировал на проблемы в стране, пытаясь искать методы исправления ситуации путем облегчения положения народа,

компромиссов между требованиями населения и теоретическими концепциями партии, особенно в области экономической жизни общества. По сути дела, для Лю Шаоци решение реальных экономических проблем оказывалось важнее многих теоретических догм, которыми руководствовалась КПК.

Короче говоря, и после создания КНР Мао Цзэдун, находясь на вершине пирамиды власти, продолжал выступать как сила по преимуществу разрушительная. Для него революция никогда не прекращалась, превратившись, по сути дела, в борьбу за то, чтобы удержаться у власти до конца жизни; главным содержанием политики Мао Цзэдуна было разрушение всего того, что субъективно и объективно представлялось враждебным ему самому, созданной им структуре политической власти, его партии, его государству.

Лю Шаоци пытался в тех же условиях, в рамках социализма, быть силой созидающей, конструктивной. В тот период позиция Лю Шаоци была прогрессивнее; она позволяла надеяться на эффективность реформ и выход из тупиковой ситуации. Позиция Мао Цзэдуна не предоставляла такой возможности.

Спустя примерно полтора десятилетия после прихода к власти в стране, т. е. к середине 60-х годов, Мао Цзэдун придумал, как ему тогда казалось, радикальный способ, который сулил перспективу начать жизнь в стране как бы с самого начала, с чистого листа под руководством того же Мао Цзэдуна и его «обновленной» партии.

Мао Цзэдун видел, что в КНР нарастало недовольство населения всеми властвовавшими в стране партийными и государственными чиновниками: от низового уровня до высшего круга руководителей партии. И это происходило несмотря на то, что Мао Цзэдун в условиях КНР пошел на такие шаги, которые «развивали» то, что было сделано И.В.Сталиным в Советском Союзе, который в период коллективизации расправился с крестьянством, а народ запугал репрессиями, вызывавшими страх перед государством и его карательными органами.

Мао Цзэдун понял, что в КНР посредством коллективизации не удалось добиться от крестьян полного повиновения. Вернее, что этот прием произвел определенный эффект, но только на некоторое время, однако оторвать китайского крестьянина от земли и сделать его целиком зависимым от государства и, следовательно, послушным структурам власти не удалось. Поэтому он осуществил «народнокоммунизацию», или просто коммунизацию китайского крестьянства. Последствия были таковы. С одной стороны, действительно удалось привести к послушанию массы крестьян. С другой — экономика села была

подорвана. То, что Сталину удалось совершить с помощью одного шага — коллективизации крестьян в СССР, Мао Цзэдун сумел сделать в КНР с помощью двух последовательных и взаимосвязанных шагов — коллективизации и коммунизации.

В связи с ошибками и преступлениями в проведении политики в отношении китайского крестьянства, совершенными Мао Цзэдуном, его партией и государством, в стране сложилось тяжелое положение.

Хотя благодаря усилиям Лю Шаоци и других руководителей, но не Мао Цзэдуна ситуацию в экономике удалось частично исправить, недовольство партийным и государственным аппаратом, его политикой в целом среди народа нарастало. И тогда Мао Цзэдун принял решение придать устойчивость пирамиде власти, опираясь не только на обычные методы. Он задумал перенести недовольство политикой, идеологией и теорией, которые воплощались в практическую деятельность партии и государства, на конкретных исполнителей этой политики, т. е. на чиновников партийного и государственного аппарата, на руководителей партийных и государственных учреждений. Мао Цзэдун решил обратить недовольство населения чиновниками в свою пользу. Он выступил в роли «мудрого императора», который сам осознал вред, наносимый чиновниками, и осудил их. Императора, который предложил и разрешил простому народу выступить против «начальства» ближайшего, в низовых организациях, и более высокого уровня, вплоть до самого высшего, до руководителей ЦК КПК любого ранга, исключая лишь самого себя. Мао Цзэдун призвал к восстанию, разрешил бунтовать, дозволил вести «революционные» действия против всех руководителей партии и правительства, за единственным исключением: лично он, как всегда, был недосягаем для критики.

Вспоминается, как в 1956 г. в связи с появлением доклада Н.С.Хрущева с критикой культа личности в нашей стране я, работая тогда в КНР, обратился с вопросом к одному из своих китайских коллег. Дело в том, что тогда в КПК разворачивалась кампания, в ходе которой каждый член партии должен был представить в партийный комитет собственноручно написанное покаяние в своих политических ошибках. Я поинтересовался, начиная с работников какого уровня нужно писать такие покаяния или самообличающие заявления. Ответ был интересным: «Это должны делать все». Тогда я поинтересовался: «И председатель Мао Цзэдун?» И тут я услышал: «Нет, председателю Мао Цзэдуну этого делать не нужно». Я полюбопытствовал: «А Лю Шаоци?» — «А Лю Шаоци, пожалуй,

должен это сделать», — ответил собеседник после некоторой паузы.

Возвращаясь к развитию событий в ходе «культурной революции», необходимо еще раз подчеркнуть, что Мао Цзэдун практически вывел из этой политической кампании репрессивный аппарат, в том числе и вооруженные силы государства, отведя им роль своего орудия на крайний случай, т. е. для наведения порядка, прекращения хаоса и восстановления управляемости в стране.

«Культурная революция» представляла собой в некотором роде «реформы наоборот», которые привели к изменениям в персональном составе руководства, в структуре политического механизма — изменениям, которые формально отражали недовольство населения и, казалось бы, могли принести людям удовлетворение. Однако, по сути дела, это были изменения, направленные на то, чтобы повернуть ход истории вспять, чтобы заставить страну и народ вернуться назад, к 1949 г., в том смысле, что Мао Цзэдун как бы предлагал людям в КНР начать заново строить государство под руководством персонально обновленного состава политического чиновничества, а на деле под руководством все того же Мао Цзэдуна и наиболее реакционно настроенных членов его же политической партии.

«Культурная революция» была в известном смысле действительно революцией или, если угодно, контрреволюцией Мао Цзэдуна и самой консервативной части его партии против ее относительно прогрессивной части, контрреволюцией, в которой под знаменем революции Мао Цзэдун и его наиболее реакционные сторонники возглавили массы населения, громя и физически уничтожая наиболее передовых членов той же политической партии; при этом пострадали очень многие, не только самые прогрессивные, но и просто мыслящие люди. «Культурная революция» приобрела такие громадные масштабы, что в КНР не осталось ни одной семьи, где не было бы пострадавших в ходе этих событий. Таким образом, «культурная революция» Мао Цзэдуна нанесла ущерб не только относительно прогрессивной части китайской нации, но принесла горе, несчастья и страдания практически всему китайскому народу, всей китайской нации, которой она обошлась в десятки миллионов человеческих жизней.

И тем не менее «культурная революция» действительно позволила разрядить неудовлетворенность, накопившуюся в самых широких слоях общества, особенно в люмпенской среде. Мао Цзэдуну удалось так организовать дело, что этот выход раздражения народа он обратил против значительного числа

партийных и государственных руководителей. При этом он сам, обладая верховной властью диктатора и в партии, и в государстве, встал во главе этого движения, причем не один, а вместе с теми партийными чиновниками, которые проявили себя как его самые верные сообщники.

Мао Цзэдун и часть партийной номенклатуры в аппарате ЦК КПК и властных структурах возглавили проявление массового недовольства политикой КПК, обратив его против другой части руководства.

Таким образом, выступление масс населения против социалистического пути в КНР или за реальные реформы на этом же пути было сознательно спровоцировано Мао Цзэдуном в профилактических целях и обращено против определенной группы партийного аппарата.

Так Мао Цзэдун создавал впечатление, что в стране происходит мирная, без применения оружия, якобы революция против неугодной народу прогнившей власти под руководством якобы подлинно народных и революционных сил, т. е. его самого и его сторонников. При этом Мао Цзэдун не только сохранял, но и укреплял су шествовавший властный механизм. Это проявлялось даже в том, что в то время, пока громили парткомы и прочие административные и государственные учреждения, органы управления экономической жизнью страны, Мао Цзэдун правил страной, приводя в действие подлинные рычаги власти: армию, органы безопасности, а также используя молодежные отряды — упомянутых *хунвэйбинов* и отряды *изаофаней,* т. е. «бунтарей» из числа рабочих и служащих, которые в основном находились под контролем части верных ему руководящих органов.

«Культурная революция» была одним из тех деяний, которыми Мао Цзэдун гордился более всего. Она явилась политической кампанией, имевшей целью обмануть народ и закрепить вторично, после 1949 г., еще на некоторое время диктатуру власти КПК, обеспечив поддержку этой власти со стороны значительной части населения.

В то же время «культурная революция» была обращена против определенной группы активистов партии, партийных руководителей, действия которых е предшествовавшие годы в конечном счете могли привести к разрушению структуры власти, построенной Мао Цзэдуном. Вполне естественно, что, по его мнению, Лю Шаоци был главным представителем сил внутри КПК, которые Мао Цзэдун считал враждебными. Объективно Лю Шаоци еще до «культурной революции» выглядел в глазах Мао Цзэдуна как «враг номер один» внутри властных структур.

Начиная с конца июля 1966 г. происходила эскалация наступления на Лю Шаоци. На различных ее ступенях раскрывались все новые глубины расхождений между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци. Сложность ситуации состояла в том, что Лю Шаоци так и не выступил открыто против Мао Цзэдуна. Это соответствовало определенным политическим традициям Китая, реально сложившемуся в КПК положению и тому, как Лю Шаоци видел ситуацию и каким политическим деятелем он был к моменту начала «культурной революции».

Лю Шаоци, несмотря на все мучения, до конца своей жизни оставался верен своему выбору в пользу социализма; он также считал, что в принципе и Мао Цзэдун является коммунистом, он лишь использует неверные методы в деле строительства социализма в КНР. Лю Шаоци оставался как бы в одной семье с Мао Цзэдуном и потому не мог подняться до уровня открытой борьбы против маоцзэдуновского социализма, против идей Мао Цзэдуна. Однако проявившиеся в ходе «культурной революции» взгляды Мао Цзэдуна и Лю Шаоци и их действия позволяют яснее увидеть, что такое социализм в КНР и к чему приходили в этой стране последователи социализма, которым пришлось на себе испытать репрессии Мао Цзэдуна.

Интересным и важным представляется проследить процесс сознательной или даже неосознанной борьбы против установившегося режима и системы, созданной КПК. Лю Шаоци волей-неволей был поставлен в положение врага Мао Цзэдуна. Оказалось, что если политический деятель исходит из реальной действительности и пытается реагировать на нее, не навязывая насильно определенный порядок, а пытаясь разрешить насущные вопросы, не применяя при этом силу, не прибегая к массовым кампаниям, то этот полупрогресс или просто в определенном смысле честная реакция на ситуацию вызывает «смертельный укус» со стороны системы.

Лю Шаоци не хотел сознательно разрушать социализм, создававшийся Мао Цзэдуном, да и им самим в КНР. Он понимал ситуацию иначе, чем ее стали понимать спустя годы после его смерти. Но в условиях своего времени он не желал действовать так, как предлагал Мао Цзэдун, а если учесть, что политика Мао Цзэдуна привела к миллионам, а может быть, и к десяткам миллионов жертв, то уже одно то, что Лю Шаоци сам стал жертвой такой политики, заявляя, что не протестует против «культурной революции», но в то же время не понимает ее и решительно возражает против массовых репрессий в ходе ее проведения, делает Лю Шаоци политическим деятелем, судьба которого заслуживает не только сострадания, но и исследования,

так как изучение его поведения и взглядов позволяет глубже осознать всю бесперспективность какого-либо компромисса с политикой Мао Цзэдуна, равно как и пособничества ему. Понимание того, что произошло с Лю Шаоци, помогает лучше осознать неприемлемость для народа как политической практики Мао Цзэдуна, так и теории, которой он руководствовался.

Отстранение

В августе 1966 г. состоялся XI пленум ЦК КПК 8-го созыва. В дни пленума (5 августа) Мао Цзэдун выступил с документом, который он назвал «Моя дацзыбао». Дацзыбао, как уже говорилось выше, это собственноручно написанные крупными иероглифами на листах бумаги и вывешенные для чтения в людном месте заявления; особое распространение получили во время «культурной революции»; Мао Цзэдун поощрял появление дацзыбао, видя в них средство борьбы против своих противников в ходе этой кампании.

В этом заявлении прямо не говорилось о Лю Шаоци, его имя не упоминалось, но был брошен призыв «открыть огонь по штабу», т. е. содержался прозрачный намек на существование в самом ЦК КПК помимо «штаба культурной революции» во главе с Мао Цзэдуном и другого «штаба», а именно «буржуазного штаба». Так по инициативе Мао Цзэдуна Лю Шаоци постепенно подводили под категорию «классового врага», «лазутчика», или «агента» «классового врага», или даже «иностранного ревизиониста» внутри руководства КПК.

Не случайно Лю Шаоци стали впоследствии именовать «китайским Хрущевым». Имелось в виду, что Лю Шаоци — это «бомба замедленного действия», которая заложена «под боком» у Мао Цзэдуна и которая взорвется, когда Мао Цзэдуна уже не будет в живых, причем ее взрыв будет по своему характеру таким же, как действия Н.С.Хрущева, раскритиковавшего И.В.Сталина после его смерти, а это развенчание Мао Цзэдун и его сторонники рассматривали как «огульное и полное отрицание Сталина» и не были согласны с такими шагами Н.С.Хрущева; в их глазах он был политическим деятелем, который повернул СССР и КПСС на путь реставрации капитализма, на путь ревизионизма. Поэтому и Лю Шаоци впоследствии стали именовать политиком, идущим по капиталистическому пути, или «каппутистом».

Попутно представляется уместным заметить, что события, которые произошли в нашей стране в связи с критикой И.В.Сталина на XX съезде КПСС, нашли свое отражение в КНР. В истории КПК имелись по крайней мере два выступления с критикой политики и деятельности Мао Цзэдуна: одно — члена Политбюро ЦК КПК, министра обороны КНР Пэн Дэхуая в 1959 г., другое — заместителя председателя ЦК КПК, председателя КНР Лю Шаоци в первой половине 60-х годов. Оба выступления были реакцией на бедствия, которые переживал китайский народ в результате неверной и преступной политики Мао Цзэдуна,

приведшей к гибели миллионов людей и к разрушению экономики страны, и явились своеобразным китайским эхом критики И.С.Хрущевым культа личности И.В.Сталина в нашей стране. В этом смысле можно говорить о своеобразной перекличке в действиях Н.С.Хрущева, с одной стороны, и Пэн Дэхуая и Лю Шаоци — с другой, однако и Пэн Дэхуай, и Лю Шаоци выступили с критикой Мао Цзэдуна при его жизни.

На XI пленуме руководство ЦК КПК было реформировано. Лю Шаоци потерял положение «человека номер два», или «второго лица», в руководстве партии. В избранном на пленуме составе Постоянного комитета Политбюро Лю Шаоци занял только восьмое по рангу место. Лю Шаоци не возражал против этого решения[54].

Фактически это означало, что по инициативе и по решению Мао Цзэдуна Лю Шаоци был отстранен от работы и должен был, как это было заведено в Компартии Китая, ожидать, пока будет дано определение характера его «ошибок».

Вообще в годы «десятилетней смуты» (1966–1976) при рассмотрении персональных дел в КПК, прежде всего тогда, когда против того или иного члена партии выдвигались обвинения в совершении ошибок политического характера или ставился вопрос о неясностях в его политической биографии и т. д., партийный орган соответствующей ступени принимал решение о том, что член партии должен «отойти в сторону».

Такое решение предполагало, что член партии официально не лишался своего поста, но практически отстранялся от работы, оказывался как бы в подвешенном состоянии, В таком положении человек и его «дело» могли находиться в течение длительного времени, иной раз годами. Руководящий партийный орган в это время требовал от него писать объяснения в связи с теми или иными обстоятельствами, самокритично анализировать свои поступки и мысли. Официальные обвинения могли в течение продолжительного времени не предъявляться; никакого уголовно-процессуального кодекса в КПК не существовало.

В то же время отстраненный от дел находился как бы под домашним арестом, под строгим наблюдением, его свобода существенно ограничивалась. По сути дела, он оказался изолированным от общества.

Втайне от члена партии через систему внутрипартийного политического сыска, а в случае необходимости и с привлечением соответствующих государственных учреждений, продолжалась работа по сбору против него обвинений, в ряде случаев организовывалась массовая кампания осуждения ошибок или «преступлений» человека в малоформатной печати (т. е. в газетах

как бы неофициальных, формально принадлежавших так называемым массовым революционным организациям) или в официальной партийной печати. Член партии в это время был лишен права голоса. Он мог только давать ответы на запросы вышестоящих организаций или «масс», которые действовали с санкции партийных органов.

Многие члены партии во время «культурной революции», оказавшись в таком положении, не выдерживали и кончали жизнь самоубийством еще в период, так сказать, неопределенности, после чего сам факт самоубийства называли «отделением себя от партии», а мертвых начинали именовать людьми, которые сами поставили себя в положение врагов партии и народа, предателей или агентов либо иностранных держав, чаше всего СССР, либо Гоминьдана.

В последующие месяцы 1966 г., вплоть до начала 1967 г. Лю Шаоци, лишенный возможности работать, старался внимательно следить за ходом событий. Он знакомился с документами, которые еще продолжали поступать к нему. Читал газеты, расспрашивал своих детей о том, что происходило в Пекине. В кругу семьи не скрывал того, что не одобряет обыски в домах, избиения людей, которые тогда стали просто массовым, обычным и рядовым явлением и в столице КНР, и в стране в целом. На улицах царило беззаконие, когда молодые активисты «культурной революции» могли необоснованно избить человека или разгромить чей-либо дом; при этом многое из того, что они делали, производилось по заданиям, которые они получали от «штаба культурной революции», заинтересованного в преследовании своих политических противников или людей, которые были отнесены Мао Цзэдуном и его сторонниками к этой категории.

Лю Шаоци продолжал жить, находясь практически под домашним арестом, в особняке на территории резиденции руководства партии и государства — в Чжуннаньхае, т. е. в огороженной и тщательно охраняемой части бывшего императорского дворца в Пекине, где работали и жили высшие руководители КПК и КНР со своими семьями.

Лю Шаоци в это время сталкивался с неожиданными для него вещами. Оказалось, что в орбиту кампании массовых обысков, проводившихся молодежными организациями зачастую по заданию и в сотрудничестве с действовавшими иной раз скрытно, а иной раз совершенно открыто органами общественной безопасности, начинают втягиваться его дети.

Однажды вечером за ужином он услышал, как его дочь Лю Пинпин и сын Лю Юаньюань обсуждали представлявшиеся им

«героическими подвигами» действия своих соучеников, которые производили обыски в домах «нечисти», и перечисляли при этом захваченные у несчастных жертв «культурной революции» «трофеи» (это могли быть и какие-то личные веши, и, например, письма 30-х годов, имевшие отношение к Цзян Цин или другим руководителям «культурной революции», либо просто свадебные фотографии, также считавшиеся криминалом, ибо изобличали их хозяев в привязанности к культуре враждебных классов). Лю Пинпин и Лю Юаньань собирались пойти вместе со своими школьными друзьями участвовать в подобных «мероприятиях». Услышав о намерениях детей, Лю Шаоци решительно воспротивился этому, сказав сначала только два слова: «Не ходите». Дети не осмелились перечить отцу, но на их лицах выразилось недовольство.

После ужина Лю Шаоци принес из кабинета Конституцию КНР и, позвав дочь и сына, строго сказал: «Нельзя производить обыски в домах; избиения — это нарушение Конституции страны. Я — председатель Китайской Народной Республики и должен нести ответственность перед Конституцией!»[55].

Лю Шаоци ощущал себя гарантом Конституции КНР. Формально он тем самым выступал лишь против методов «культурной революции», но эти методы отражали ее сущность. Мао Цзэдун посягал на Конституцию страны, а Лю Шаоци защищал ее. Пусть Конституция существовала лишь на бумаге, но даже провозглашение верности Конституции КНР, само подтверждение ее положений оказывалось выступлением против планов Мао Цзэдуна. Он беззастенчиво демонстрировал стремление бесконтрольно распоряжаться властью. Структура власти при социализме Мао Цзэдуна — это механизм распоряжения жизнями людей по воле вождя и помогающего ему слоя политических чиновников.

Лю Шаоци, по крайней мере хотя бы формально, делал шаг в сторону демократии и цивилизации. Мао Цзэдун был против этого даже по отношению к основному закону государства, да и вообще к понятию законности, когда речь шла о его лидерстве в партии и в стране. Мао Цзэдун — это беззаконие, это власть без ответственности. Лю Шаоци пытался, даже при Мао Цзэдуне — высшем руководителе, верховном вожде, защищать хотя бы некоторые законные и демократические нормы, которые, будучи сохраненными хотя бы формально, в дальнейшем могли стать основой для развития демократии и упрочения законности в стране.

Лю Шаоци также старался сохранять добрые традиции китайской культуры. Он не желал, чтобы Мао Цзэдун и его

политический механизм управления партией и страной отнимали у него детей. Их участие в антиконституционных действиях, в политической кампании, начатой Мао Цзэдуном, отрывало их от отца, от матери, разрушало семью, расшатывало уважение младших к старшим, детей к родителям.

Так углублялся и проявлялся конфликт Лю Шаоци с Мао Цзэдуном и властными структурами, которые действовали в соответствии с его желаниями. Лю Шаоци, конечно же, сознавал, что неучастие его детей в деятельности молодежных революционных организаций создаст трудности для них, да и непременно отразится на его судьбе. И тем не менее он все-таки боролся за детей, отстаивал свою принципиальную позицию, по крайней мере у себя дома, в своей семье. Очевидно, ему становилось все более ясно, что «культурная революция» Мао Цзэдуна, все ее методы, вся ее сущность никак не вписывались в то, что он считал допустимым.

В Чжуннаньхае, как и по всей стране, вывешивались дацзыбао с «разоблачениями преступлений» руководителей партии и государства. Механика появления таких материалов была для Лю Шаоци очевидна: подобные сведения хранились только в партийных архивах, следовательно, Мао Цзэдун дал санкцию на то, чтобы, в обход и «КПК, в обход Лю Шаоци и других руководителей партии, эти материалы передавались вожакам молодежных организаций с указаниями размножить и распространить их для сведения населения страны. Мао Цзэдун намеренно раскрывал некоторые секреты партии и таким образом дирижировал ходом политической борьбы внутри партии, чтобы выгораживать себя и снижать в общественном мнении авторитет своих политических противников, а также всех тех, кого он относил к категории таких людей.

Это не могло оставлять Лю Шаоци равнодушным. Он пришел в особое волнение, когда прочитал грубые выпады в адрес члена Постоянного комитета Политбюро, председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей маршала Чжу Дэ, а также ветеранов партии Кан Кэцин (супруги Чжу Дэ) и председателя Всекитайской федерации женщин Пай Чан. В связи с этим Лю Шаоци сказал: «Так продолжаться больше не может»[56].

Он размышлял, пытаясь вложить в привычные для себя рамки и нормы то, что происходило у него на глазах. При этом разум и логика подводили Лю Шаоци к крушению его прежних представлений; в то же время совместная деятельность с Мао Цзэдуном и другими руководителями партии тесными узами связывала его с прошлым. Лю Шаоци потерял покой и сон, еще

больше похудел. Очевидно, пытаясь получить дополнительные сведения о том, в чем же его обвиняют, Лю Шаоци по своей инициативе выразил желание послушать мнение о себе людей, которые долгие годы работали в его аппарате, — телохранителей, повара, шофера и др. Когда все они собрались, Лю Шаоци обратился к ним с такими словами: «Великая культурная революция только началась. Я был очень занят и до сих пор не имел случая выслушать вас. Сейчас я надеюсь, что вы откровенно выскажете все, что у вас накопилось…»

Своим шагом Лю Шаоци поставил этих людей, как, впрочем, ранее и своих детей, в весьма затруднительное положение. Несомненно, что о его разговорах дома, в кругу семьи, а также о его желании побеседовать с прикрепленными к нему работниками аппарата ЦК партии тут же становилось известно и компетентным органам, т. е. там, «где надо», и, естественно, Мао Цзэдуну. Обслуживавший персонал, вероятно, получил соответствующие инструкции, и люди говорили в основном то, что считали нужным довести до Лю Шаоци Мао Цзэдун и его приверженцы. Кроме того, они были также обеспокоены судьбой своих близких и своей собственной карьерой и судьбой.

Один из них сказал: «Мы работали здесь много лет. Вы работаете так, словно для вас нет ни дня ни ночи. При этом живете очень просто, скромно. Тут не о чем говорить… Как же все-таки могло получиться, что вы совершили ошибку?»

Весьма характерный ход мыслей «простого» китайского человека той эпохи. Он не сомневался в том, что Мао Цзэдун прав, а Лю Шаоци совершил политические ошибки. И здесь все личные достоинства человека, его безупречное поведение отходили на задний план, ничего не значили; политика была главным, «политика — превыше всего*, а потому на Лю Шаоци следовало смотреть как на совершившего политические ошибки руководителя партии. Только такая позиция позволяла рядовым сотрудникам аппарата хотя бы на время сберечь свою собственную жизнь.

Другой сотрудник обслуживающего персонала заметил: «Вам все же нельзя думать только о том, как тащить за собой телегу, и не поглядывать вперед, на дорогу!» Лю Шаоци упрекали в том, что он ошибся в стратегии, пошел не по тому пути, который указывал Мао Дзедун.

Итак, даже для тех, кто если не всю жизнь, то много лет провел вблизи от руководителей страны, Лю Шаоци был всего лишь практическим исполнителем указаний Мао Цзэдуна. Получалось так, что в КНР был только один вождь, а все остальные должны были быть исполнителями его воли. Любой

исполнитель, в том числе и глава государства, председатель КНР, «человек номер два» в партии, мог быть произвольно и бездоказательно в одну секунду объявлен Мао Цзэдуном деятелем, совершившим ошибки в политике, и это утверждение не подлежало сомнению. Более того, выжить можно было, только слепо следуя за Мао Цзэдуном. Такова была тогда обстановка в партии и в стране.

Третий сотрудник обслуживающего персонала бросил упрек: «Направить на места рабочие группы — это ведь важнейшее дело. Как же вы не запросили указания у председателя Мао Цзэдуна?» И этот человек был убежден в абсолютной правоте Мао Цзэдуна. Было очевидно, что Лю Шаоци не мог найти понимания ни в партийном, ни в государственном аппарате. Люди, жившие в Китае, хотя и страдали от разных бед, но каждый конкретный человек, когда дело касалось его судьбы, старался прежде всего публично продемонстрировать свою лояльность Мао Цзэдуну и благодаря этому сохранить жизнь, свою и своих родных. Китайцы не разволновались из-за того, что Лю Шаоци был отнесен к числу политических деятелей, совершивших, по мнению Мао Цзэдуна, политические ошибки. Разрыв между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци не расколол население КНР. Лю Шаоци остался наедине со своими бедами и страданиями. Он с самого начала «культурной революции» находился во власти Мао Цзэдуна.

Лю Шаоци был столь подавлен тем, что услышал, что все время, пока длилась эта встреча, хранил молчание. И после нее он продолжал молчать. Только спустя несколько часов в кругу семьи Лю Шаоци сказал: «Я не понимаю, что происходит; но я постараюсь не отставать от развития ситуации!»[57].

Лю Шаоци был поражен тем, что утрачивает связь, которая, как он думал, у него раньше была не только с детьми, но и с народом, даже с теми людьми, с которыми он общался каждый день. К удивлению Лю Шаоци, оказывалось, что в этой обстановке, да и, собственно говоря, вообще в КПК и в КНР при единоличной власти Мао Цзэдуна, в существовавшем тогда китайском обществе, структуру которого он так долго создавал вместе с Мао Цзэдуном, люди готовы были легко отказаться от уважения к нему, к его делам. Очевидно, что Лю Шаоци мучил вопрос о том, почему так происходило; он искал ответ на него везде и всюду и, вероятно, поэтому счел нужным беседовать с людьми, которые держались за свои должности, докладывая «куда надо» о всех его словах и поступках.

Понимал ли Лю Шаоци уже тогда, что Мао Цзэдун действительно ведет против него борьбу как против смертельного врага, т. е. что речь идет о его жизни? Во всяком случае, Лю

Шаоци был загнан в тупик; он много размышлял и никак не мог прийти к окончательным выводам. При этом он продолжал подчиняться правилам, установленным в КПК. Из них, в частности, следовало, что партией, которого обвиняли в совершении политических ошибок, должен был давать разъяснения, оправдываться.

О презумпции невиновности в партии, руководимой Мао Цзэдуном, да и самим Лю Шаоци, речи никогда не было. Если вождь или его соратники полагали, что кто-то виноват, то человеку приходилось оправдываться. Его оправдания обычно использовались как лишнее доказательство его же вины. Это был заколдованный круг. Это была бесчеловечная практика бесчеловечной машины власти, рожденная бесчеловечной теорией в бесчеловечных умах.

После того как Лю Шаоци был отстранен от работы, «отведен (отставлен) в сторону», внутри руководства партии, в недрах партийного аппарата (в данном случае имеются в виду только внутрипартийные структуры, действовавшие по заданию Мао Цзэдуна, или люди, выполнявшие его указания) начался процесс определения характера ошибок в политической деятельности Лю Шаоци. При этом с самого начала подразумевалось, что его действия были ошибочными; стороны в конфликте внутри руководства КПК и КНР находились в неравном положении: нападающая сторона была не обязана реагировать на разумные доводы обвиняемого. Лю Шаоци же должен был оправдываться, объяснять свои действия, каяться и признавать ошибки.

Подчеркнем, что расследование велось по партийной линии. На деле Лю Шаоци был лишен сразу же всех политических и гражданских прав. Он уже не имел возможности действовать не только как председатель КНР, но и как гражданин КНР. Нормы Конституции КНР на него не распространялись. В понимании партии Мао Цзэдуна внутрипартийные решения и разбирательство были вне и выше Конституции и законов государства.

Расследование по партийной линии было также дальнейшим (скажем, по сравнению со сталинским периодом в ВКП(б) и СССР) шагом Мао Цзэдуна по усовершенствованию системы преследований своих политических противников или тех, кого он считал таковыми. Расследование по партийной линии не требовало передачи дела в судебные органы, не требовало соблюдения каких бы то ни было законов. Оно становилось как бы внутренним, своего рода семейным делом партии. Обвиняемый или преследуемый как бы выводился из категории граждан КНР и оставался только собственностью или

принадлежностью партии, имуществом партии, с которым она могла поступить по своему произволу; при этом партия — это был исключительно Мао Цзэдун. Основной принцип партийна: «Я — человек партии и признаю суд только моей партии» — был возведен в абсолют, использовался для бесконтрольной расправы с людьми, для того, чтобы творить беззакония.

Для этого существовала целая система тюрем, концентрационных лагерей или лагерей трудового перевоспитания, в которых люди испытывали мучения, но обратиться в суд у них не было даже формальной, не говоря уже о физической возможности, так как все эти репрессии стали внутрипартийными, не касались никого, кроме партии, ее высшего суда, т. е. мнения Мао Цзэдуна и тех политических чиновников, кому он доверял в тот или иной момент или исторический период, которым и поручалось расследование такого рода дел, вынесение приговоров и их исполнение все по той же партийной линии.

Кстати сказать, когда настала пора и оказалось возможным и необходимым дать новую оценку тому, что произошло с Лю Шаоци, то обстановка в стране, а это было на рубеже 80-х годов, хотя и после смерти Мао Цзэдуна, оставалась такой, что никто, даже родственники Лю Шаоци не могли обратиться в суд и потребовать наказать за беззакония и преступления, совершенные Мао Цзэдуном и его приверженцами, имея в виду даже чисто уголовные аспекты их злодеяний, нарушения правовых норм и Конституции страны в «деле» Лю Шаоци.

В августе и октябре 1966 г. Лю Шаоци пришлось дважды выступать с документами, которые в КПК в то время именовались «самокритикой», «самоанализом», «самоизобличением» или «саморазоблачением». В листовках, распространявшихся в то время в Пекине, в частности, сообщалось, что впервые он представил такой документ 22 августа 1966 г. Это заявление было направлено им в ЦК КПК для того, чтобы высказать свое мнение по вопросу о предъявленных ему обвинениях в совершении политических ошибок. Фактически это была часть борьбы Лю Шаоци в защиту своей правоты. Формально он получил возможность по-своему трактовать то, что было определено как его ошибки. Однако при этом те люди, которые расследовали его дело, обычно использовали такого рода «самопризнания», как документы, к которым подходили исключительно с критических позиций; на основании их строились дальнейшие обвинения, их использовали для того, чтобы унижать подследственного партийца и продолжать выдвигать обвинения в его адрес.

В своем «покаянии» Лю Шаоци заверял, что ошибался он не

преднамеренно, а просто потому, что не понял глубины идей Мао Цзэдуна, сразу не осознал необходимости наращивания массового движения и именно потому проявил излишнюю осторожность, когда решил не пускать это движение на самотек, а ввести его в организационные рамки, направив в некоторые вузы и учреждения рабочие группы. Не признавая себя врагом идей Мао Цзэдуна, автор «самоанализа» твердо заявлял, что он никогда не занимался «закулисной деятельностью», и подчеркивал, что теперь вообще отошел от практического руководства «культурной революцией». Это утверждение перекликалось с тем, что скажет Лю Шаоци в ноябре 1966 г.: «Начиная с XI пленума ЦК КПК 8-го созыва я не участвую в руководящей деятельности, и за культурную революцию с меня не должно быть спроса»[58].

На этом этапе Лю Шаоци, вероятно, еще надеялся ограничить дело вопросом о направлении рабочих групп или просто писал лишь о том, о чем стали открыто говорить на заседаниях руководства в июле-августе 1966 г., бросая обвинения в его адрес. Лю Шаоци, по сути дела, реагировал лишь на открыто прозвучавшие на заседаниях руководства выпады по поводу его деятельности летом 1966 г., всячески подчеркивая, что он не враг идей Мао Цзэдуна, не занимался закулисной деятельностью и допустил лишь ошибки тактического характера, частично затруднившие осуществление планов Мао Цзэдуна. Лю Шаоци стремился оставаться одним из высокопоставленных функционеров партии, попавшим, правда, в политически сложное положение. Ставя вопросы таким образом, он создавал основу для возможного, как ему казалось, дальнейшего политического маневрирования. Прямая политическая конфронтация с Мао Цзэдуном в КНР того времени была просто невозможна.

С другой стороны, Лю Шаоци решительно отмежевался от методов «культурной революции», от практики ее осуществления. Это было совершенно неприемлемо с точки зрения Мао Цзэдуна, который полагал, что критика методов «культурной революции» была замаскированным отрицанием ее сущности, И в этом Мао Цзэдун был недалек от истины. «Самоанализ» Лю Шаоци, представленный им в августе 1966 г., никак не мог удовлетворить Мао Цзэдуна и его соратников по «культурной революции».

В октябре 1966 г. в Пекине было проведено рабочее совещание ЦК КПК, на котором присутствовали руководители всех отраслей хозяйства страны, больших административных районов, провинций, городов центрального подчинения, автономных районов. На этом совещании с докладом выступил член Постоянного комитета Политбюро ИК КПК, руководитель ГКР Чэнь Бода. Он заявил, что Лю Шаоци «представляет

ошибочную буржуазную контрреволюционную линию», которая существует в партии. По словам другого оратора, заместителя председателя ЦК КПК Линь Бяо, массовое движение — естественно и разумно, а «линия», представителем которой выступает, в частности, Лю Шаоци — это линия на «подавление масс»; это линия, противодействующая, по мнению Линь Бяо, революции, направленная против масс[59].

Таким образом, в октябре 1966 г. был сделан следующий шаг в эскалации обвинений против Лю Шаоци. Он был назван представителем «буржуазной контрреволюционной линии», противопоставленной политической линии Мао Цзэдуна, именовавшейся тогда пролетарской. Так уже тогда Лю Шаоци был обвинен не просто в том, что он «боялся масс», «не доверял массам», а в том, что у него с партией, с Мао Цзэдуном были противоречия классового характера; запахло обвинениями в переходе на сторону классового врага, и ощущалось приближение зачисления Лю Шаоци в классово чуждые элементы, что предполагало смертельную борьбу против него как классового врага.

«Самокритика» Лю Шаоци была представлена на октябрьском рабочем совещании ЦК КПК в письменном виде. Документ был датирован 23 октября 1966 г. В нем автор прежде всего отметил, что он «решительно одобряет указания председателя Мао Цзэдуна и товарища Линь Бяо, согласен с выступлением товарища Чэнь Бода» (имелся в виду доклад, с которым Чэнь Бода выступил на этом совещании).

Далее Лю Шаоци писал: «На протяжении более 50 дней, начиная с 1 июля 1966 г., я, руководя великой пролетарской культурной революцией, допускал ошибки… Главную ответственность за эти ошибки должен нести я…

…До 18 июля председателя Мао Цзэдуна не было в Пекине. Повседневной работой ЦК в это время руководил я…

…И я, и многие другие товарищи не поняли нового этапа социалистической революции. Мы можем только учиться у масс; мы не должны были направлять рабочие группы, которые подменяли бы собой массы, и таким образом создавать структуру органов для руководства великой пролетарской культурной революцией… В то время некоторые товарищи считали рабочие группы ненужными. Товарищ Чэнь Бода давно высказывал такое соображение. (Чэнь) Бода понял мысль председателя Мао Цзэдуна…

…Я совершал в прошлом принципиальные ошибки.

…В 1946 г. у меня были иллюзии относительно возможности мира (между КПК и Гоминьданом. — *Ю.Г.*)…

В том же, 1946 г. я недостаточно поддерживал товарища Линь Бяо.

В 1947 г. я ошибался в оценке аграрной реформы.

В 1949 г. я проводил ошибочную политику по отношению к торгово-промышленным капиталистическим предприятиям.

В 1951 г. я неправильно оценил предложения о переходе от групп взаимопомощи к коллективным хозяйствам в деревне.

В 1955 г. при моей поддержке Дэн Цзыхой провел неправильное решение о двухстах тысячах коллективных хозяйств (они были распушены как неэффективные. — *Ю.Г.*).

В 1962 г. я заявил, что мы уже в основном исправили ошибки, допущенные начиная с 1958 г.

В 1964 г. я внешне был „левым“, а по существу „правым“. В 1964 г. я допустил ошибки, исправленные после того, как по личной инициативе председателя Мао Цзэдуна были приняты „23 пункта“».

Лю Шаоци писал также, что документы XI пленума и< КПК 8-го созыва, на котором, в частности, обсуждался вопрос о его ошибках, он одобряет и считает правильными организационные выводы, изменения, произведенные на пленуме. Он обещал строго следовать партийной дисциплине и не двурушничать.

Далее Лю Шаоци объяснял, почему он «совершал ошибки» в ходе «культурной революции»:

«1. Я не понял, что нынешняя культурная революция является новым этапом еще более глубокого и еще более широкого развития социалистической революции в нашей стране… Методы, которыми мы действовали в свое время, означали фактически проявление недоверия к массам. Мы посылали рабочие группы потому, что боялись беспорядка, опасались широкой демократии, страшились возмущения масс против нас, боялись, что на сиену могут выйти контрреволюционеры.

2. Мы ошибались в оценке культурной революции, правомерных явлений, которые возникли во время этой революции, а некоторые неизбежные промахи и недостатки приняли за выступления против партии, против диктатуры пролетариата. Отсюда мы сделали ошибочные выводы, что неизбежно столкнуло нас на буржуазные реакционные позиции, к проведению буржуазной линии.

3. Я еще не полностью искоренил свое буржуазное мировоззрение. В моих взглядах еще много идеализма и метафизики. Поэтому когда я анализировал и решал вопросы, то часто был негибок, а иной раз действовал с буржуазных позиций; работая, я считал, что правда на моей стороне, любил выступать в роли наставника.

Корень же всего в том, что я недостаточно изучал идеи Мао Цзэдуна и не овладел этими идеями, не мог в работе и в борьбе применять идеи Мао Цзэдуна. Я не шел в массы, чтобы учиться у них… Я не обо всем докладывал председателю Мао Цзэдуну… Практически иной раз действовал вопреки идеям Мао Цзэдуна… не прислушивался к правильным критическим замечаниям, а, наоборот, принимал некоторые ошибочные предложения»[60].

Лю Шаоци направил этот документ прежде всего Мао Цзэдуну, который наложил на нем следующую резолюцию: «Самоанализ» «в основном хороший, очень строгий, особенно хороша вторая половина». Следует отметить, что когда заявление Лю Шаоци печаталось для распространения по всей стране, то текст резолюции Мао Цзэдуна был опушен[61].

Казалось, что Мао Цзэдун добился того, чего хотел: Лю Шаоци признал свою позицию, линию и мировоззрение буржуазными, признал, что он на практике действовал вопреки идеям Мао Цзэдуна и покаялся в этом. Однако здесь проявились определенные черты характера Мао Цзэдуна. Он почти всегда оставлял своим политическим противникам призрачную надежду на возможность справедливого рассмотрения их «вопросов» и в то же время беспощадно вел дело к полному моральному и физическому уничтожению тех, кто показался ему посягающим на его власть, тех, чьи политические действия расценивались как потенциально опасные для проводившегося им политического курса.

Именно поэтому после появления покаяния Лю Шаоци в октябре 1966 г. кампания борьбы против него стала расширяться и усиливаться. В то время никто не смел выражать сочувствие Лю Шаоци. Возможно, единственным исключением оказалась вдова Сунь Ятсена — заместитель председателя КНР Сун Цинлин. Касаясь критики в адрес Лю Шаоци, она говорила в своем окружении: «Как же можно так относиться к такому старому революционеру, как Лю Шаоци?»

Хотя с августа по ноябрь 1966 г. Лю Шаоци, отстраненный от работы, представлял в ЦК КПК «самоанализы» и ждал решения своей участи, он тем не менее продолжал принимать участие в некоторых официальных церемониях, в частности присутствовал при встречах Мао Цзэдуна с членами массовых революционных организаций. Эти встречи проходили в Пекине 18 и 31 августа, 15 сентября, 1 и 18 октября, 3 и 10–11, а затем 25–26 ноября 1966 г. Допуская участие Лю Шаоци в этих мероприятиях, Мао Цзэдун решал несколько задач: во-первых, все это не мешало следствию по делу Лю Шаоци, не изменяло фактически его положение человека, отстраненного от дел и находящегося под партийным

следствием, лишенного возможности активно участвовать в политической жизни страны; во-вторых, это позволяло сдерживать возможные протесты и самого Лю Шаоци, и его сторонников в КНР, и протесты мировой общественности против ущемления прав председателя КНР; наконец, это позволяло разворачивать среди активистов «культурной революции» и вообще в массах кампанию осуждения Лю Шаоци, обвиняя его в том, что он «не разоружается», что выступает против Мао Цзэдуна, который, дескать, «по-доброму» относится к «источнику» «буржуазных взглядов» в КПК.

В то же время это давало возможность обставлять важные государственные мероприятия с видимой благопристойностью. Предпоследний раз Лю Шаоци появился в ранге главы государства на собрании по случаю столетия со дня рождения Сунь Ятсена 12 ноября 1966 г. Кстати сказать, возможно, далеко не случайно Сун Цинлин, выступавшая на этом собрании с докладом, подчеркнула, что главное в завещании Сунь Ятсена — это три основные политические установки: союз с Россией, союз с коммунистами и поддержка рабочих и крестьян[62].

Тем временем «культурная революция» разворачивалась очень быстро. Лю Шаоци внимательно следил за изменением обстановки, видел, что эта кампания встречает сопротивление. В малоформатной печати появились сообщения о том, что в декабре 1966 г. Лю Шаоци «отозвал из ЦК свою самокритику», утверждая при этом, что «если в свое время направление рабочих групп было охарактеризовано как проведение реакционной линии, то происходящее в настоящее время (ноябрь-декабрь 1966 г. — *Ю.Г.*) — это тем более действия, „левые“ по форме, но „правые“ по существу»[63]. Конечно, эти сообщения могли быть сфабрикованы организаторами «культурной революции» с целью подъема очередной волны наступления на Лю Шаоци и тех, кого причисляли к его сторонникам. В то же время нельзя исключать и правдивости этой информации.

В декабре 1966 г. положение Лю Шаоци еще более осложнилось. Очевидно, что руководители «культурной революции», исходя из ситуации в стране, нуждались в обострении борьбы именно против «руководителя» «буржуазного штаба» внутри руководства партии. Им нужен был «главный враг» в ходе «культурной революции», высокопоставленная политическая фигура, предпочтительно вторая по значению в партии и в государстве, которую можно было бы представлять как воплощение «ревизионизма», «загнивания», «перехода на капиталистические позиции внутри страны» и «национального предательства», т. е. отказа от самостоятельности и

независимости Китая, превращение его в сателлита Советского Союза. Только выдвижение таких задач, как борьба с упомянутым «ревизионизмом» и «национальным предательством», давало Мао Цзэдуну возможность проводить линию на «новое начало», на отрицание всей предшествовавшей истории страны, в том числе и истории КНР, и на то, чтобы считать, что только с «культурной революцией» в стране начинаются подлинные революционные преобразования, что «культурная революция» дала возможность выйти на историческую арену и обновленному китайскому народу, китайской нации, и обновленным Коммунистической партии Китая и Китайской Народной Республике.

18 декабря 1966 г. заместитель руководителя ГКР Чжан Чуньцяо вызвал к себе вожака одной из опорных молодежных организаций Куай Дафу и сказал ему, что Лю Шаоци «все еще не сдается», а потому «молодым генералам революции» следовало бы «объединиться и действовать в последовательно революционном духе, безжалостно бить свалившегося в воду пса, да так, чтобы от него остался только смрад; не останавливаться на полпути»[64].

За фразеологией «культурной революции» сквозил призыв организовать столь массовое, столь масштабное осуждение Лю Шаоци, чтобы оно, с одной стороны, заставило самого председателя КНР перестать сопротивляться любым решениям ГКР и, с другой стороны, дало возможность и основания Мао Цзэдуну и ГКР перевести борьбу против Лю Шаоци на более высокий уровень, предъявив ему новые, еще более серьезные обвинения.

Такое поручение было дано именно Куай Дафу не случайно. Этот студент химического факультета университета Цинхуа с самого начала «культурной революции» стал ее ревностным участником: призывал «захватывать власть», разъяснял, как это делать на практике. В сентябре 1966 г. ГКР доверила Куай Дафу «захват власти» в университете Цинхуа; иначе говоря, распоряжаться всеми делами в университете вместо прежнего парткома стал Куай Дафу, который, в свою очередь, ориентировался на указания ГКР. Более того, его даже поставили во главе большой группы массовых молодежных организаций Пекина, наградив звонким титулом «командующий Куай»[65].

18-20 декабря Куай Дафу развернул в университете Цинхуа бурную деятельность, направленную на подготовку и проведение в Пекине демонстрации под лозунгом: «Долой Лю Шаоци!» В ходе подготовки некоторые студенты выражали сомнение в дозволенности такой манифестации, напоминая, что Лю Шаоци — председатель Китайской Народной Республики, член

Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и никто еще не выступал с лозунгами против него. Куай Дафу прямо отвечал, что это поручение доверено ему руководителями ГКР ЦК КПК, что это делается по их инициативе и указанию.

25 декабря 1966 г. «командующий Куай» привел в центр столицы КНР — площадь Тяньаньмэнь пять тысяч студентов и провел там митинг, участники которого затем разделились на пять колонн по тысяче человек в каждой и прошли по главным улицам Пекина с плакатами и призывами: «Долой Лю Шаоци и Дэн Сяопина!», «Довести до конца кровавую борьбу против Лю Шаоци и Дэн Сяопина!». Листовки с теми же призывами и лозунгами раздавались прохожим. Демонстранты также выдвинули требование, чтобы Ван Гуанмэй (супруга Лю Шаоци) «вернулась для отчета» в университет Цинхуа, где она работала в составе рабочей группы летом 1966 г.[66].

30 декабря 1966 г. Цзян Цин и член ГКР Яо Вэньюань приезжали в университет Цинхуа и одобрили действия Куай Дафу.

В конце декабря 1966 г. заместитель руководителя ГКР Цзян Цин в одном из своих выступлений перед членами молодежных организаций, активно участвовавших в «культурной революции», говорила, что характер вопроса о Лю Шаоци «давно определен»: речь идет о выступлении «против партии, против социализма»; решение же этого вопроса — дело, требующее времени, так как «в настоящий момент простые люди не могут повернуться сразу; нужно идти шаг за шагом»[67].

4 января 1967 г. член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, советник ГКР Кан Шэн в Доме ВСНП вручил Куай Дафу подборку выступлений Лю Шаоци в прошлые годы и дал указание, вернувшись в университет, организовать там критику высказываний Лю Шаоци[68].

Так «штаб» Мао Цзэдуна организовывал кампанию борьбы против Лю Шаоци. V этого «штаба» была своя логика: жена Лю Шаоци работала в составе рабочей группы летом 1966 г. в университете Цинхуа; учащиеся, выражая возмущение действиями рабочей группы, требовали отчета от Ван Гуанмэй; одновременно они выдвигали тезис о виновности ее супруга — Лю Шаоци в деятельности, направленной против «культурной революции», т. е. против Мао Цзэдуна, и требовали его к ответу. По сути дела, все детали кампании разрабатывались в «штабе» Мао Цзэдуна с использованием архивных материалов ЦК партии. Студенты действовали с санкции высших руководителей партии того времени. Они просто-напросто выполняли приказ Мао Цзэдуна, приказ его партии.

И все это было представлено китайскому народу, всему миру и самому Лю Шаоци таким образом, будто народные массы сами требуют от него ответа и осуждают его деятельность. Здесь нашла свое отражение и сущность политической системы, существовавшей тогда в КНР, ее традиционно демагогический и провокационный характер, стремление прикрывать истинную суть дела ссылками на волю масс, а также в полной мере выразился и характер Мао Цзэдуна как политика и человека. Мао Цзэдун ставил при этом по крайней мере двуединую цель: низвержение и преследование Лю Шаоци как политического деятеля, которого он считал своим основным противником, видя в его деятельности концентрированное выражение опасного для Мао Цзэдуна подхода к решению вопросов в стране, и дальнейшее развертывание «культурной революции», подпитывание массового движения лозунгами, призывавшими к открытой борьбе против Лю Шаоци.

После того как прямая критика Лю Шаоци была вынесена на улицы, из обслуживающего персонала Чжуннаньхая была создана и специальная так называемая массовая революционная организация «бунтарей», которой было предписано устроить против Лю Шаоци митинг «критики и борьбы», провести обыск в его доме, подвергнув при этом хозяина дома унижениям. Конечно, подразумевалось, что все это будет описано в пропагандистских материалах, которые в виде листовок и малоформатных газет будут распространены по всей стране. Это был важный, с точки зрения Мао Цзэдуна, сигнал: активным участникам «культурной революции» по всей стране, да и вообще всему ее населению давали понять, что можно, нарушая Конституцию и все законы, проводить обыск в ломе самого председателя КНР, действуя будто бы исключительно согласно воле народа.

Так создавалось впечатление, что массы сами ведут борьбу против Лю Шаоци даже внутри резиденции руководства партии и государства. Одновременно была организована осада Чжуннаньхая; он был окружен большими группами членов городских молодежных революционных организаций Пекина. Их демонстрации проходили под лозунгами: «Вытащим весь бикфордов шнур Лю Шаоци!», «Окажем давление на ЦК КПК!»[69]. Таким образом, речь шла о нажиме Мао Цзэдуна и на Лю Шаоци, и на ЦК КПК в целом, во всяком случае на ту его весьма значительную часть, которая все еще колебалась и не принимала активного участия в «культурной революции».

Здесь хотелось бы сказать следующее: Мао Цзэдун, осуществляя репрессии против тех, кого он считал своими

политическими противниками, не только не отдавал их под суд, не передавал их хотя бы формально в распоряжение органов правопорядка, государственных учреждений — суда и прокуратуры, но передавал весь процесс следствия и осуждения из рук государства в руки партии, ее специально созданных институтов, т. е. групп по особым делам, однако и этого ему было мало, он перестраховывался еще больше — из работников специальных служб партии, которые и составляли обслуживающий персонал резиденции ЦК КПК, создавались будто бы совершенно стихийно, по воле народа, народные революционные массовые организации, которые по указаниям соответствующих партийных руководителей получали право и приказы производить обыски даже в домах репрессируемых руководителей, устраивать первичные судилища и издеваться над ними, держать их фактически в состоянии домашнего ареста или тюремного заключения; и все это внешне или формально делалось уже даже не государством, не партией, а народными массами; Мао Цзэдун, очевидно, предполагал, что никогда в будущем, при другом повороте событий, нельзя будет предъявлять претензии ни к его партии, ни к его государству, ни к нему самому, ни даже к конкретным исполнителям, поскольку они оказывались «безымянными героями», «представителями революционных масс».

Прямая персональная критика Лю Шаоци была начата организаторами «культурной революции» не в партийном порядке, не в партийной организации того или иного уровня, а силами «народных масс». Это было сделано для того, чтобы создать такое впечатление, как будто бы сами народные массы требуют от ЦК КПК принять меры в отношении Лю Шаоци и его «ошибочной политической линии». Причем кампания велась таким образом, что Лю Шаоци был лишен возможности что-либо предпринять в ответ, сказать публично хотя бы слово в свою защиту. В кругу своих родных он говорил: «Больнее всего, когда народ понимает тебя ошибочно»[70]. Лю Шаоци очень беспокоило то, что усилиями организаторов «культурной революции» у народа намеренно и сознательно создавалось искаженное представление о его взглядах и деятельности.

В январе 1967 г. «культурная революция» добралась до дома, до семьи Лю Шаоци. 6 января Куай Дафу по указанию Цзян Цин, прибегнув к прямому обману, сумел выманить Лю Шаоци и его супругу Ван Гуанмэй из Чжуннаньхая. Это был бесчеловечный замысел, полностью отражавший бесчеловечную сущность политических действий Мао Цзэдуна и его «штаба» по руководству «культурной революцией». Собственно говоря, расчет

первоначально был на то, чтобы побудить Ван Гуанмэй выехать из охраняемой резиденции в Чжуннаньхае в город и там захватить ее силами массовых организаций. Куай Дафу и его подчиненные задержали дочь председателя КНР Лю Пинпин, которая училась в средней школе при университете Цинхуа, и сообщили родителям по телефону, что она стала жертвой дорожно-транспортного происшествия, в результате чего получила перелом ноги. Встревоженные родители вдвоем приехали в больницу. Там члены молодежных организаций на глазах председателя КНР схватили его супругу и увезли ее в университет Цинхуа на массовый митинг «критики и борьбы», где ночь напролет унижали и оскорбляли Ван Гуанмэй[71].

7 января 1967 г. «по одному слову Цзян Цин» в тюрьму бросили сына Лю Шаоци Лю Юньжо, обвинив его в «связях с заграницей», так как в свое время он учился в советском вузе[72]. Таким образом, семья Лю Шаоци уже тогда непосредственно на себе испытала функционирование механизма «культурной революции»: когда Мао Цзэдун и его подручные считали это необходимым, они отдавали приказы органам общественной безопасности, т. е. политической полиции и сыска, бросать в тюрьму и истязать тех, в ком они видели своих политических противников, или членов их семей, дорогих им людей. Далее Цзян Цин лично «убедила» сына и дочь Лю Шаоци от первого брака — Лю Юньчжэня и Лю Тао опубликовать дацзыбао под заголовком: «Загляните в черную душу Лю Шаоци». Листовка с текстом, под которым стояли имена Лю Юньчжэня и Лю Тао, появилась на улицах Пекина в январе 1967 г.

В начале января 1967 г. во дворе особняка, где жил председатель КНР, и в его рабочем кабинете были расклеены лозунги. Затем был проведен митинг, во время которого «бунтари» тщетно пытались заставить Лю Шаоци оптировать на память целые разделы «Сборника высказываний председателя Мао Цзэдуна», так называемого «цитатника», отпечатанного в то время в сотнях миллионов экземпляров. Лю Шаоци отказался это делать[73]. Мучительно переживая происходящее, Лю Шаоци говорил: «С такими методами я не согласен, но я не могу противопоставлять себя массам»[74].

Мао Цзэдун избрал такую форму преследований, которая лишала Лю Шаоци возможности оказывать сопротивление в рамках принятых среди руководителей КПК установок, согласно которым Мао Цзэдун и народ были тождественны; и в то же время сложившаяся ситуация позволяла Мао Цзэдуну практически углублять «культурную революцию», развивать и продолжать ее, направляя по всей стране массы взбудораженных и вышедших из

нормального, разумного состояния людей на поиски «приспешников» Лю Шаоци.

Без Лю Шаоци не было бы главного персонифицированного противника «культурной революции». Лю Шаоци в то время оказывался для Мао Цзэдуна главным врагом.

Встреча во мраке

В создавшейся в начале 1967 г. ситуации Лю Шаоци оставалось обратиться непосредственно к Мао Цзэдуну. Характер взаимоотношений в высшем эшелоне руководителей КПК был таков, что сделать это лично Лю Шаоци не мог. Ему и другим руководителям было известно, что существует форма обращения к Мао Цзэдуну, которая, с его точки зрения, приемлема и допустима. Мао Цзэдун никогда не хотел попадать в неудобное для себя положение. Он предпочитал сначала точно представить себе, о чем идет речь, а затем решать, встречаться или нет с тем или иным из своих коллег по руководству страной; конечно, когда Мао Цзэдун по своей инициативе изъявлял желание обсудить какой-нибудь вопрос с кем-либо из руководителей КПК и КНР, ситуация была иной.

Итак, к Мао Цзэдуну в то время следовало обращаться через посредника, а таким посредником был тогда Чжоу Эньлай. В пекинском механизме власти Чжоу Эньлай был неотделим от Мао Цзэдуна.

Когда Мао Цзэдун сделал борьбу против Лю Шаоци гласной, публичной, выплеснул ее на улицы, причем поднял кампанию преследований его «приспешников» по всей стране, сам председатель КНР посчитал необходимым если не прекратить эту травлю, то по крайней мере выразить свою позицию, свое отношение к происходящему.

В конце 1966 г., «чтобы предотвратить гонения на многих руководящих работников» и добиться прекращения политических преследований, Лю Шаоци выразил намерение уйти в отставку с поста председателя КНР. Со стороны Лю Шаоци это был ответный шаг в политической борьбе. Фактически он пригрозил воспользоваться своим конституционным правом и когда сообщил об этом Чжоу Эньлаю, то получил характерный для этого человека ответ: «Так не годится. Не годится. Это вопрос, относящийся к прерогативе Всекитайского собрания народных представителей»[75]. Чжоу Эньлай говорил об этом в условиях, когда Всекитайское собрание народных представителей в КНР не функционировало.

Чжоу Эньлай, вполне очевидно выражая мнение Мао Цзэдуна, его отношение к Лю Шаоци, пользуясь своим положением при Мао Цзэдуне, изобретательно защищая его позиции, издевался над Лю Шаоци, выдвигая совершенно незначительный, но в то же время формально существующий предлог для отказа обсуждать поставленный председателем КНР вопрос. Это был типичный

пример того, что часто называют «дипломатическим искусством» Чжоу Эньлая. В этом, в частности, проявилась отражавшая суть политических характеров Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая бесчеловечность, особенно страшная по отношению к беззащитному человеку. Убедившись в том, что Чжоу Эньлай отвергает предложенный компромисс, очевидно представляя позицию Мао Цзэдуна, Лю Шаоци проявил настойчивость и потребовал личной встречи с Мао Цзэдуном.

Такая встреча состоялась. Глубокой ночью 13 января 1967 г. Мао Цзэдун приказал своему секретарю на автомашине марки «Варшава» съездить за Лю Шаоци и привезти его для беседы в Дом ВСНП[76].

Итак, Мао Цзэдун отправил за Лю Шаоци своего секретаря. С одной стороны, это можно было рассматривать как меру предосторожности: автомашину из резиденции Мао Цзэдуна никто не мог задержать или остановить, что в то время было возможно в отношении почти всех остальных автомобилей в столице КНР. С другой стороны, это был признак того, что председатель КНР Лю Шаоци уже не мог выехать на своей автомашине, да, пожалуй, и вообще был лишен возможности самостоятельно решать вопрос о своих поездках даже по Пекину.

Об этой последней встрече Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, которая происходила во мраке ночи, об одном из самых драматичных моментов в истории КПК и КНР и в истории личных взаимоотношений китайских лидеров дети Лю Шаоци спустя полтора десятка лет писали следующее: «В этот день встретились старые соратники, председатель Мао Цзэдун и Лю Шаоци, сотрудничавшие несколько десятков лет.

Однако на сей раз они не говорили о работе»[77]. Впервые за много лет у собеседников и в мыслях не было обсуждать текущие вопросы. Нормальным дедовым отношениям между ними давно пришел коней. Наступил момент последнего решительного объяснения между двумя высшими политическими руководителями партии и страны. Они оказались в состоянии острой, непримиримой борьбы друг с другом, ставшей отражением схватки внутрипартийных сил, которые они представляли, между политическими платформами, связанными с их именами.

Встреча началась с вопроса Мао Цзэдуна: «Как дела с ногой у Пинпин?» Мао Цзэдун то ли хотел создать впечатление, что он был не в курсе дела и верил фальшивой версии о том, что дочь Лю Шаоци сломала ногу, то ли издевался над Лю Шаоци, стремясь с самого начала вывести его из равновесия.

Лю Шаоци был, однако, человеком очень сдержанным,

обладал сильным характером. Он не опустился до того, чтобы позволить Мао Цзэдуну перевести разговор на уровень обсуждения бытовых вопросов и личной ссоры, политических дрязг, хотя тут и затрагивалось его чувство собственного достоинства. Председатель КНР перешел к сути деда, т. е. к политическим проблемам.

Прежде всего он вновь признал, что допустил ошибки. Затем Лю Шаоци сказал, что, поскольку ответственность за просчеты в вопросе о «линии», проводившейся на начальном этапе «культурной революции», лежит прежде всего на нем лично, а многочисленные партийные работники тут ни при чем, он готов расплачиваться за все сам и только сам; однако при этом ему хотелось бы, чтобы с огромного числа партийцев как можно скорее были сняты обвинения. «Культурная революция» таким образом должна поскорее завершиться, а потому Лю Шаоци желал бы уйти в отставку с постов председателя КНР, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председателя комиссии по изданию «Избранных произведений Мао Цзэдуна» и выехать на жительство в Яньань.

Судя по тому, что писали, излагая содержание этой беседы, дети Лю Шаоци много лет спустя, Мао Цзэдун фактически оставил без ответа предложения Лю Шаоци, а лишь пожелал ему «хорошенько учиться», почитать Хайдеггера и Дидро, «беречь здоровье». На этом и закончилась последняя личная встреча Мао Цзэдуна и Лю Шаоци[78].

Таким образом, Лю Шаоци использовал в политической борьбе свои, как ему представлялось, последние козыри: предложил добровольно уйти в отставку с постов председателя КНР и члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Лю Шаоци тогда, с одной стороны, вероятно, как бы давал Мао Цзэдуну шанс исправить ситуацию, положить коней беззаконию в деятельности Мао Цзэдуна и его «штаба». В то же время становилось все более очевидно, что для Мао Цзэдуна и его приверженцев Лю Шаоци был нужен в тот момент уже только как «живая политическая мишень», используя которую можно было придать ускорение «культурной революции».

Возможно, именно поэтому, с другой стороны, Лю Шаоци в беседе с Мао Цзэдуном изложил свою позицию в расчете на потомков: по сути дела, он осудил «культурную революцию» Мао Цзэдуна, выступил в защиту партии, как бы попутно заметив, что мог бы начать все сначала в Яньани. Лю Шаоци чувствовал себя при этом в качестве представителя интересов подавляющего большинства членов партии, а возможно, и вообще китайского народа, хотя многие тогда этого не понимали. Одним словом, Лю

Шаоци перед лицом Мао Цзэдуна, при разговоре с ним с глазу на глаз не оробел и не дрогнул, остался тверд до конца и даже при последней представившейся ему возможности высказать Мао Цзэдуну свое мнение не пошел на принципиальные уступки, позволив себе обидный для Мао Цзэдуна намек на то, что всю свою «культурную революцию» тот затеял, в частности, для того, чтобы отнять у него пост председателя КНР, который Лю Шаоци, проявив широту души, предложил Мао Цзэдуну у него забрать.

Думается, что Лю Шаоци, зная характер Мао Цзэдуна, к тому времени понимал, что своим поведением он подписывает себе смертный приговор. Но он не мог поступить иначе. Лю Шаоци был человек сильного характера. Его можно было уничтожить физически, но нельзя было заставить сдаться, отступить от своих главных позиций. Лю Шаоци был во власти Мао Цзэдуна, который мог терзать его плоть так, как он того хотел. Однако духовно Лю Шаоци не сломался и не покорился ему. Мао Цзэдуну оставалось находить удовлетворение только в том, чтобы сделать уход Лю Шаоци из жизни как можно более мучительным и медленным.

После этой беседы Лю Шаоци очень скоро испытал на себе реакцию Мао Цзэдуна и исполнителей его воли на свое поведение и свою позицию во время состоявшегося разговора. Ведь Мао Цзэдун, бесспорно, расценил предложения Лю Шаоци как вызов, как показатель того, что Лю Шаоци продолжает считать, что историческая правда на его стороне, что история решит его спор с Мао Цзэдуном в его пользу, что Лю Шаоци никогда не пойдет на уступки в вопросе о методах проведения этой политической кампании, а это, с точки зрения Мао Цзэдуна, означало и противодействие его далеко идущим политическим замыслам, да и вообще его мировоззрению. Поэтому с Лю Шаоци следовало поступать как со смертельным врагом.

«Бунтари» — работники обслуживающего персонала резиденции руководства КПК-КНР, т. е. «пекинского Кремля» — Чжуннаньхая, ворвались в дом Лю Шаоци, расклеили там дацзыбао и лозунги, провели митинг «критики и борьбы», на котором объектом нападок стал Лю Шаоци.

На все обвинения, которые ему предъявлялись во время этого митинга, Лю Шаоци отвечал, что он никогда не выступал против идей Мао Цзэдуна, а лишь иногда отклонялся от них, никогда не выступал против самого председателя Мао Цзэдуна, а лишь порой расходился с ним во взглядах на текущую работу.

В полночь 16 января 1967 г. Чжоу Эньлай, который после смешения Лю Шаоци фактически занял его место, став первым помощником Мао Цзэдуна по повседневному руководству партией, порекомендовал Ван Гуанмэй «выдержать

испытания»[79]. На языке Чжоу Эньлая и «культурной революции» это означало, что руководство партии приказывало Ван Гуанмэй добровольно отдать себя на расправу участникам собраний и митингов «критики и борьбы». В словах Чжоу Эньлая содержалась скрытая угроза: если Ван Гуанмэй сама, так сказать добровольно, не пойдет на эти митинги, то Чжоу Эньлай не гарантирует, что ее не схватят в доме Лю Шаоци и не отправят туда насильно. Это еще одно проявление «дипломатии» Чжоу Эньлая.

На следующий же день, после звонка Чжоу Эньлая, в особняке председателя КНР сняли телефон, соединявший членов Политбюро ЦК КПК, и Лю Шаоци с этого момента, если бы даже и захотел, уже не мог позвонить ни Мао Цзэдуну, ни Чжоу Эньлаю, ни кому бы то ни было еще из руководителей партии и государства[80].

Можно предположить, что все это стало непосредственным результатом аудиенции 13 января 1967 г. у Мао Цзэдуна.

Изоляция

Таким образом, в середине января 1967 г. прервались почти все связи Лю Шаоци с внешним миром. Только его дети, выезжавшие за стены Чжуннаньхая, привозили из города домой малоформатные газеты, листовки, рассказывали о новостях.

В это время начался «захват власти» у парткомов и государственных учреждений в центре и на местах. Многих из тех, кого отстраняли от власти, обвиняли в связях с Лю Шаоци или в симпатиях к нему. Активисты массовых организаций при этом заявляли: «Мы как раз и хотим разнести вдребезги и уничтожить Устав партии, состряпанный Лю Шаоци и Дэн Сяопином, Наш Устав партии — это непобедимые идеи Мао Цзэдуна. Мы хотим быть членами маоцзэдуновской Коммунистической партии Китая. Мы не желаем быть членами партии царствующего дома Лю (Шаоци)»[81].

Внутри руководства КПК в начале 1967 г. нашелся человек, который возражал против некоторых обвинений в адрес Лю Шаоци.

Член Политбюро ЦК КПК Чэнь И в своей речи перед членами молодежных организаций, оказавшейся его последним публичным выступлением, 16 февраля 1967 г. заявил: «Сейчас кое-кто ведет нечестную игру. Ну хочется тебе занять высокий пост — так ладно, поднимайся, но не по людям же, не на чужой крови… Делами ЦК… занимаются, выдвигая вперед зеленую молодежь. На Ванфуцзин (главной торговой улице Пекина. — *Ю.Г.*) вывесили листовку с перечислением „ста преступлений“ Лю Шаоци. (Одно из обвинений состояло в том, что Лю Шаоци выступил на VIII съезде КПК с докладом о работе партии якобы без ведома Мао Цзэдуна. — *Ю.Г.*) Но ведь доклад на VIII съезде партии был одобрен Политбюро! Как же можно возлагать ответственность на него одного?»[82].

В свою очередь, Цзян Цин, имея в виду и это выступление Чэнь И, заявляла: «Старые негодяи (т. е. ветераны-руководители КПК, маршалы и заместители премьера Госсовета КНР, подвергавшиеся критике и нападкам в это время. — *Ю.Г.*) хотят пересмотреть дело Лю Шаоци, Дэн Сяопина»[83].

21 марта 1967 г. Кан Шэн представил Мао Цзэдуну и ЦК КПК доклад, в котором говорилось, что имеются достоверные материалы о «предательстве» Лю Шаоци (в пользу Гоминьдана), и была запрошена санкция на создание группы для расследования особого дела Лю Шаоци. Доклад Кан Шэна был доведен до сведения членов Политбюро ЦК КПК[84].

В конце марта в малоформатной печати появились сообщения о том, что Лю Шаоци выведен из Политбюро ЦК КПК: «25 марта 1967 г. в Пекине закончилось заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Линия Мао Цзэдуна одержала решающую победу. Лю Шаоци и Дэн Сяопин отнесены к элементам, выступающим против партии, против социализма, против идей Мао Цзэдуна»; «Лю Шаоци и Дэн Сяопин изгнаны из Политбюро ЦК КПК»[85].

В официальной печати об этих решениях сообщений не было, однако это похоже на правду, поскольку отражает суть происходившего.

В эти же дни по указанию Мао Цзэдуна по всей стране началась критика работы Лю Шаоци «О самовоспитании коммуниста» — теоретического труда, который широко пропагандировался и изучался членами КПК в первой половине 60-х годов.

В первой декаде апреля руководством партии было принято решение развернуть движение за «широкую критику», цели которого Чжоу Эньлай разъяснял так: «Имеется в виду критика Лю Шаоци и местных оппозиционеров»; кампания должна была разворачиваться вокруг установки «о борьбе двух линий в партии», т. е. линий Лю Шаоци и Мао Цзэдуна[86].

В марте 1967 г. через малоформатную печать по всей КНР распространялось утверждение о том, что Лю Шаоци называл кинофильм «Тайны цинского двора» патриотическим, а себя в этой же связи именовал «красным компрадором»[87].

Таков был новый поворот массовой кампании с использованием имени Лю Шаоци как главного объекта нападок.

Кинофильм «Тайны цинского двора» появился в прокате в 1950 г. Он демонстрировался недолго и быстро сошел с экрана. К началу «культурной революции» с момента появления этой кинокартины прошло полтора десятилетия, и фильм был основательно забыт. В «Тайнах пинского двора» показывались события начала XX в.: взаимоотношения внутри императорского дома накануне падения династии Цин, иностранцев и участников восстания *ихэтуаней.*

Все обвинения в адрес Лю Шаоци были основаны, как это вполне очевидно, на извлеченных из архивов секретных или специальных служб донесениях агентов. Один из них передавал, как они ему запомнились или как он их выдумал, слова Лю Шаоци, опенку, которую он дал этому кинофильму после его просмотра. Таким образом, речь шла о фразе, которую человек обронил (или не обронил), выходя из кинозала пятнадцать лет тому назад. Вот что стало формальным поводом для этой

пропагандистской и массовой кампании, охватившей всю КНР.

Попутно представляется уместным вспомнить, что из таких же архивов, очевидно, была извлечена и оценка, которую дал Лю Шаоци после просмотра в Пекинском народном художественном театре спектакля по пьесе Пао Юя «Гроза». Лю Шаоци тогда сказал: «Глубоко! Глубоко! Очень глубоко!» На основании этих нескольких слов во время «культурной революции» Лю Шаоци в листовках, распространявшихся в Пекине, обвиняли в том, что он «проповедует гуманизм», В этой же связи критике и репрессиям подверглись автор пьесы и все участники и создатели спектакля.

Приписав Лю Шаоци слова, якобы сказанные им когда-то о кинофильме «Тайны цинского двора», председателя КНР объявили прислужником иностранцев (прежде всего и главным образом лакеем СССР), который считает возможным сотрудничество с ними, предавая ханьцев, китайскую нацию. Таким образом, к прежним обвинениям в отрыве от масс и в действиях с классово чуждых позиций добавлялось обвинение в предательстве национальных интересов Китая.

Лю Шаоци немедленно отреагировал на эту инсинуацию. 28 марта 1967 г. он направил Мао Цзэдуну письмо, в котором опровергал утверждения о том, что он будто бы называл картину «Тайны цинского двора» патриотической, а себя именовал «красным компрадором»[88]. Мао Цзэдун оставил письмо Лю Шаоци без ответа.

1 апреля 1967 г. в печатном органе ЦК КПК газете «Жэньминь жибао» появилась статья за подписью члена ГКР, референта Мао Цзэдуна Ци Бэньюя под заголовком: «Патриотизм или национальное предательство?» Статья носила директивный характер, создавалась с ведома и под руководством Мао Цзэдуна. Иное в условиях того времени вообразить невозможно. Подняв вопрос о фильме «Тайны иинского двора», Ци Бэньюй по сути дела обвинял Лю Шаоци в национальном предательстве. В статье впервые в официальной открытой печати применительно к Лю Шаоци был «освящен» эвфемизм: «Стоящее у власти в партии самое крупное лицо, идущее по капиталистическому пути» (или «самый крупный каппутист, стоящий у власти в партии»). Само имя Лю Шаоци в статье названо не было, однако всем было ясно, о ком идет речь.

Организаторы «культурной революции» стремились обратить гнев народа на Лю Шаоци и всех тех, кого они относили к числу своих политических противников, как на «врагов в квадрате»: так называемых национальных предателей и сторонников ревизионизма, реставрации капитализма (т. е., в условиях того времени и места, движения по пути Советского Союза). Иначе

говоря, двойная враждебность, и во внутриполитическом, и во внешнеполитическом плане, направлялась против нашей страны. Это была часть работы Мао Цзэдуна с китайским народом, обработка общественного мнения в стране, формирование в массовом сознании образа врага — прежде всего классового противника и противника китайской нации в лице нашей страны; при этом Мао Цзэдун подводил население Китая к восприятию мысли о допустимости подготовки к настоящей войне против СССР.

В массах одновременно разжигалась и национальная и классовая ненависть. Ход «культурной революции» через несколько месяцев после ее начала показал, что для достижения целей этой кампании лозунгов, призывавших к классовой борьбе, оказалось недостаточно. Именно поэтому Мао Цзэдун и его приверженцы обратились к национальным чувствам, стали спекулировать на них еще больше, чем прежде.

В статье Ци Бэньюя противники «культурной революции» осуждались за «смертельный страх перед империалистической агрессией, угрожавшей Китаю», за то, что они «поддались давлению со стороны империализма» и были «в высшей степени недовольны призывом председателя Мао Цзэдуна отбросить иллюзии и готовиться к борьбе». Там также говорилось, что прислужники иностранцев должны расплачиваться за «кровавые долги» Китаю своих хозяев. Из статьи следовало, что удар по ним был превентивной мерой, продиктованной стремлением перед лицом грозящего Китаю иностранного нашествия очистить его тылы от предателей. И если заранее не провести подготовку на случай неизбежного военного столкновения, не освободиться от «сторонников компромисса», от предателей и изменников родины, не удалить те части организма нации, которые пока, может быть, и выглядят здоровыми, но потенциально могут поддаться «гниению», «ревизионизму», то Китай понесет еще больший урон, китайскому народу это будет стоить еще больших жертв.

В статье также сопоставлялись два пути. Один, названный реакционным, фарисейским, — это преобразования и обновления, проводимые «сверху». Альтернатива ему — подъем широких народных масс, «революция посредством вооруженной борьбы», которая дает толчок историческому развитию Китая. В статье содержался также призыв «стащить с коня» политического деятеля, имя которого не называлось, но которого характеризовали как «главный корень ревизионизма» в Китае.

Прочитав эту статью, Лю Шаоци говорил в кругу своих родных: «В этой статье много лжи. Когда это я называл этот

фильм патриотическим? Когда говорил о себе как о „красном компрадоре“? Это не соответствует фактам, это поклеп!» и продолжал: «Никогда еще внутрипартийная борьба не характеризовалась таким отсутствием строгости в подходе к делу. Я не против революции и не против председателя Мао Цзэдуна; именно я выдвинул на VII съезде партии положение об идеях Мао Цзэдуна. Я вовсе не меньше других пропагандировал идеи Мао Цзэдуна». Кроме того, Лю Шаоци сказал: «Еще в августе прошлого (т. е, 1966 г. — *Ю.Г.*) года на заседании я говорил, что ничего не боюсь (не боюсь, что отрубят голову, посадят в тюрьму, выгонят с работы, исключат из партии, заставят развестись с женой. — *Ю.Г.*); если этим людям нечего бояться и они чувствуют правоту и ясность своей позиции, то можно начать дискуссию! Поспорить на пленуме ЦК, вынести спор в массы! Я хотел бы кое-что сказать; мне есть что сказать стране, народу, нашей партии и широким массам кадровых работников!»[89].

Лю Шаоци говорил все это у себя дома, родным, прекрасно понимая, что его слова, несомненно, фиксируются аппаратурой для подслушивания и станут немедленно известны Мао Цзэдуну, его ближайшему окружению. Собственно говоря, Лю Шаоци таким образом использовал возможность доводить до него свое мнение.

По всей вероятности, Лю Шаоци сделал это намеренно. Он все еще, пусть в минимальной степени, надеялся на то, что Мао Цзэдун не будет прямо выступать против него и позволит достичь компромисса, и тот не заставил долго ждать ответа, но, как обычно, не выступил сам. Мао Цзэдун облек свой ответ в форму требования «народных масс». «Бунтари» Чжуннаньхая, проверенные и перепроверенные службой безопасности люди из обслуживающего персонала, приставленные к высшим руководителям партии и страны и не делавшие ни одного лишнего вздоха без приказа со стороны соответствующих начальников, ворвались в кабинет Лю Шаоци и объявили ему «строгий приказ»: он должен отныне сам готовить себе пишу, сам убирать свое жилище, сам стирать; от него потребовали также изменить распорядок дня, поменять местами время работы и отдыха, бодрствования и сна[90]. За долгие годы у власти Лю Шаоци привык работать по ночам, а в первой половине дня спать. И вот изменился весь его быт — тоже якобы по воле «народных масс»; «бунтари» Чжуннаньхая строго контролировали выполнение им этих требований. Они не только ужесточили режим домашнего ареста Лю Шаоци, но и поставили перед ним «политические вопросы», потребовав дать ответ на обвинения, содержавшиеся в статье Ци Бэньюя, причем настаивали на том, чтобы Лю Шаоци представил его в письменном виде, а

предварительно дал бы и устные разъяснения[91], т. е. к Лю Шаоци были применены методы обращения с врагами, принятые в органах политического сыска КНР. Лю Шаоци, основываясь на фактах, тут же устно, пункт за пунктом отвел обвинения Ци Бэньюя[92].

Но когда «бунтари» поставили пресловутый вопрос о «61 предателе» (речь идет о крупных партийных работниках, которые в годы Войны Сопротивления Японии ввиду угрозы японской оккупации Северного Китая фактически по договоренности между КПК и Гоминьданом и в соответствии с решениями руководящих органов самой КПК были выпущены под подписку из гоминьдановских тюрем, дав обещание противодействовать японским агрессорам и не выступать против правительства Китайской Республики), то Лю Шаоци пришел в ярость.

Его дети впоследствии писали, что они раньше никогда не видели, чтобы отец так рассердился: «А это уже просто черт знает что, а не вопрос! — возмущенно воскликнул он. — Вопрос о выходе из тюрьмы 61 человека был решен ЦК партии. В момент, когда наступавшие японские агрессоры вот-вот должны были войти в Северный Китай, надо было сохранить этих работников, нельзя было допустить, чтобы из-за линии Ван Мина японские бандиты казнили их. В то время большая часть партийных организаций в „белых районах“ (т. е. в той части Китая, которая находилась под властью правительства Китайской Республики и партии Гоминьдан. — *Ю.Г.*) была разгромлена; эти товарищи представляли величайшую ценность. Многие в ЦК знали об этом, и давно уже было принято окончательное решение. У многих наших кадров был опыт вооруженной борьбы, создания баз, работы в „белых районах“, работы в городе. Этот опыт накапливался в длительной борьбе, в победах и поражениях, добывался кровью. Нельзя все это отвергать. Этот опыт обобщен, и из него сделаны выводы в „Решении (ЦК КПК. — *Ю.Г.*) по некоторым вопросам истории КПК“. Работники, которые прошли путь длительной борьбы, которые к тому же разбираются и в том, как строить новый Китай, — это самое драгоценное достояние. Как же можно всех их снимать?»[93].

Лю Шаоци знал, что этот вопрос поставлен перед ним не случайно: весной 1967 г. ЦК КПК принял по этому поводу специальное решение, на основании которого были репрессированы сотни людей. Лю Шаоци твердо защищал партийные кадры от необоснованных преследований во время «культурной революции», сам находясь фактически под домашним арестом и подвергаясь давлению одновременно и со стороны партийных функционеров, выполнявших прямые

указания Мао Цзэдуна и его ближайших помощников, и со стороны «народных масс», действиями которых дирижировали те же функционеры по указаниям тех же руководителей. Уже одно то, что Лю Шаоци до последней возможности выступал против массовых необоснованных репрессий Мао Цзэдуна во время «культурной революции», говорит о том, что его невозможно считать всего-навсего «жертвой» «культурной революции» и политическим деятелем, который ни в чем не расходился с Мао Цзэдуном.

Лю Шаоци упорно сопротивлялся беззакониям и делал это, несмотря на то, что прекрасно понимал, что иная линия поведения, т. е. выполнение всех желаний Мао Цзэдуна, к примеру поименное осуждение целого ряда руководящих работников ЦК КПК как своих сообщников по проведению «линии», враждебной Мао Цзэдуну, могла бы не только улучшить его бытовые условия, но и сохранить для него некоторые перспективы продолжения политической деятельности.

7 апреля 1967 г. Лю Шаоци представил в ЦК КПК свой письменный ответ на обвинения, предъявленные ему в статье Ци Бэньюя, разъяснил истинное положение вещей и привел факты. Согласно формулировке, принятой в китайской историографической литературе, это письмо Лю Шаоци появилось «по требованию масс»[94].

С подлинника письма Лю Шаоци тут же сняли копию и в виде дацзыбао вывесили в Чжуннаньхае. Таким образом, была как бы соблюдена видимость самостоятельности масс. Однако через несколько часов, т. е., очевидно, после того как руководители Группы по делам культурной революции, а вполне возможно и Мао Цзэдун, ознакомились с содержанием письма, дацзыбао, содержавшую аргументированное заявление Лю Шаоци, сорвали со стены и порвали в клочья[95]. Это также могло, разумеется, толковаться как реакция «возмущенных масс» на разъяснения Лю Шаоци, хотя на самом деле было продиктовано вполне понятными опасениями: уничтожение этой дацзыбао максимально сужало круг лиц, знакомых с подлинным мнением Лю Шаоци. Благодаря тому, что его дацзыбао появилась на стене, пусть даже в Чжуннаньхае, о ней узнали, о ее содержании стало кое-что известно и за пределами Чжуннаньхая.

Размышляя о том, в каком положении оказался в описываемый период Лю Шаоци, нельзя забывать, что митинги, которые устраивались в его доме, были тщательно отрежиссированы; их участники получали самые подробные инструкции относительно того, как вести себя с Лю Шаоци, как издеваться над ним, попирать его человеческое достоинство, как

унижать честь председателя Китайской Народной Республики, Никто из участвовавших в этих митингах, никто из организаторов этих судилищ не понес никакого наказания.

Каждый раз, когда Лю Шаоци давал аргументированный ответ, «представители революционных масс» Чжуннаньхая красными книжечками, т. е, сборниками изречений Мао Цзэдуна, его «цитатниками» в твердом пластмассовом переплете кроваво-красного цвета, били его по лицу, стараясь попасть по губам, со словами: «Не позволим распространять яд». Штатники были сделаны фабричным способом так, чтобы ими можно было больно бить человека, не оставляя следов крови на обложках. Иначе говоря, цитатники Мао Цзэдуна были орудиями пытки многоразового применения. Мучители старались не давать Лю Шаоци сказать ни слова. Председатель КНР был лишен даже права гражданина на высказывание своего мнения[96].

Эти дни в начале апреля 1967 г. были для него сплошным страданием. Изменение привычного ритма жизни, ограничения в лекарствах, в снотворном — все это привело к тому, что он несколько суток вообще не сомкнул глаз и физически очень ослаб[97]. Очевидно, к работе приступила группа по особому делу Лю Шаоци, и травля продолжалась по разработанному садистами-следователями плану, утвержденному «штабом» Мао Цзэдуна по руководству «культурной революцией».

8 апреля 1967 г., когда Лю Шаоци уведомили о том, что Ван Гуанмэй снова должна отправиться в университет Цинхуа «для проверки» или «чтобы пройти испытания», он был так потрясен, что заболел; в тот вечер Лю Шаоци несколько раз терял сознание[98].

На следующий день, т. е. 9 апреля 1967 г., дочь Лю Шаоци Лю Пинпин сообщила отцу, что в университете Цинхуа готовится трехсоттысячный митинг «критики» Ван Гуанмэй и «борьбы» против нее. Узнав об этом, Лю Шаоци сказал: «Если у меня есть ошибки, то я и должен нести за них ответственность. Рабочие группы были направлены ЦК партии. За это (Ван) Гуанмэй ответственности не несет. Почему она должна страдать вместо меня? Если надо пройти проверку, принять удар, то пойду я! Пойду на встречу с массами! Я — член компартии, я не боюсь даже смерти, мне ли бояться масс?» Ван Гуанмэй, однако, возразила: «В движении в университете Цинхуа я принимала непосредственное участие. Я и должна быть там и пройти проверку масс». Лю Шаоци с этим не согласился: «Ты — исполнитель. Определяла политику не ты».

Лю Шаоци в волнении говорил: «Я никогда не выступал против партии, не выступал против председателя Мао Цзэдуна.

Другие люди выступали против председателя Мао Цзэдуна. Линь Бяо выступал против. Цзян Цин тоже выступала против. Я же всегда защищал председателя. В те десятилетия, когда я руководил работой ИК, были ошибки, то есть действия, которые шли вразрез с идеями Мао Цзэдуна. Но не было выступлений против. Ошибки в работе были! Но при всем том строго соблюдались партийные принципы. Я не занимался заговорами и интригами. Работу все делали сообща. Если хотите, чтобы я взял на себя ответственность, что же, и это можно! Но ошибки человек должен исправлять сам!» Тут он бросил на стол ложку, рука его дрожала: «Что же получается? Неужели другие всегда и во всем правы? Нет, надо и здесь видеть обе стороны вопроса. Почему, собственно говоря, не разрешается критиковать Группу по делам культурной революции? Что же, если кто-то думает иначе — надо его хватать?» Затем Лю Шаоци сказал: «В августе прошлого года я перестал ведать работой УК, но ошибки продолжают совершаться. В будущем ситуация, при которой массы борются против масс, станет еще тяжелее. Если положение не изменить, то последствия будут гораздо тяжелее. Нельзя больше сваливать ответственность на меня. Стольких работников выгнали — кто же будет работать? Кто будет руководить производством?».

Лю Шаоци, вероятно, сознавал, что это была, может быть, последняя для него возможность высказаться в кругу своей семьи, объяснить свою позицию близким людям в надежде, что таким образом правда о нем дойдет до потомков. Он также хорошо понимал, что все его слова записываются, а потому перед своими мучителями, перед Мао Цзэдуном говорил так, как считал нужным, стремясь и в этой ситуации, с одной стороны, отстаивать некоторые принципиальные позиции, высказывая отрицательное отношение к тому, как Мао Цзэдун проводил «культурную революцию» уже после отстранения Лю Шаоци, и не соглашаясь с натравливанием людей друг на друга и с репрессиями в отношении многочисленной армии партийных работников, а также, с другой стороны, стремясь защищать себя и своих близких.

Он говорил: «Кое-кто хочет, чтобы я выступил против революции. Но, положа руку на сердце, я могу сказать, что ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем я никогда не выступал и не буду выступать против председателя Мао Цзэдуна, против марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна! Революционер живет ради революции, умирает он за дело коммунизма, никогда ему не изменяя».

Свою речь перед родными Лю Шаоци закончил такими словами: «Когда я умру, вы должны рассеять мой прах над морем,

как прах Энгельса. Море соединяется с океанами. Я хочу увидеть, как во всем мире будет построен коммунизм. Вы должны запомнить: это вам мое завещание… Да здравствует дело коммунизма! Да здравствуют марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна! Да здравствует Коммунистическая партия Китая!»[99].

На следующий день после этого разговора Ван Гуанмэй подверглась мучительному унижению на трехсоттысячном митинге в университете Цинхуа[100].

Условия быта Лю Шаоци ухудшились еще больше. Вскоре в его доме были опечатаны книги. За стенами Чжуннаньхая одна за другой проходили демонстрации, участники которых требовали «вытащить» Лю Шаоци из резиденции ЦК КПК[101].

Очевидно, что Мао Цзэдун и, вполне естественно, весь его «штаб», включая не только Линь Бяо, Цзян (Зин, Кан Шэна, Чэнь Бода, но и Чжоу Эньлая, приняли решение развернуть непримиримую борьбу против Лю Шаоци, дискредитировать его имя и деятельность во время «культурной революции» и на протяжении многих лет до нее. Об этом свидетельствовало, в частности, выступление Чжоу Эньлая 6 апреля 1967 г. перед представителями массовых организаций. Премьер Госсовета КНР, в частности, заявил: «Главная задача состоит в борьбе против Лю Шаоци и Дэн Сяопина»; сигнал к борьбе против них — статья Ци Бэньюя, «впервые раскрывшая ряд идей Мао Цзэдуна». По словам Чжоу Эньлая, хотя Лю Шаоци руководил работой Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 12 лет (т. е. с 1954 г.), а Дэн Сяопин — работой Секретариата ЦК 10 лет (т. е. с 1956 г.), в общей сложности борьба «линий» Мао Цзэдуна и Лю Шаоци продолжалась в течение 22 лет (т. е. с 1945 г., с VII съезда КПК).

Лю Шаоци, как выразился Чжоу Эньлай, «начал противиться» линии Мао Цзэдуна еще во время Войны Сопротивления Японии. Целый ряд документов, которые были изданы в те годы, когда Лю Шаоци и Дэн Сяопин находились у власти, были направлены, по утверждению Чжоу Эньлая, «против идей Мао Цзэдуна». В частности, Чжоу Эньлай сообщил, что Мао Цзэдун не знакомился предварительно с отчетным докладом о работе ЦК КПК VIII съезду партии и услышал этот доклад (сделанный Лю Шаоци) уже на самом съезде. «Председатель Мао Цзэдун, — заявил Чжоу Эньлай, — перестал доверять Лю Шаоци на XI пленуме ЦК КПК 8-го созыва, хотя уже на X пленуме ЦК КПК 8-го созыва председатель Мао Цзэдун лично дал понять, что Лю Шаоци проводит неправильную линию»[102].

Критика Лю Шаоци стала центральным пунктом кампании, развернутой членами «штаба» Мао Цзэдуна — руководителями «культурной революции» против участников «февральского

регрессивного течения». Так называли выступление нескольких членов Политбюро ЦК КПК и заместителей премьера Государственного совета КНР, которые в феврале 1967 г. попытались возражать против методов проведения «культурной революции», осуждая за это лишь руководителей ГКР ЦК КПК: Цзян Цин, Чэнь Бода, но не Мао Цзэдуна.

Вот как об этой кампании говорилось в одном из китайских источников уже после того, как в КНР развенчали «культурную революцию»: «С 12 по 18 апреля 1967 г, на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК Линь Бяо, Цзян Цин, Чэнь Бода, Кан Шэн, Чжан Чуньцяо н другие в своих выступлениях оговаривали невиновных и критиковали „преступления“ Лю Шаоци, Дэн Сяопина». Выступая на этом совещании 13 апреля 1967 г., Кан Шэн, в частности, заявил, что 16 марта 1967 г. ЦК КПК принял решение, осуждавшее 61 партийного деятеля, которые якобы в 1936 г. сделали «антикоммунистические заявления» и впоследствии пользовались покровительством Лю Шаоци. Кан Шэн так излагал в связи с этим позицию приверженцев Мао Цзэдуна: «Отрицание… положения о примате политики — вот общая особенность буржуазной реакционной линии Лю Шаоци — Дэн Сяопина»[103].

8 мая 1967 г. в «Жэньминь жибао» и центральном партийном журнале КПК «Хунци» была опубликована редакционная статья, одобренная на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, в которой, в частности, говорилось: «Вред работы „О самовоспитании коммуниста“ (автор работы — Лю Шаоци. — *Ю.Г.*) состоит в том, что она предает диктатуру пролетариата»[104]. Мао Цзэдун и его соратники напряженно выискивали любую возможность для критики теоретических взглядов и практической деятельности Лю Шаоци на протяжении многих десятилетий его пребывания в КПК.

С этого времени задачу широкомасштабного разоблачения Лю Шаоци взяла на себя, очевидно выполняя решение Мао Цзэдуна и его «штаба» по руководству «культурной революцией», официальная партийная печать. До той поры критика Лю Шаоци велась в основном в малоформатной печати, т. е. в изданиях, которые выпускали специально созданные для проведения «культурной революции» так называемые массовые революционные организации.

Таким образом, в критике Лю Шаоци выделяются два этапа: первый — лето, осень и зима 1966–1967 гг. и второй — начиная с весны, а точнее, с апреля 1967 г. На первом этапе критика велась через формально внепартийные организации и их печатные органы, а на втором — непосредственно в партийной печати,

которой подпевала все та же неформальная печать массовых организаций периода «культурной революции».

Это был новый этап в развитии кампании против Лю Шаоци в масштабах всей партии и всей страны. Его труды препарировались, и произвольно вырванные, искаженные цитаты из них подвергались бичеванию. Имя Лю Шаоци тогда еще в открытой печати не упоминалось (в этом было отличие малоформатной печати от официальной партийной). Его называли «китайским Хрущевым», «предателем диктатуры пролетариата», «самым крупным лицом в партии, стоящим у власти и идущим по капиталистическому пути».

С 3 июня по 4 июля 1967 г. пекинские студенты, члены массовых организаций расположились палаточным городком у стен резиденции ЦК КПК Чжуннаньхая, требуя «вытащить Лю Шаоци» и изгнать его из центрального комитета Коммунистической партии Китая. Формальным предлогом для этой акции послужило то, что еще в августе прошлого, 1966 г. Лю Шаоци по поручению ЦК КПК вместе с другими партийными работниками побывал в Пекинском строительном институте и высказался по некоторым конкретным вопросам, касавшимся взаимоотношений массовых организаций и «рабочих групп».

Напомним, что эта волна была поднята спустя год после того, как «рабочие группы» были направлены в некоторые вузы и учреждения, и спустя почти год после того, как они были отозваны и упразднены. К середине 1967 г. произошло много событий, в частности, был осуществлен «захват власти» у парткомов и органов власти на местах, в провинциях. Могло показаться, что эпизод с рабочими группами отошел в историю, выглядел мелким на фоне дальнейших событий. Однако Мао Цзэдун и его приверженцы хватались за любой предлог для того, чтобы вновь и вновь поддерживать «огонь» «культурной революции», особенно нагнетая атмосферу вокруг имени и деятельности Лю Шаоци как «главной мишени» «культурной революции».

Нападки на Лю Шаоци помогали «штабу» Мао Цзэдуна повсеместно усиливать атаки на руководителей на местах, которых обвиняли прежде всего в связях с Лю Шаоци. Опровергнуть такие обвинения было трудно, так как весь партийный аппарат долгие годы работал под его непосредственным руководством. Таким образом, критика Лю Шаоци была необходима Мао Цзэдуну для продолжения «культурной революции» прежде всего внутри партии, для решения проблем чистки партийного аппарата.

Итак, летом 1967 г. в течение целого месяца, днем и ночью,

не переставая, студенты буквально вопили, орали в мегафоны, не давая никому спать ни в Чжуннаньхае, ни в прилегающих к нему районах Пекина. Непрерывно проводя митинги, то и дело предпринимая демонстративные попытки ворваться на территорию резиденции ЦК КПК, они требовали выдать им Лю Шаоци[105].

Это был искусно поставленный ГКР массовый спектакль под названием «Глас народа». Стремясь окончательно дискредитировать и убрать с политической сиены Лю Шаоци и всех работников партаппарата, в которых Мао Цзэдун и его приверженцы видели своих политических противников и даже врагов, руководители «культурной революции» не только добивались в конечном счете очернения имени Лю Шаоци, но вели дело к его физическому уничтожению, однако при этом они хотели сделать это руками «масс» или как бы по их воле, не запятнав себя и оставшись в стороне.

Палаточный городок появился с санкции ГКР. Он возник совершенно неожиданно, в одночасье. И точно так же, в один момент, он, как по мановению волшебной палочки, а точнее, руководящего жезла ГКР, «штаба» Мао Цзэдуна, перестал су шествовать. Студенты были отозваны в свои институты после того, как было принято соответствующее решение «штаба» по руководству «культурной революцией». Практически это произошло после того, как член группы по особому делу Лю Шаоци, заведующий Канцелярией ЦК КПК Ван Дунсин «от имени ЦК КПК» предложил Лю Шаоци выступить с открытым письмом в ответ на обращение-требование, выдвинутое массовой организацией Пекинского строительного института[106].

К тому времени Лю Шаоци был так измучен физически и морально, что уже не мог писать сам. Поэтому под его диктовку письмо, адресованное массовой организации студентов упомянутого института, написала Ван Гуанмэй *[107]*. Когда документ был отправлен, Лю Шаоци тут же потребовал возвратить его и вставил в текст важную, с его точки зрения, фразу: «ЦК партии, председатель Мао Цзэдун поручили мне руководить работой ЦК»[108]. Лю Шаоци тем самым хотел подчеркнуть, что он руководил работой ЦК партии именно по поручению и с разрешения Мао Цзэдуна, а не захватил это руководство вопреки Мао Цзэдуну. В письме, которое Лю Шаоци послал 9 июля 1967 г. членам массовой организации студентов Пекинского строительного института, он сообщал: «Вечером 4 июля (1967 г. — *Ю.Г.*) заведующий Канцелярией ЦК КПК товарищ Ван Дунсин заявил мне, что, по мнению Центрального комитета, я должен объяснить товарищам из „Боевой группы имени 1

августа“ смысл действий, предпринятых мной в связи с великой пролетарской культурной революцией».

Лю Шаоци подчеркнул, что он считает себя ответственным за первые пятьдесят с лишним дней «культурной революции». Он также отметил, что в Пекинском строительном институте ему довелось побывать по указанию Мао Цзэдуна только в начале августа 1966 г., т. е. тогда, когда он уже не отвечал за руководство практической деятельностью ЦК партии. Он направился туда после консультаций с руководством нового Пекинского горкома КПК, созданного уже в ходе «культурной революции» во исполнение замыслов Мао Цзэдуна, и не один, а в составе делегации партийных деятелей. При этом Лю Шаоци намекнул на человеческую неблагодарность члена ГКР Ци Бэньюя, написавшего уже упоминавшуюся статью «Патриотизм или национальное предательство», направленную против Лю Шаоци и опубликованную 1 апреля 1967 г. в газете «Жэньминь жибао». В августе 1966 г. при посещении Пекинского строительного института делегацией руководства КПК в ее составе наряду с Лю Шаоци и другими был и Ци Бэньюй. Лю Шаоци довелось защищать его от критических нападок членов молодежной революционной организации этого института.

Лю Шаоци счел нужным снова напомнить о том, что после 5 августа 1966 г., т. е. после появления дацзыбао Мао Цзэдуна с призывом «Открыть огонь по штабу», он отошел от руководства деятельностью ИК партии.

Нелишним представляется еще раз подчеркнуть, что в это время по решению Мао Цзэдуна практической повседневной деятельностью ИК партии вместо Лю Шаоци уже стал руководить Чжоу Эньлай, который благодаря «культурной революции» и смешению Лю Шаоци объективно занял наиболее высокое за всю свою карьеру положение в аппарате власти при Мао Цзэдуне.

Ретроспективно оценивая ход «культурной революции», Лю Шаоци подчеркнул, что она была начата по инициативе Мао Цзэдуна. В первый период «культурной революции» Лю Шаоци пришлось руководить «повседневной работой ЦК партии», ощупью искать новые формы работы; отсюда вполне естественно, что на первых порах были допущены ошибки, вину за которые Лю Шаоци признавал прежде всего за собой, но в то же время он отмечал, что и другие высшие должностные лица центральных руководящих органов партии и государства тоже не безгрешны. Что касается неверных решений, то они часто принимались на основе предложений, поступавших снизу, поскольку он пытался всемерно учитывать инициативу масс, но беда в том, что и их предложения бывали ошибочными. Лю Шаоци полностью отводил

от себя обвинение в сознательном «искажении линии», которая должна была проводиться во время «культурной революции».

Лю Шаоци признавал неправильными и некоторые установки первых пятидесяти с лишним дней начатой кампании. Например, не надо было посылать многочисленные «рабочие группы» в высшие и средние учебные заведения столицы, а также в некоторые другие организации и учреждения, принимать меры, «направленные на ограничение действий революционных масс» (имелось в виду запрещение выносить на улицы споры, касающиеся внутренних проблем учреждений), не следовало также препятствовать вывешиванию на улицах лозунгов и т. д. Таким образом, Лю Шаоци соглашался с высказанной в его адрес критикой, но ограничивал всю эту область только незначительными промахами и ошибками, отводя упреки в противодействии этой кампании по существу.

Далее в письме говорилось, что именно по предложению Лю Шаоци во время «культурной революции» партийные организации перестали действовать обособленно от массовых организаций и объединений и начали приглашать на свои собрания беспартийных. Он напомнил об этом, подчеркивая необходимость добиваться единства партии с массами. Своей основной ошибкой Лю Шаоци признавал то, что в начале «культурной революции» не додумался привлечь на свою сторону массы; он был неправ, когда рассчитывал только на партийный аппарат. «Сейчас мне ясно, — писал Лю Шаоци, — что великая пролетарская культурная революция должна опираться на революционных студентов и преподавателей, революционных служащих. Она должна объединять и сплачивать всех, кто может быть объединен»[109].

Письмо Лю Шаоци, ставшее его последним опубликованным (хотя и в малоформатной печати) обращением к согражданам, было широко распространено по всей стране. Исходя из того, что Лю Шаоци признавал только частные ошибки и не повинился в выступлении против «линии Мао Цзэдуна», «штаб» «культурной революции» выразил недовольство его позицией. В середине июля 1967 г, появилась дацзыбао, в которой письмо Лю Шаоци стали именовать «манифестом контрреволюционной реставрации». Письмо Лю Шаоци было использовано как предлог для организации новой серии выступлений против него.

В июле-августе 1967 г. при активной роли Кан Шэна, Се Фучжи и □и Бэньюя был создан «фронт борьбы против Лю Шаоци»[110]. Иначе говоря, массовые организации по всему Китаю стали проводить собрания, посвященные критике Лю Шаоци. Дело было, конечно, не только в неприятии самого этого политического деятеля, так как в те дни в стране защищать его

каким бы то ни было образом стало уже невозможно. Критиковать «каппутиста номер один» руководители «культурной революции» считали необходимым для того, чтобы держать в страхе других потенциальных соперников в борьбе за власть и, упоминая их имена в одном ряду с именем опального главы государства, заткнуть им рты и усмирить.

Критике подвергались и приписываемые ему подлинные взгляды на внутреннюю и внешнюю политику. Скорее всего, именно этим объясняется появление в дацзыбао и малоформатной печати того времени высказываний Мао Цзэдуна о том, что он считает лозунг «каждому по труду» «буржуазным», осуждает «систему заработной платы», «систему воинских званий», стремление «перенимать все» у заграницы, чем, по его словам, занимались Лю Шаоци, Гао Ган, Пэн Дэхуай[111].

Мао Цзэдун поставил в один ряд три имени; Лю Шаоци, Гао Ган, Пэн Дэхуай, видя в этих руководителях партии и государства своих главных оппонентов в период существования КНР. Главные расхождения между его платформой и их взглядами существовали, с его точки зрения, в двух областях.

Во-первых, в том, что сам он придерживался «пролетарского» подхода к ведению дел в КНР, т. е., выступая с позиций большинства китайского населения и защищая интересы этого большинства, которое Мао Цзэдун полагал неимущим или пролетариатом, он считал необходимым устанавливать такие порядки в экономической, социальной и политической жизни общества, при которых отвергался принцип оплаты по труду, считались ненужными система заработной платы, система воинских званий. Все должно было быть подчинено борьбе, классовой борьбе пролетариата против буржуазии, неимущих против имущих.

На практике это означало, что такая борьба велась безостановочно, перманентно; при этом не могло быть и речи о реальном строительстве ни в сфере экономики, ни в области социальной или политической жизни. Страна и народ должны были жить в состоянии постоянной подготовки к борьбе и ведения борьбы, в атмосфере военного лагеря, противостояния с внешними и внутренними врагами, т. е. в атмосфере, при которой исключались и нормальная жизнь человека, и политическая демократия, и экономическое строительство.

Во-вторых, Мао Цзэдун фактически обвинял Лю Шаоци, Гао Гана, Пэн Дэхуая в том, что они стремились «перенимать все» у заграницы, т. е. у СССР. Тем самым Мао Цзэдун проводил различие между собой и Лю Шаоци, представляя себя защитником национальных интересов Китая, независимости и

самостоятельности КНР на мировой арене в отношениях со всеми государствами, но прежде всего во взаимоотношениях с СССР. Мао Цзэдун считал Лю Шаоци «приспособленцем», который видел пример в заграница, в деятельности «советских ревизионистов», и, следовательно, предателем национальных интересов Китая.

Это свидетельствует о том, что Мао Цзэдун был одержим идеей конфронтации с Советским Союзом, вел дело к военному противостоянию с нашей страной. А Лю Шаоци, Гао Ган, Пэн Дэхуай являлись, по его мнению, препятствием на пути проведения именно этой линии в области внешней политики. В материалах массовых организаций было, в частности, и такое напоминание: когда в августе 1945 г. газета «Цзефан жибао» «сеяла иллюзии о мире», то она явно отражала взгляды Лю Шаоци, заявляя, что «при данной обстановке все классы, нации, за исключением сумасшедших и идиотов, несомненно, хотят мира»[112].

Это также свидетельствовало о глубине разногласий между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном. Лю Шаоци был глубоко убежден, что китайскому народу после окончания Войны Сопротивления Японии был необходим мир, что на основе всеобщего стремления к миру всех китайцев, вне зависимости от их классовой принадлежности, можно было строить взаимоотношения между такими двумя политическими силами в Китае, как Коммунистическая партия Китая и партия Гоминьдан Китая. Более того, Лю Шаоци, очевидно, вообще полагал, что война должна максимально или по возможности исключаться из жизни китайского и всех народов мира.

Мао Дзедун придерживался иной позиции. Он не только не видел в войне ничего необычного или неприемлемого, но, напротив, считал, что этот способ решения политических споров представляется кардинальным. Тогда, после окончания Войны Сопротивления Японии и второй мировой войны, Мао Цзэдун был настроен на новую войну с целью завоевания власти в Китае и достижения победы над партией Гоминьдан и своим соперником Чан Кайши. Позиция Мао Цзэдуна по данному вопросу отличалась от более близких друг другу взглядов И.В.Сталина и Лю Шаоци. Мао Цзэдуну удалось тогда повернуть развитие событий в нужном ему направлении. Он выиграл войну у Гоминьдана, обвешав народу и стране мир после победы в этой войне. Однако, в сущности, при жизни Мао Цзэдуна всегда сохранялась опасность того, что он предпримет военные действия или против Гоминьдана на Тайване, или на границах КНР, или пустит в ход армию внутри страны для поддержания своей власти над КПК и КНР.

Летом 1967 г. к новому этапу широко организованной травли Лю Шаоци подключили и обслуживающий персонал Чжуннаньхая. Эти люди, с одной стороны, подчинялись партийной и армейской дисциплине, т. е. дисциплине тех частей НОАК или министерства общественной безопасности, в которых они действительно или формально служили, выполняя обязанности прислуги высших руководителей страны, и не допускали студентов, членов молодежных массовых организаций на территорию резиденции, но, с другой стороны, в силу той же партийной и армейской дисциплины, да и стремясь не только обезопасить себя, но и сохранить все «положенные» им привилегии, стали истязать Лю Шаоци на судилищах в пределах территории резиденции. Излишне даже подчеркивать, что все, что делалось этими людьми, вплоть до мельчайших деталей, исполнялось в соответствии с планами и по указаниям лично Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения — «штаба» по руководству «культурной революцией», члены которого, каждый персонально, проявили бесчеловечность и низменные чувства по отношению к беззащитному, старому человеку — поверженному главе государства.

Семья Лю Шаоци все больше склонялась к тому, что ему лучше всего было бы отказаться от поста председателя КНР, и Ван Гуанмэй предложила мужу еще раз поставить этот вопрос официально, так как она и дети смогут прокормить его.

«Не так-то это просто, — ответил Лю Шаоци. — Не позволят мне уехать в деревню пахать землю. Ведь если я уеду, кого они будут критиковать?»

Ван Гуанмэй ответила: «Сейчас становится ясно, что нынешняя великая культурная революция — это, вероятно, контрреволюционный политический переворот, осуществляемый Линь Бяо, Цзян Цин и их сторонниками; они специально бьют по первым и вторым липам в ЦК партии и на местах».

Подумав над этими словами, Лю Шаоци на следующий день согласился с ней: «То, что ты вчера сказала, — правильно»[113].

По всему было видно, что готовился новый этап репрессий и мучений — преследование лиц, имевших отношение к Лю Шаоци. Для начала был арестован как «шпион» Хао Мяо — повар, который обслуживал семью Лю Шаоци на протяжении 18 лет[114].

Мученичество

18 июля 1967 г. по указанию Цзян Цин и Ци Бэньюя в Чжуннаньхае было организовано «собрание борьбы против Лю Шаоци».

Перед этим, вероятно, предвидя, что судьба его предрешена, Лю Шаоци вынул из кармана и дал прочитать своим детям два документа. В первый и единственный раз в жизни, как писали они об этом несколько лет спустя, он позволил себе ознакомить своих домашних с партийными документами, в данном случае касавшимися лично Лю Шаоци и Ван Гуанмэй. На одном из них стояла одобрительная резолюция Мао Цзэдуна — то был отчет о пребывании Ван Гуанмэй с инспекционными целями в сельскохозяйственной бригаде Таоюань. Второй документ — положительная резолюция, наложенная Мао Цзэдуном в октябре 1966 г. на «самоанализ» Лю Шаоци, в котором автор приводил мотивы шагов, предпринятых им на первом этапе «культурной революции»; отчет был написан, как уже упоминалось, в связи с тем, что Лю Шаоци обвиняли в порочных методах руководства работой ЦК в предшествующие годы[115].

По-видимому, Лю Шаоци постоянно держал при себе эти два документа как своего рода свидетельство своей благонадежности, поскольку Мао Цзэдун письменно подтвердил, что он удовлетворен их содержанием. Лю Шаоци надеялся на силу этих «охранных грамот». Во всяком случае, он хотел «вооружить» своих детей знанием подлинных документов, свидетельствовавших как о самом Мао Цзэдуне и его позиции в деле Лю Шаоци, так и о взаимоотношениях между ними.

Во время очередного сборища, происходившего 18 июля 1967 г., применив грубую физическую силу, Лю Шаоци заставили низко согнуться и в течение двух часов не позволяли выпрямиться, не давая сказать ни слова, а затем Лю Шаоци отделили от членов его семьи — как оказалось, навсегда (он видел их после этого только раз, во время судилища над ним на массовом митинге в августе 1967 г.), и оставили под охраной в переднем дворике дома, там, где находился его кабинет. Ван Гуанмэй оторвали от мужа и детей и отвели на задний дворик, а детей расселили по другим помещениям. Не только Лю Шаоци, но и все члены его семьи были лишены свободы передвижения. В доме произвели очередной обыск[116].

Одновременно с малолюдным, камерным, но жестоким судилищем в Чжуннаньхае за его стенами, в Пекине, был проведен массовый, с участием более 100 тыс. человек, «митинг

критики» Лю Шаоци как «самого крупного деятеля в партии, идущего по капиталистическому пути»[117].

В июле-августе 1967 г. «при подстрекательстве Цзян Цин» руководители и активные члены ГКР Чэнь Бода, Ван Ли и Ци Бэньюй дали указания всем канцеляриям Госсовета КНР (т. е. центрам, управлявшим всеми отраслями жизни страны), всем «бунтарям» в этих центральных руководящих учреждениях создать «комитеты координации действий для искоренения капитализма» и «руководящие штабы для экстренного согласования действий» с тем, чтобы «вытащить» Лю Шаоци. Было мобилизовано 200 тыс. человек, которые снова подвергли осаде Чжуннаньхай[118].

5 августа на центральной площади Пекина был проведен «митинг борьбы» против Лю Шаоци, Дэн Сяопина, Тао Чжу (в прошлом член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, «человек номер четыре» в КПК осенью 1966 г.). Подготовка этого многотысячного уличного мероприятия была поручена «особоуполномоченному» ГКР, супруге Кан Шэна Цао Иоу[119]. Самого Лю Шаоци не привели, видимо, опасаясь его появления, даже в столь унизительной роли, перед массами, а также излишнего шума за рубежом.

В тот же день новые «собрания критики и борьбы», направленные против Лю Шаоци, Дэн Сяопина, Тао Чжу, состоялись и в Чжуннаньхае, и в их домах. «Борьба» велась и против их супруг — Ван Гуанмэй, Чжо Линь и Цзэн Чжи. Митинг и собрания были приурочены к первой годовщине появления дацзыбао Мао Цзэдуна, призывавшей «открыть огонь по штабу»[120].

В доме Лю Шаоци сотрудники службы безопасности вынудили его детей присутствовать при издевательствах над родителями, видеть, как молодчики — заплечных дел мастера из маоцзэдуновских спецслужб заламывали руки отцу и матери: когда кисти рук связывали вместе и тянули за спиной вверх — человек невольно сгибался, голова его наклонялась к земле. Мучители, которые, очевидно, находили удовольствие в своих садистских выходках, называли эту пытку «реактивным самолетом». Обоих супругов били кулаками и ногами. Лю Шаоци таскали за седые волосы, заставляли его стоять, низко согнувшись, но с запрокинутой назад головой — ее оттягивали за волосы назад, — и в этой мученической позе крайнего унижения фотографировали.

Фотоснимки регулярно доставлялись организаторам «культурной революции». Вспоминается, что одна из дурных политических традиций в старом Китае состояла в том, что

поверженного врага пытали и, отрубив ему или ей руки и ноги, сажали в большую вазу и доставляли «на погляд» торжествующему победителю или победительнице.

Самая младшая дочь Лю Шаоци и Ван Гуанмэй, Лю Сяосяо, которой было тогда всего 6 лет, видя мучения родителей, громко рыдала. Собрание длилось два часа. Лицо Лю Шаоци распухло от побоев. Его заставляли стоять без обуви, в одних носках[121].

Это был один из целого комплекса коварных приемов, разработанных «штабом» «культурной революции»: людей, против которых велась «борьба», выводили на митинги босиком или в носках, чтобы легче и удобнее было незаметно, исподтишка, так сказать инкогнито по-маоцзэдуновски, отдавливать людям пальцы на ногах.

5 августа 1967 г. Лю Шаоци в последний раз видел свою жену. Супругам удалось на какой-то момент соединить руки, но их тут же грубо оторвали и оттащили друг от друга. С трудом разъединив любящих супругов, палачи продолжали издеваться над ними[122]. Вечером того же дня, после собрания, Лю Шаоци продиктовал секретарю свой письменный протест, в котором требовал соблюдения Конституции КНР. Послание было отправлено, но ответа и на сей раз не последовало[123].

7 августа 1967 г. Лю Шаоци написал Мао Цзэдуну. Он выражал возмущение тем, что на него навесили ярлык противника партии и социализма, и заявил о намерении уйти в отставку с поста председателя КНР, упомянув, что он «уже лишен свободы»[124]. Ответа не было и на этот раз. Но репрессивный аппарат работал: обдумывались варианты дальнейшего преследования «самого крупного каппутиста».

13 сентября 1967 г, детям Лю Шаоци, которых до тех пор держали дома, хотя и отдельно от отца и матери (их также содержали порознь), было приказано отбыть в свои учебные заведения[125]. Вечером того же дня Ван Гуанмэй была взята под арест и заключена в тюрьму[126]. Там она провела одиннадцать лет.

Через несколько дней Лю Шаоци поручил прикрепленному к нему телохранителю: «Передай детям: пусть они отрекутся от меня и от мамы». То был последний наказ отца, последние его слова, дошедшие до детей[127].

Вполне очевидно, что Лю Шаоци уже все понял: ни ему, ни его супруге не избежать жестокой судьбы. Стремясь во что бы то ни стало сохранить свой род, своих сыновей и дочерей, и понимая, что в бесчеловечной маоцзэдуновской мясорубке главное для его детей — выжить и пережить это страшное время, Лю Шаоци решил, что они должны сделать все, что могло помочь

им сохранить жизнь.

Здесь следует отметить, что в КПК существовали некие внутрипартийные правила, которые Мао Цзэдун, впрочем, постоянно нарушал и еще более ужесточал. В частности, там сложилась традиция, согласно которой в тех случаях, когда кого-то из членов семьи относили к числу политических противников Мао Цзэдуна и его партии, от остальных требовали порвать с ним все связи. Формально речь шла о том, что оставшиеся, возможно временно, на свободе родственники партийца, обвиненного в политических ошибках и преступлениях, были обязаны политически отмежеваться от своего пострадавшего родственника, осудить его политическую платформу, взгляды и деятельность, а вернее, то, что ему вменялось в вину.

Так Мао Цзэдун достигал сразу нескольких целей. Во-первых, человек, взятый под подозрение партией, оставался один, у него не оставалось связей даже с членами его семьи, не говоря уже о передачах в тюрьму, посещениях и письмах. Во-вторых, родственники осужденного или осуждаемого партийца, выступив против него с публичным заявлением, с одной стороны, хотя и косвенно, но подтверждали свою вину перед партией, перед Мао Цзэдуном и перед обществом в целом за то, что «недосмотрели» за своим родственником или вовремя не донесли на него в партком или спецслужбы, а с другой — испытывали угрызения совести перед членами своего рода. Таким образом, на крючок попадали сразу и обвиняемый и его ближайшие родственники, разом превращавшиеся в жертвы бесчеловечной политики Мао Цзэдуна, поправшего добрые традиции китайского народа, возникшие в глубокой древности, которые требовали почитания родителей и старших в семье, а также уважения родственных связей.

Лю Шаоци пришел к мысли о том, что в борьбе за выживание хотя бы своих потомков необходимо идти на все и в борьбе против своих мучителей нельзя руководствоваться собственными или общепринятыми моральными принципами; он был убежден, что, если есть хоть какая-то возможность в конечном счете уйти от преследований Мао Цзэдуна и его приспешников, ее необходимо использовать, невзирая на нарушение привычных норм нравственности. Поэтому Лю Шаоци и приказал своим детям послать в адрес партии Мао Цзэдуна письменные заявления о том, что они отрекаются от своих родителей как контрреволюционеров. Таким образом, выполнялись требования, которые в то время обычно предъявлялись группами по особым делам к родственникам политических обвиняемых.

В борьбе против несправедливости Лю Шаоци пошел на этот

шаг не потому, что он «признавал» то, в чем его обвиняли Мао Цзэдун и члены его «штаба» — Чжоу Эньлай, Кан Шэн, Цзян Цин, Линь Бяо, Чэнь Бода и другие, а потому, что знал, что эти его слова будут переданы его детям. Он посылал им последнюю весточку. При этом подразумевалось, что Лю Шаоци завещал им при власти Мао Цзэдуна действовать по принципу: с волками жить — по-волчьи выть. Иначе говоря, Лю Шаоци давал понять своим потомкам, что в бесчеловечных условиях главное для человека — сохранить свою жизнь. Это свидетельствовало о том, что Лю Шаоци, особенно когда речь шла об отношении к человеку, к людям, продолжал придерживаться принципов, абсолютно не совпадавших со взглядами Мао Цзэдуна. Человечность против бесчеловечности — вот в чем было коренное отличие между позициями Лю Шаоци и Мао Цзэдуна.

После того как Лю Шаоци полностью изолировали и лишили свободы, т. е. начиная с августа 1967 г., его тюремщики стали подчиняться одному из активных организаторов «культурной революции» в Пекине, председателю ревкома университета Цинхуа, политработнику НОАК Чи июню. Он приказал своим подручным не охранять Лю Шаоци, а надзирать за ним, не проявляя никакой жалости[128].

В это время внешне ситуация выглядела так, как будто бы сами «революционные массы», сам «народ» в лице своего представителя Чи июня, одного из руководителей новых органов власти, созданных в ходе «культурной революции» как бы по инициативе самих «масс», взял под стражу, ограничил свободу Лю Шаоци — председателя Китайской Народной Республики и члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а Мао Цзэдун и его подручные были только вынуждены считаться с «волей» китайского народа. Вместе с тем практически все люди, вернее, все сотрудники спецорганов, которые находились в доме Лю Шаоци и вокруг него, были все теми же работниками обслуживающего персонала ЦК КПК, которые и до этого выполняли приказы руководства ЦК КПК, Мао Цзэдуна и находились на военной службе. Иначе говоря, государственные или государственно-партийные служащие продолжали осуществлять все действия в отношении Лю Шаоци, т. е. именно они захватили его и держали под стражей.

Изощренное лицемерие всей акции состояло в том, что Лю Шаоци формально не был заключенным. Вопрос считался «внутрипартийным», и расследовала его группа по особому делу Лю Шаоци, также созданная внутри партии.

В КПК существовал определенный порядок заведения особых дел и формирования групп по особым делам, а именно дел

членов партии, которых обвиняли в антипартийных действиях и в предательстве родины. Вероятно, в период после образования КНР до «культурной революции» такие группы по особым делам находились, по крайней мере формально, в ведении организационного отдела ЦК КПК.

Известно, что в 1966 г. с началом «культурной революции» группы, расследовавшие такого рода особые дела, были выведены из подчинения организационному отделу ЦК КПК (сам этот орготдел во главе со своим руководителем Ань Цзывэнем, который много лет работал под непосредственным руководством Лю Шаоци, попал в жернова маоцзэдуновской «культурной революции», многие его работники подверглись репрессиям и были замучены). Они находились в прямом ведении Кан Шэна, который к началу «культурной революции» занимал пост кандидата в члены Политбюро ЦК КПК, затем члена Политбюро и, наконец, члена Постоянного комитета Политбюро партии.

По предложению Кан Шэна или по собственной инициативе Мао Цзэдун лично принимал решение о заведении особого дела, о создании группы по особому делу того или иного руководителя. Судьбы руководителей страны фактически определяли два человека: Мао Цзэдун — высший руководитель партии и Кан Шэн — глава репрессивного аппарата партии и государства. При этом решающее слово было, безусловно, за Мао Цзэдуном, Именно он принимал решения о том, какой должна быть судьба того или иного руководителя. Кан Шэн был всего лишь исполнителем воли Мао Цзэдуна, хотя самым высокопоставленным.

Работа по созданию групп по особым делам, по заведению самих особых дел находилась вне ведения организационного отдела ЦК КПК; начиная с 1966 г. до самой своей смерти, иначе говоря в течение почти 11 лет, Мао Цзэдун карал и осуществлял репрессии совершенно бесконтрольно, без санкции соответствующих государственных органов и без ведома коллективных органов руководства партией. Лишь весной 1979 г. организационный отдел ЦК КПК, выполняя решение о необходимости пересмотра особых дел в целях нормализации обстановки, принятое на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., вновь приступил к этой деятельности[129].

Группа по особому делу Лю Шаоци была создана по решению руководства ЦК КПК, т. е., по сути дела, Мао Цзэдуна. Лю Шаоци был обвинен партией и попал под следствие и суд партии. Гражданин КНР, председатель Китайской Народной Республики оказался вне юрисдикции государства, был взят под партийный арест, а затем брошен в партийную тюрьму. При Мао Цзэдуне можно было предъявлять политические обвинения, вести

следствие, осуждать человека, выносить ему приговор и физически уничтожать его, так сказать, по партийной линии. В том случае, когда Мао Цзэдуну нужно было расправиться со своими политическими противниками, он отделял партию от государства, не неся никакой ответственности ни перед Конституцией КНР, ни перед другими ее законами. В этом Мао Цзэдун пошел формально и фактически еще дальше И.В.Сталина, «учел» его «опыт», стал «Сталиным в квадрате».

Итак, вопрос о Лю Шаоци считался «внутрипартийным», и его расследовала внутрипартийная группа по особому делу. В то же время надзор за Лю Шаоци взяли на себя как бы «революционные массы»; формально это был руководящий орган одного из столичных вузов, т. е. революционный комитет университета Цинхуа, того самого, куда таскали на массовые митинги супругу Лю Шаоци Ван Гуанмэй и где издевались над ней.

На практике все, по сути дела, оставалось по-прежнему. Лю Шаоци содержался под арестом в одном из помещений своего дома. Его надзирателями были работники спецслужб, охранявших Чжуннаньхай, но нескольким «представителям» «революционных масс» из университета Цинхуа дозволялось при этом присутствовать. Все решения, однако, принимались Мао Цзэдуном и его «штабом», и никакой «отсебятины» со стороны «революционных масс» не допускалось.

Так поступали не только с Лю Шаоци, но и со всеми теми, кто попал в жернова «культурной революции». Вероятно, это делалось для того, чтобы в случае смерти истязаемых и унижаемых людей можно было бы сослаться на «действия» или на «проявление справедливого гнева» «революционных масс». Это было проявлением идеи Мао Цзэдуна о «непрерывной», или «перманентной, революции». Ведь в отдельные моменты или в ходе такой «революции» действовали «законы революции», «суд революционных масс». Кстати говоря, тем самым как бы снимался вопрос о реабилитации по суду погибших «от проявления гнева масс, поднявшихся на справедливую революцию».

Вся эта «хитрая механика» была в деталях продумана Мао Цзэдуном и его «штабом». На них лежит вся историческая ответственность за это изуверство; они заслуживают осуждения со стороны общественности своей страны, да и порядочных людей во всем мире.

Приводимые далее сведения, касающиеся пребывания Лю Шаоци под арестом, почерпнуты из китайских источников[130]. Очевидно, что они были взяты из дневника наблюдений, в котором фиксировалась каждая минута жизни Лю Шаоци и который вели специальные профессионально обученные

тюремщики. Эти записи представлялись на просмотр руководству КПК. Их читали руководители ГКР; совершенно очевидно, что с ними знакомился Мао Цзэдун. Вполне вероятно, что их читал Чжоу Эньлай, ибо именно он оказался тем самым высокопоставленным партийным функционером, которому Мао Цзэдун доверил в конечном счете выступать внутри партии, на пленуме ее ЦК с обвинениями против Лю Шаоци.

Летом 1968 г. Лю Шаоци заболел воспалением легких. Трудно себе представить, как это могло случиться жарким пекинским летом, если бы Лю Шаоци находился в нормальных или обычных условиях. Не исключено, что мучители намеренно простудили его или дали ему возможность простудиться.

В результате осложнения Лю Шаоци был не в состоянии разогнуться и мог только лежать или сидеть, находясь в скрюченном положении. Во рту у него осталось всего семь зубов, и одна рука почти не двигалась. Лишенный каких бы то ни было лекарств, он перестал ходить и почти все время лежал.

5 октября 1968 г. его надсмотрщики, бывшие, судя по записям, квалифицированными медиками и наблюдавшие за ним как за подопытным животным, заведомо обреченным на мучения, эти, с позволения сказать, «верные слуги» партии и Мао Цзэдуна, зафиксировали в дневнике, что Лю Шаоци дважды рыдал. Он часто терял сознание и в прострации начинал себя царапать. Для того чтобы не позволить ему принести себе этим хоть какое-то облегчение, садисты надели ему на руки твердые пластиковые мешки. С одной стороны, это можно было при желании трактовать как оказание медицинской помощи, но с другой — дело было в том, что сам он эти мешки снять с рук не мог, и его мучения усилились[131].

Вполне очевидно, что Лю Шаоци не убивали только потому, что центру управления «культурной революцией» нужна была «живая мишень» для нападок в необходимых случаях, скажем, на заседаниях руководства, и для самоутверждения в качестве «победителей» во внутриполитической борьбе на предстоявшем тогда IX съезде КПК.

Отлучение

Прежде всего требовалось предъявить Лю Шаоци обвинение, но не в том смысле, как это бывает в нормальном суде. Нужны были такие формулировки, которые устраивали бы Мао Цзэдуна и которые можно было бы представить в форме политического решения руководящего органа партии, означавшего для Лю Шаоци приговор с резолюцией ЦК КПК. Мао Цзэдун вел дело к тому, чтобы на основании этого обвинительного документа осудить Лю Шаоци и внутри партии, и в стране в целом.

Непосредственную подготовку такого документа осуществляла группа по особому делу Лю Шаоци, которую возглавляла Цзян Иин. В состав группы входили Кан Шэн, а также начальник канцелярии ЦК КПК, функционер, ведавший вопросами охраны руководства партии, Ван Дунсин, а также министр общественной безопасности КНР Се Фучжи, который, кстати сказать, был одновременно и руководителем группы по особому делу супруги Лю Шаоци Ван Гуанмэй.

Лю Шаоци и Ван Гуанмэй были переданы в руки специальных людей в аппарате партии, которые не подчинялись никаким законам государства, а действовали исключительно в соответствии с указаниями и по воле Мао Цзэдуна и его ближайших приверженцев, которые обычно всё согласовывали с ним. Все эти люди с самого начала относились к Лю Шаоци и Ван Гуанмэй как к классовым врагам, как к преступникам, с которыми во имя интересов классовой борьбы, в трактовке Мао Цзэдуна и его последователей, позволительно делать все что угодно и даже более того, лишь бы это принесло результаты, которые нужны Мао Цзэдуну, Чжоу Эньлаю, Кан Шэну, Цзян Цин, Чэнь Бода, Линь Бяо, т. е. всему «штабу» Мао Цзэдуна того времени и иже с ними.

Дело Лю Шаоци стало самым крупным из всех сфабрикованных во время «культурной революции», в орбиту которого попало больше всего людей. Только по решениям судов, а это касалось, как уже говорилось, не самого Лю Шаоци, а тех, кого привлекали по этому делу на местах, подверглись несправедливым наказаниям 28 тыс. человек. И во много раз больше людей в самых разных организациях по всему Китаю без всякого суда терпели издевательства, которые тогда назывались «критикой и борьбой»; незаконно и без какого бы то ни было юридического оформления арестовывали и заключали в тюрьмы тысячи и тысячи невиновных. По мнению китайских исследователей, невозможно точно подсчитать всех пострадавших по этому «делу»[132].

Были репрессированы близкие Лю Шаоци. Его супруга Ван Гуанмэй, арестованная осенью 1967 г., одиннадцать с половиной лет провела в тюрьме; тюремщики применяли к ней такие бесчеловечные методы, что она потеряла рассудок. Старший сын Лю Юньбин погиб в годы «культурной революции». Старшая дочь Лю Айцинь пребывала долгое время «на перевоспитании в хлеву». В таком же «хлеву» в «одиночном стойле» содержалась и ее сестра Лю Пинпин. Сыновья Лю Юньжо и Лю Юаньюань побывали в тюремном заключении. Дочь Лю Тинтин стала объектом «борьбы».

Терпела унижения даже самая младшая в семье Лю Шаоци и Ван Гуанмэй, их дочь Лю Сяосяо. Маленькая девочка во время «культурной революции» только начала ходить в школу. Ее соученики, возможно по наущению взрослых, зная, что ее отец — Лю Шаоци, избивали Лю Сяосяо. Как-то раз, не выдержав, она, плача, бросилась к проходившему мимо милиционеру со словами: «Дядя, я не выступала против председателя Мао Цзэдуна!»

Судя по сведениям, опубликованным в печати КНР после того, как началась критика «культурной революции», из родных Лю Шаоци, подвергшихся репрессиям, четверо умерли от издевательств, шестеро были посажены в тюрьму[133].

Брат жены Лю Шаоци Ван Гуанмэй Ван Гуаньэнь, служивший помощником директора Фэнтяньской прядильной фабрики в городе Тяньцзине, был арестован, и от него потребовали дать показания о «предательстве», которое якобы совершил Лю Шаоци «в 1929 г., когда его подвергли аресту в городе Шэньяне». Ван Гуаньэня пытали, и он умер в тюрьме. Другой шурин Лю Шаоци — Ван Гуаньин был приговорен к смертной казни с отсрочкой приведения приговора в исполнение. После восьми лет пребывания в тюрьме он в 1980 г., т. е. спустя четыре года после окончания «культурной революции» и смерти Мао Цзэдуна, был реабилитирован[134].

Как же фабриковались «доказательства вины» Лю Шаоци?

Очевидно, что вся эта работа началась еще в 1966 г, и заняла около двух лет. Правда, тогда, в 1966 г., Лю Шаоци еще формально оставался членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председателем КНР, но это, конечно, не могло помешать началу тайного расследования. Уже упоминалось о том, что Чжоу Эньлай не стеснялся публично заявлять о том, что Мао Цзэдун «потерял доверие» к Лю Шаоци еще на X пленуме ЦК КПК 8-го созыва, т. е. в 1962 г.

И все же сначала появилась группа по особому делу супруги Лю Шаоци Ван Гуанмэй. Эта группа была создана во второй половине 1966 г., но о ней не знали ни сама Ван Гуанмэй,

которую взяли под арест только год спустя, в 1967 г., ни Лю Шаоци.

Группы по особым делам формировал Мао Цзэдун, естественно с помощью Чжоу Эньлая, заменившего Лю Шаоци, как уже упоминалось, на посту руководителя повседневной деятельностью высших партийных органов. Мао Цзэдун, как правило, не ставил в известность их членов о начале такого внутрипартийного расследования даже в тех случаях, когда речь шла не о них самих, а об их женах. Вероятно, это оправдывалось, если вообще нужны были какие-либо оправдания, соображениями безопасности самого вождя КПК-КНР, партии и государства, ибо дело касалось, с точки зрения Мао Цзэдуна, классовых врагов внутри партии.

Группа по особому делу Ван Гуанмэй занималась главным образом сбором таких материалов, которые могли бы дать основания для осуждения Лю Шаоци. Иначе говоря, хотя формально она была создана по «делу» Ван Гуанмэй, но по существу Мао Цзэдун таким обходным путем санкционировал тайное расследование деятельности председателя КНР Лю Шаоци.

Весьма характерно, что группа, по сути дела, была создана вне аппарата ЦК КПК. Ее поручили возглавить Се Фучжи, который был тогда министром общественной безопасности КНР. Следовательно, речь сразу пошла о «государственной измене», о «предательстве» в пользу иностранного государства.

Сам Се Фучжи был фигурой, показавшейся Мао Цзэдуну наиболее подходящей для этой цели. Се Фучжи был одним из провинциальных руководителей и был переведен в Пекин по рекомендации Дэн Сяопина. Попав в Пекин, Се Фучжи быстро доказал Мао Цзэдуну и Цзян Цин, что он готов на все, в том числе и на слежку за высшими руководителями государства и партии, включая и Лю Шаоци и своего «благодетеля» Дэн Сяопина.

Китайские ученые отмечали, что доступные им документы свидетельствовали о том, что вначале существовал замысел представить Лю Шаоци агентом специальных служб США (возможно, Мао Цзэдун, как это не раз бывало, попытался воспользоваться советским опытом и в данном случае копировать в какой-то степени дело Л.П.Берия в СССР; недаром он в свое время при встрече с Н.С.Хрущевым в 1957 г. в первую очередь интересовался именно этим делом).

Был составлен план, плелась сложная интрига. Прежде всего, намеревались доказать, что Ван Гуанмэй была агентом Управления стратегической информации США по Дальнему Востоку. Затем предполагалось заявить, что Ван Гуанмэй завербовала и втянула в свою деятельность и Лю Шаоци, который

также стал американским шпионом[135].

Одним словом, Мао Цзэдуну очень хотелось, чтобы получилось что-то наподобие дела В.К.Блюхера в Советском Союзе, когда И.В.Сталин приказал расстрелять его за то, что тот якобы был завербован японской шпионкой. В данном случае Лю Шаоци мог быть представлен как человек не первой молодости, околдованный молодой американской шпионкой-китаянкой. В свое время Ван Гуанмэй была студенткой университета Пужэнь, привилегированного учебного заведения в Пекине, где давали по тем временам прекрасное образование. Она блестяще владела английским языком и, безусловно, встречалась и общалась с иностранцами, в том числе и с американцами. В то же время Ван Гуанмэй, как, впрочем, и ее братья, вступила в КПК, принимала участие в подпольной работе партии.

Когда в 1946 г. КПК вела переговоры с Гоминьданом (ГМЛ), в Пекине был создан орган из представителей трех сторон (КПК, ГМД, США), ведавший передислокацией вооруженных сил ГМД и КПК. Делегация КПК, которую возглавлял видный деятель партии Е Цзяньин, должна была вести переговоры с американцами, и подпольная организация КПК в Пекине рекомендовала делегации КПК Ван Гуанмэй в качестве переводчицы; через нее поддерживалась связь с американцами.

В феврале 1947 г. разразилась гражданская (или внутренняя) война в Китае, и делегация КПК была отозвана из Пекина. Ван Гуанмэй вместе с членами делегации прибыла в район, находившийся под контролем КПК и расположенный на стыке провинций Хэбэй, Чахар, Ганьсу. Затем она попала в Пиншань, где и познакомилась с Лю Шаоци, за которого впоследствии вышла замуж.

Все это было общеизвестно. Собственно говоря, партийная организация руководила деятельностью Ван Гуанмэй с середины 40-х годов. Сам брак Лю Шаоци и Ван Гуанмэй был санкционирован руководством партии. Казалось, что тут нет неясностей. Однако, исходя из намерения доказать причастность Лю Шаоци к шпионажу в пользу США, группа по особому делу Ван Гуанмэй развернула активную, просто лихорадочную деятельность.

Были арестованы члены подпольной организации КПК, действовавшей в Пекине в 40-х годах. В тюремном заключении оказался, например, известный деятель компартии Цуй Юэли, некогда работавший в подполье в Пекине, а после 1 октября 1949 г. и создания КНР занимавший пост заместителя мэра Пекина Пэн Чжэня, который также стал одним из первых объектов нападок в ходе «культурной революции». Цуй Юэли томился в

тюрьме долгие годы. Были схвачены и несколько профессоров университета Пужэнь. Из всех этих людей пытались выбить свидетельские показания, но так и не сумели ничего добиться, хотя и замучили их до смерти[136].

Одновременно в поле зрения группы по особому делу Ван Гуанмэй попал Чжан Чжуньи — профессор расположенного в Пекине Хэбэйского (провинциального) педагогического института. В 1967 г. Чжан Чжуньи было 67 лет, т. е. это был человек того же поколения, что и Лю Шаоци. Чжан Чжуньи не был знаком ни с Лю Шаоци, ни с Ван Гуанмэй. Но зато Чжан Чжуньи был приятелем профессора Ян Чэнизо и его супруги Юань Шаоин, а те, в свою очередь, знали Ван Гуанмэй. Этим и решила воспользоваться группа по ее особому делу. Чжан Чжуньи был болен раком. Болезнь находилась в последней стадии. Дни Чжан Чжуньи были сочтены. 24 октября 1967 г. группа по особому делу доложила, что Чжан Чжуньи может умереть в любой момент и даже при лечении в больнице долго не протянет. Из этого группа по особому делу Ван Гуанмэй сделала свои выводы и внесла предложение продолжать лечить Чжан Чжуньи в тюрьме и одновременно интенсивно допрашивать его. Министр общественной безопасности КНР Се Фучжи препроводил документ с этим предложением супруге Мао Цзэдуна Цзян Цин, которая и наложила резолюцию: «Читала. Согласна».

26 октября 1967 г. состояние Чжан Чжуньи настолько ухудшилось, что 28 октября его перевезли в военный госпиталь, где врачи, как докладывала группа по особому делу Ван Гуанмэй, «обеспечили ему семь дней жизни для допросов». В целом за последние 27 дней жизни Чжан Чжуньи у него «брали показания» 21 раз, а 31 октября его допрашивали 15 часов подряд, с 9 до 24 часов. Через 2 часа после этого допроса, в ночь на 1 ноября 1967 г., Чжан Чжуньи скончался. Хотя в ответ на многократные вопросы следователей умирающий повторял: «Ван Гуанмэй — член Коммунистической партии», в официальном отчете утверждалось обратное: Чжан Чжуньи якобы дал некоторые показания, свидетельствующие о том, что Ван Гуанмэй — гоминьдановский агент. После смерти Чжан Чжуньи осталось 20 кассет с записью допросов. Они-то и были использованы как основание для обвинения Лю Шаоци.

В своем первом письменном докладе по материалам допросов скончавшегося Чжан Чжуньи группа по особому делу, которое было заведено на супругу Лю Шаоци, доносила: «В основном можно утверждать, что Ван Гуанмэй является агентом Управления стратегической информации США».

Это был явно не тот вывод, который был нужен тем, кто

создавал эту специальную группу. Они нуждались в материалах для обвинения в предательстве и шпионаже самого Лю Шаоци. Цзян Цин, прочитав упомянутый доклад группы по особому делу Ван Гуанмэй, разгневалась, возвратила доклад и устроила разнос непонятливым исполнителям, Группа зашла в тупик, не зная, что делать. Она направила доклад Кан Шэну, который нашел «выход», внеся в текст документа поправки, исключавшие всякую неясность. «Имеющиеся в настоящее время материалы», гласил этот документ в редакции Кан Шэна, не только «свидетельствуют о том, что Ван Гуанмэй является „агентом“», но и «подтверждают», что «агентом» является и сам Лю Шаоци[137].

Тем не менее доклад и в таком виде не был направлен ни в ЦК КПК, ни Мао Цзэдуну. Очевидно, что обстоятельства борьбы в верхнем эшелоне власти складывались в тот момент таким образом, что Кан Шэн и Цзян Цин были поставлены перед необходимостью искать другие «свидетельства виновности» Лю Шаоци. Нельзя исключать того, что Мао Цзэдун к тому времени принял решение способствовать установлению контактов с Вашингтоном, вести дело к встрече с президентом США Р.Никсоном. В этой связи Мао Цзедун, представляя «дело» Лю Шаоци руководству партии, всей партии и всему народу, теперь уже не желал направлять острие критики в ходе «культурной революции» против США, против американского империализма, а предпочитал представить Лю Шаоци не как американского агента, а в качестве «предателя» дела КПК, работавшего в пользу Гоминьдана.

Таким образом, руководителям всей конкретной работы по подготовке обвинений в адрес Лю Шаоци — «китайскому Берия», т. е. Кан Шэну, и исполняющей обязанности руководителя ГКР супруге Мао Цзэдуна Цзян Цин пришлось фабриковать доказательства того, что Лю Шаоци «добровольно явился с повинной к гоминьдановским властям и стал предателем»[138]. Иначе говоря, до того как объявлять Лю Шаоци иностранным шпионом, следовало представить его прежде всего и главным образом предателем, изменником дела Компартии в пользу Гоминьдана.

Организаторы преследований решили использовать тот факт, что Лю Шаоци побывал в гоминьдановской тюрьме. В 1942 г. Лю Шаоци писал в своей биографии: «После движения 30 мая 1925 г. я направился в Хунань. Там я был арестован Чжао Хэнти. Благодаря массовому движению протеста и другим формам борьбы меня в конце концов выдворили за пределы провинции. В 1929 г. я был арестован в Маньчжурии. Но ввиду того, что доказательств было недостаточно, а также благодаря тому, что я

твердо держался во время судебного заседания, спустя два месяца было объявлено, что я не виновен, и меня выпустили из тюрьмы»[139].

Все эти обстоятельства Кан Шэн стремился использовать в целях решения задач, поставленных Мао Цзэдуном перед группой по особому делу Лю Шаоци.

В первую очередь были перевернуты архивы японских оккупационных и прояпонских марионеточных властей. Ничего компрометирующего Лю Шаоци обнаружить не удалось. Затем усиленно старались найти необходимые свидетельские показания для обвинения Лю Шаоци в предательстве КПК в пользу Гоминьдана.

Например, долгое время вместе с Лю Шаоци в «белых районах» работал член КПК Ван Шиин (на VIII съезде был избран членом центральной комиссии партийного контроля при ЦК КПК). Во время «культурной революции» его схватили и установили над ним так называемую «опеку», или «содержание под наблюдением».

Это специальное понятие было введено в КПК для оправдания не оформленного официальными государственными документами ареста многих людей, членов партии; партия, и тут следуя за своим лидером Мао Цзэдуном, полагала, что она имеет право сама творить суд над своими членами; по существу, это было самое настоящее тюремное заключение.

Ван Шиина вынуждали давать свидетельские показания в подтверждение того, что Лю Шаоци якобы предал партию. «Опекаемый», однако, ответил категорическим отказом: «Расстреляйте меня, но я этого писать не буду». V Ван Шиина был к тому времени рак легких, но это не остановило палачей, и они прибегли к пыткам. Ван Шиина начали допрашивать с пристрастием 31 октября 1967 г., а 26 марта 1968 г. он скончался[140].

В марте того же, 1968 г. Цзян Цин, выступая перед сотрудниками групп по восьми особым делам, говорила: «Одно из дел вызывает у меня большое неудовлетворение (имелось в виду дело Ван Шиина. — *Ю.Г.*)… Надо вести допрос по принципу: умрет, так умрет… Надо действовать со злостью, бить в одну точку… если нескольких человек недостаточно — надо привлечь к работе десять, двадцать человек и вести борьбу злее. Некоторые (из допрашиваемых. — *Ю.Г.*) хотят умереть; они сами этого хотят — значит, владыка ада пригласил их на выпивку в загробный мир!в[141].

Сильному давлению подвергался также известный всей партии человек — Ань Цзывэнь, который вместе с Лю Шаоци

работал в «белых районах», а затем много лет возглавлял организационный отдел ЦК КПК. Ань Цзывэнь впоследствии вспоминал, что его трижды пытались принудить к даче ложных показаний по делу Лю Шаоци. При этом ему говорили, что подвернулся случай отличиться перед руководителями «культурной революции». Представитель группы по особому делу уговаривал Ань Цзывэня: «Только напиши свидетельские показания о том, что Лю Шаоци — предатель, и ты немедленно выйдешь из тюрьмы, вернешься домой к семье, родным и близким, снова приступишь к работе, а когда будет созван IX съезд партии — сможешь стать членом нового ЦК».

В ответ Ань Цзывэнь сказал, что ему ничего не известно о предательстве Лю Шаоци, как же он может писать такое? Представитель группы ответил: «Если ты не знаешь, что Лю Шаоци — предатель, то этому легко помочь; я расскажу тебе, при каких обстоятельствах был арестован Лю Шаоци и как он стал предателем; от тебя требуется только написать все в соответствии с тем, что я скажу». — «Ну, тогда ты сам и отличись, — предложил Ань изывэнь, — пусть тебе будет принадлежать эта заслуга; пиши, пожалуйста, сам!»

Ань Цзывэнь не поддался нажиму. Представители группы по особому делу Лю Шаоци были этим очень недовольны. После этого Ань изывэнь многие годы томился в тюрьме, закованный в кандалы. Его выпустили только после смерти Мао Цзэдуна и устранения с политической сиены его ближайших приверженцев по «культурной революции» — Цзян Цин и других[142].

Итак, одного потенциального «свидетеля», Ван Шиина, довели до смерти, а другого, Ань Цзывэнь, обрекли на страдания в тюрьме, однако ни от одного из них ложных показаний получить так и не удалось.

Все же в конце концов группа по особому делу добыла «доказательства виновности» Лю Шаоци. Ключевыми тут стали показания двух измученных пытками людей — Дин Цзюецюня и Мэн Юнцяня.

Дин Цзюецюнь в середине 20-х годов был членом КПК, а в 1927 г. работал вместе с Лю Шаоци в Ухане. Позднее Дин Цзюецюнь вышел из КПК, а после образования КНР выступал как деятель, представляющий демократические круги. Работал в канцелярии советников в провинции Хунань. Во время «культурной революции» его схватили, посадили в тюрьму и подвергли допросу с пристрастием, требуя дать клеветнические показания против Лю Шаоци. Сначала подследственный ничего дурного о Лю Шаоци не говорил, лишь сообщил, что в свое время он, Дин Цзюецюнь, работал в партотделе города, а Лю Шаоци

тогда же — в центральном совете профсоюзов провинции Хубэй. Дин Цзюецюнь уверял, что никаких отношений, кроме чисто деловых, между ними не было и никаких сведений он дать не может.

После того как о ходе допросов было доложено Кан Шэну, Цзян Цин и Се Фучжи, они наложили на докладе группы по особому делу свои резолюции, потребовав от нее действовать наступательно. Се Фучжи наставлял своих подчиненных: «Допрос надо вести со злостью, с рукоприкладством»; «Надо допрашивать сосредоточенно, несколько часов подряд, не отступать, не прекращать, атаковать до тех пор, пока не удастся пробить брешь».

Получив такой приказ, группа по особому делу Лю Шаоци удвоила рвение. Нового «наступления» Дин Цзюецюнь не выдержал и написал все, что от него требовали. Именно эти показания послужили основанием для обвинения Лю Шаоци в том, что в 1927 г. он стал предателем.

Через некоторое время после своего вынужденного лжесвидетельства Дин Цзюецюнь написал группе по особому делу письмо, в котором он отказывался от своих показаний: «Меня принудили к ложным показаниям с тем, чтобы посредством критики опорочить и снять с поста Лю Шаоци; все, что я написал в своих показаниях, это целиком и полностью извращение фактов». В ответ группа по особому делу пригрозила, что, если он будет настаивать на отказе от своих показаний, речь пойдет о жизни и его самого, и всей его семьи. Запуганный этим Дин Цзюецюнь не осмеливался больше протестовать[143].

Второе ложное показание дал Мэн Юниянь. В подписанном им документе говорилось, что Лю Шаоци стал предателем, когда был арестован в 1929 г. в Шэньяне.

Мэн Юниянь был старым партийным активистом. В 1929 г., когда Лю Шаоци был секретарем парткома провинции Маньчжурия, в состав этого комитета входил и Мэн Юниянь. Оба они были арестованы. Из тюрьмы их тоже освободили одновременно. После образования КНР Мэн Юниянь несколько лет работал на руководящей должности во Всекитайском совете кооператоров. Во время «культурной революции» его арестовали и потребовали заявить, что он считает Лю Шаоци предателем.

Мэн Юниянь, конечно, прекрасно знал, что в те далекие годы, когда он и Лю Шаоци были заключены в тюрьму города Шэньян, никакого предательства его товарищ по партии не совершал. Заявляя об этом следователям, Мэн Юниянь сначала держался твердо и, несмотря на применявшиеся к нему меры принуждения, не соглашался давать ложные показания. Группа по особому делу

в своем докладе, представленном Цзян Цин, жаловалась, что Мэн Юниянь «никак не желает раскрыть существо вопроса, занимает в высшей степени нечестную позицию». После того как Цзян Цин и Кан Шэн наложили на этом докладе свои резолюции, санкционировавшие продолжение допросов, министр общественной безопасности КНР Се Фучжи вызвал группу для инструктажа. Было разъяснено, как именно следует вести это дело: необходимо действовать безостановочно, по принципу колеса, допросы вести днем и ночью, привлечь десять-пятнадцать сотрудников: «Пусть семь-восемь человек работают языками, а другие— руками и ногами», — уточнил министр общественной безопасности КНР во времена «культурной революции» Мао Цзэдуна. Указание было выполнено. После семи суток безостановочного допроса в соответствии с полученными инструкциями Мэн Юнцянь не выдержал и написал все, что от него требовали. Эти показания, как и «свидетельства» Дин Цзюецюня, были приложены к докладу группы по особому делу Лю Шаоци и стали главными аргументами обвинителей.

Будучи вынужден оговорить старого товарища, Мэн Юниянь, как, впрочем, и Дин Цзюецюнь, через некоторое время написал опровержение. Более двадцати раз он напоминал тюремщикам о том, что желал бы взять свои слова назад, что показания были вырваны у него силой и не соответствуют действительности, что их следует аннулировать и что дело Лю Шаоци вообще велось ошибочно. Каждый раз, когда он подавал свои заявления, это ему дорого обходилось. Против Мэн Юнияня «вели борьбу», и его заявления не принимались во внимание. После устранения «группы четырех», т. е. Цзян Цин и других, Мэн Юниянь написал обо всем в центральную комиссию по проверке дисциплины КПК[144].

Выбив ложные показания о предательстве Лю Шаоци, группа составила отчет и представила его Мао Цзэдуну. В КНР, описывая эти события, утверждали, что позже при проверке было выявлено, что Мао Цзэдуну принесли читать лишь ложные показания и скрыли от него то, что свидетельствовало в пользу Лю Шаоци.

В историографии КНР 70-80-х годов постоянно просвечивало желание обелить Мао Цзэдуна, представить его великим вождем, которого в «деле» председателя КНР Лю Шаоци водили за нос его ближайшие приверженцы.

Думается, что на самом деле, будучи заинтересован в том, чтобы довести до конца свою борьбу против главной мишени «культурной революции», т. е. против Лю Шаоци, Мао Цзэдун утвердил доклад группы по этому особому делу и санкционировал предложенные ею выводы[145].

Мао Цзэдун и его приверженцы, очевидно, хотели получить удовлетворение также и от того, что Лю Шаоци еще при жизни узнает о решении ЦК исключить его из КПК навечно.

Этот вопрос был поставлен на XII пленуме ЦК КПК 8-го созыва, состоявшемся 13–30 октября 1968 г. Доклад группы по особому делу назывался «О расследовании преступлений предателя, провокатора и штрейкбрехера Лю Шаоци» и был положен в основу речи тогдашнего «человека номер три» в партии, Чжоу Эньлая, с которой этот член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и выступил перед участниками пленума 18 октября 1968 г.

Чжоу Эньлай говорил в основном о деятельности Лю Шаоци до образования КНР. Таким образом, очевидно согласно инструкции Мао Цзэдуна, из поля зрения участников пленума выводились разногласия между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци после 1949 г., особенно по поводу ряда установок периода «большого скачка» и «народных коммун». Тогда по многим важным вопросам Лю Шаоци не соглашался с Мао Цзэдуном, который, естественно, был заинтересован в том, чтобы внушить партии и народу, что никто, даже Лю Шаоци, не сомневался в правильности проводившегося им курса.

На самом деле это было не так. Вся практическая деятельность Лю Шаоци в первой половине 60-х годов была, по сути дела, своеобразной «альтернативой внутри социализма» тому, что делал и стремился делать Мао Цзэдун. Лю Шаоци и другие руководители партии сыграли важную роль и в выправлении целого ряда последствий «большого скачка» и «народных коммун», и в переводе хозяйства страны и до определенной степени политической жизни континентального Китая на путь, который не совпадал с представлениями Мао Цзэдуна относительно перспектив развития КНР. Именно это Мао Цзэдун стремился скрыть от членов партии и от народа страны. Во всяком случае, при обсуждении вопроса о Лю Шаоци на XII пленуме ЦК КПК 8-го созыва Мао Цзэдун не допустил открытия дискуссии по вопросу о том, существовали ли альтернативные пути развития континентального Китая и если существовали, то в чем была разница между ними.

Согласно формулировке Чжоу Эньлая, в 1925 г. Лю Шаоци, «симулируя болезнь, самовольно оставил шанхайский генеральный совет профсоюзов как раз тогда, когда этот орган подвергся разгрому». Здесь Мао Цзэдун заставил Чжоу Эньлая сделать особый акцент на деятельности Лю Шаоци в Шанхае в те годы. Поскольку многие руководящие деятели КПК, включая самого Чжоу Эньлая, тоже были в Шанхае и участвовали в

событиях, подлинная картина которых остается не вполне ясной и до сих пор, Чжоу Эньлай, заинтересованный в том, чтобы самому не попасть под огонь критики, особенно яростно нападал на Лю Шаоци. Кстати сказать, даже на смертном одре Чжоу Эньлай не расставался с документами, которые, как ему представлялось, свидетельствовали, что он «не предавал» КПК в пользу Гоминьдана именно в середине 20-х годов.

Далее Чжоу Эньлай в своем докладе утверждал, что Лю Шаоци, будучи арестован в городе Чанша, «иеной предательства и благодаря заступничеству милитаристов избежал смертной казни». Кроме того, он же «разоружил рабочие вооруженные отряды» в Ухане и «тормозил рабочее движение» в этом городе. В 1927 г. он передал Гоминьдану «секретные данные о рабочем движении». Так Чжоу Эньлай, также, очевидно, выполняя замысел Мао Цзэдуна, бросал тень на деятельность и Лю Шаоци и вообще всех тех руководителей КПК, которые в те годы действовали в городах Китая, в районах, находившихся под властью Гоминьдана, центрального правительства Китайской Республики, и именующихся обычно «белыми районами».

Это было своего рода завершение борьбы внутри КПК между теми, кто работал в городах, и теми, кто находился в деревнях. Себя Мао Цзэдун относил к последним. Одной из целей «культурной революции» был для него окончательный разгром той части партии, которая была связана с деятельностью в «белых районах». Мао Цзэдун воспользовался волной «культурной революции», в частности, и для того, чтобы внутри партии провести чистку и избавиться, по преимуществу физически, от партийцев-выходиев из «белых районов»; именно их лидером и был Лю Шаоци.

Чжоу Эньлай вслед за тем в своем докладе говорил о том, что в 1929 г. Лю Шаоци «сотрудничал с милитаристами» и выдавал им членов некоторых парторганизаций в Маньчжурии, в городах Люйда, Фушунь и Тяньцзинь. Это и была та часть доклада, которая основывалась на свидетельских показаниях, силой выбитых у упомянутых людей, которых заставили лгать. Как были получены такие важные показания, Чжоу Эньлай предпочел не уточнять, так как в данном случае он заботился не об исторической истине, не о Лю Шаоци и других товарищах по партии, но исключительно о себе, о том, чтобы сохранить свое положение у власти при Мао Цзэдуне. Эгоизм Чжоу Эньлая проявился здесь в полной мере. Он был столь же эгоистичен и бесчеловечен, по крайней мере в отношении Лю Шаоци и многих других старых товарищей, погибших во время «культурной революции», как и Мао Цзэдун. Так, Чжоу Эньлай в своем докладе

солидаризировался с Кан Шэном и поддержал принятое Мао Цзэдуном с подачи Кан Шэна в марте 1967 г, решение об осуждении большой группы видных работников партии, которых необоснованно обвинили в предательстве в пользу Гоминьдана во время Войны Сопротивления Японии. По утверждению Чжоу Эньлая, в 1936 г. Лю Шаоци дал указание «61 предателю», в том числе таким известным деятелям КПК, как Бо Ибо, Лю Ланьтао, Ань Цзывэнь и другие, выступить с «антикоммунистическими заявлениями», благодаря чему они вышли из гоминьдановских тюрем и тут же весьма активно включились и в Войну Сопротивления Японии и в деятельность организаций КПК.

Затем Чжоу Эньлай говорил о том, что в 1941 г. Лю Шаоци «пытался уничтожить Красную Армию Китая и ликвидировать в Китае красную власть». Так через Чжоу Эньлая Мао Цзэдун внедрял в умы своих приверженцев мысль о том, что внутри КПК была большая группа «предателей» во главе с Лю Шаоци, которые на протяжении многих лет настойчиво пытались подчинить КПК Гоминьдану, и только позиция Мао Цзэдуна «спасла» КПК и ее вооруженные силы, в частности, во время Войны Сопротивления Японии. Здесь Мао Цзэдун устами Чжоу Эньлая стремился, с одной стороны, углубить раскол между различными группировками военачальников, которые никогда не приходили к полному единению, а с другой — привлечь на свою сторону тех же военачальников, которых он таким образом противопоставлял «некоторым гражданским политикам внутри руководства партии». Таким образом, Чжоу Эньлай в скрытой форме передавал мысль Мао Цзэдуна, которая состояла в том, что Лю Шаоци и подобные ему деятели якобы не ценили военных, были готовы подчинить их в свое время Гоминьдану и только Мао Цзэдун всегда, и во время Войны Сопротивления Японии, и во время внутренней войны с Гоминьданом, и в годы КНР, отстаивал интересы военачальников, т. е. еще раз демонстрировал военачальникам, что если во главе партии и армии будет продолжать оставаться Мао Цзэдун, то и во время «культурной революции» они могут быть спокойны за свое положение. Отсюда следовал вывод о том, что если Мао Цзэдун требует отдать ему голову Лю Шаоци, то следует так и поступить.

Чжоу Эньлай, наконец, сказал и о том, что в 1945 г. Лю Шаоци «восхвалял» «парламентскую борьбу», «подрывал НОАК», «проповедовал национальное и классовое предательство». Тем самым внушалась мысль о том, что Лю Шаоци, как ни крути, а объективно действовал, с одной стороны, в пользу США, а с другой — в пользу Чан Кайши, да и вообще всех «врагов КПК-КНР», которые находились за пределами страны.

Так Чжоу Эньлай, уже без всяких ссылок на отношение Лю Шаоци к какому-то кинофильму, бросал в адрес председателя КНР и заместителя председателя ЦК КПК обвинения в «национальном предательстве» и в «классовом предательстве». «Национальное» и «классовое» «предательства» представали неразрывно связанными одно с другим. Мао Цзэдун же при этом как бы самым естественным образом оказывался защитником и классовых интересов трудящихся страны, и национальных интересов всей китайской нации. Здесь содержался завуалированный намек и на некий «сговор» Лю Шаоци с Москвой. В ходе «культурной революции» именно Москву обвиняли в «ревизионизме», т. е. в том, что она действует в угоду империализму, прежде всего американскому, а значит, совершает предательство классовых и национальных интересов, а пособников Москвы в континентальном Китае, также именуемых «ревизионистами» или «идущими по капиталистическому пути», иначе говоря, «каппутистами», осуждали за «пресмыкательство» перед политикой Москвы.

Далее Чжоу Эньлай сообщил о том, что с 1947 г. Лю Шаоци через своих родственников (при этом его супруга Ван Гуанмэй и ее брат назывались «американскими шпионами») установил связь с разведывательными службами США, которым в 1950 г. передал «немало весьма ценных… материалов». Что же касается Ван Гуанмэй, то она, как говорилось в докладе, была заслана в Яньань бэйпинским отделом Управления стратегических служб США.

Таким образом, Мао Цзэдун через Чжоу Эньлая проводил мысль о том, что накануне создания КНР Лю Шаоци уже являлся агентом США и был нацелен на сотрудничество с ними. На самом деле именно Мао Цзэдун и его приверженцы, в том числе и прежде всего Чжоу Эньлай, но не Лю Шаоци стремились тогда вести игру с Вашингтоном, в частности в ущерб отношениям с Москвой, за развитие которых выступал Лю Шаоци. Тут Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай все ставили с ног на голову. В преддверии начала своей «большой игры» с Вашингтоном они были крайне заинтересованы в подобной извращенной трактовке исторических событий.

В конце доклада Чжоу Эньлай дал обещание в дальнейшем представить участникам пленума более подробную информацию о «преступлениях» Лю Шаоци в период «после Освобождения страны». Это обещание так и не было выполнено.

Как оценить тот факт, что с докладом, осуждающим Лю Шаоци, выступил Чжоу Эньлай?

В то время он являлся руководителем повседневной работы ЦК КПК, доверенным лицом Мао Цзэдуна по руководству

деятельностью партии во время «культурной революции». Чжоу Эньлай был полностью информирован о ходе внутрипартийного следствия по делу Лю Шаоци. Более того, через него проходили все материалы специально созданной для этой цели группы. Еще более важным представляется то, что Мао Цзэдун полагал, что именно Чжоу Эньлай лучше всех справится с задачей доведения его мнения о Лю Шаоци до членов ЦК партии. Чжоу Эньлай оставался в то время практически единственным из членов руководства партии до «культурной революции», кто пользовался авторитетом и в партии, и у Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун доверил ему это выступление, тем самым еще больше привязав Чжоу Эньлая к себе, побуждая и других партийных руководителей окончательно отойти от Лю Шаоци. Выступив с этим докладом, Чжоу Эньлай подтвердил и закрепил представление о своей неотделимости от Мао Цзэдуна и его политики, общность ответственности за преступления «культурной революции».

У Чжоу Эньлая были и другие причины доказывать причастность Лю Шаоци к контактам с американскими спецслужбами до создания КНР. Дело в том, что в свое время в мировой печати распространялись сведения о том, что в 1949 г., накануне образования КНР, именно Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай предпринимали определенные шаги, свидетельствовавшие об их намерениях развивать межгосударственные отношения КНР и США, в то время как Лю Шаоци тогда выступал за сближение с СССР. В данном случае важно лишь подчеркнуть, что Чжоу Эньлай и Мао Цзэдун, вероятно, всегда были озабочены тем, чтобы противопоставить что-нибудь такого рода сообщениям печати и тому, что было известно определенному кругу партийных функционеров о подлинных позициях главных руководителей партии и страны.

Из упомянутого обещания вернуться к вопросу о Лю Шаоци и сообщить сведения о его деятельности в годы КНР следовало, что партию старались припугнуть тем, что «дело» Лю Шаоци еще не закрыто, что предстоит широкая кампания по выявлению всех причастных к нему уже после создания КНР, на протяжении всех 17 лет существования Республики до начала «культурной революции».

В заключение группа ЦК КПК по особому делу Лю Шаоци и Чжоу Эньлай квалифицировали «преступления» Лю Шаоци как столь тяжкие, что их «не искупить даже смертью», и призвали ЦК КПК «лишить Лю Шаоци всех постов, навечно исключить его из КПК и продолжить борьбу с Лю Шаоци и его приспешниками»[146].

XII пленум ЦК КПК 8-го созыва принял решение исключить

Лю Шаоци из партии и лишить его всех постов, в том числе государственных. Это было еще одно нарушение Конституции КНР. Мао Цзэдун намеренно настоял на формулировке об исключении Лю Шаоци из партии «навечно», т. е. без права восстановления и после смерти.

В историографии КНР в 80-х годах, когда «культурная революция» в принципе была подвергнута критике, этой резолюции была дана следующая оценка: «XII пленум ЦК КПК в обстановке, при которой нарушались все нормы внутрипартийной жизни, утвердил доклад „О расследовании преступлений предателя, провокатора и штрейкбрехера Лю Шаоци“, составленный Цзян Цин, Кан Шэном, Се Фучжи на основе фальшивых показаний, и принял ошибочное решение „навечно исключить“ Лю Шаоци из партии и лишить его „всех постов в партии и вне ее“. Эти полностью неверные политические выводы и организационные меры не только потрясли самого Лю Шаоци как человека, от них пострадали тысячи членов партии — кадровых работников, трудящихся и интеллигентов. Так появилось самое позорное в истории нашей партии дело, приведшее к величайшему политическому, организационному и идейному разброду»[147].

Лю Шаоци уведомили об исключении его «навечно» из КПК 24 ноября 1968 г., очевидно, специально приурочив «подарок» ко дню его 70-летия.

Можно предположить, что Мао Цзэдун и его приверженцы не могли отказать себе в этом «удовольствии». Мао Цзэдун, будучи человеком, чуждым сострадания, стремился и в данном случае к тому, чтобы получить максимальное удовлетворение: уверенность в том, что Лю Шаоци, получив известие об исключении его из партии в день своего рождения, будет страдать вдвойне, очевидно, доставляла Мао Цзэдуну особую радость.

Предгробовое молчание

Следует отметить, что ни с докладом группы по его особому делу, ни с решениями XII пленума ЦК КПК, ни с документами IX съезда КПК, состоявшегося в апреле 1969 г., Лю Шаоци так и не был официально ознакомлен. На IX съезде руководство ЦК пустило в ход «подтасованные либо полученные под нажимом материалы для обмана партии и всего народа»[148].

Те партийные деятели, которые возражали против чудовищной несправедливости решений, касающихся честного и заслуженного в своей партии человека, подверглись обструкции и гонениям. Маршалу Чжу Дэ, который, например, бросил в лицо клеветникам, что Лю Шаоци «не удастся опорочить», заявили, что он, Чжу Дэ, «не понимает момента», а член ЦК КПК Чэнь Шаоминь, открыто не согласившаяся с пресловутым решением XII пленума, была репрессирована[149].

С того мгновения, как Лю Шаоци сообщили об исключении его из партии, которой он отдал свою жизнь, он не произнес ни слова и промолчал почти целый год до самой своей смерти. Очевидно, это была крайняя, последняя избранная им форма выражения своего протеста, его борьбы против несправедливости Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других членов «штаба» Мао Цзэдуна по руководству «культурной революцией».

В заключение XII пленума Мао Цзэдун сказал, что Лю Шаоци «впал в полунормальное состояние и прежде, чем предпринимать что-либо по отношению к нему (очевидно, у Мао Цзэдуна никогда не иссякали намерения, касающиеся Лю Шаоци. — *Ю.Г.*), его следует немного подлечить»[150]. Чжоу Эньлай, вторя Мао Цзэдуну, помогая ему вводить людей в заблуждение относительно того, что делали тогда с Лю Шаоци, выступал в своей обычной роли и даже, в угоду лицемерию Мао Цзэдуна, «направил» к Лю Шаоци «двух опытных медицинских сестер»[151].

Состояние здоровья Лю Шаоци ухудшалось. Врачебные осмотры обычно превращались в «митинги борьбы» против него. Из-за расстройства вегетативной нервной системы его кормили через зонд, однако в необходимых лекарствах, в том числе в средствах от диабета, ему было отказано[152].

Дело, судя по всему, вели к «естественной» развязке. После принятия решения об исключении Лю Шаоци из КПК его жизнь уже не нужна была Мао Цзэдуну.

В 1969 г., после IX съезда КПК, Линь Бяо, возможно желая лишний раз подтвердить мнение о своей беспощадности к «врагам» председателя Мао Цзэдуна, утвердил приговор о

смертной казни Ван Гуанмэй как американской «шпионки» и гоминьдановского «агента». Резолюция гласила: «Приговор привести в исполнение немедленно». Однако Мао Цзэдун решил иначе. Он начертал: «Меч опустить; оставить человека в покое»[153].

Жена Лю Шаоци не представляла опасности для «великого кормчего», и он, видимо, не хотел придавать ее «делу» излишнюю важность, а скорее всего, не желал быть связанным с Линь Бяо общей ответственностью за казнь Ван Гуанмэй, Ван Гуанмэй «оставили в покое»; это означало для нее еще десять лет тюремного заключения. Возможно, что уже тогда Ван Гуанмэй лишилась рассудка.

Гибель

17 октября 1969 г., в соответствии с решением ЦК КПК во главе с Мао Цзэдуном, принятым ввиду «чрезвычайной опасности возникновения войны» (имелось в виду считавшееся Мао Цзэдуном вероятным «внезапное нападение» со стороны СССР в момент начала советско-китайских переговоров в столице КНР), из Пекина в различные районы Китая были вывезены многие руководящие деятели, осужденные во время «культурной революции» и содержавшиеся либо в тюрьме, либо под домашним арестом. Обязанности по обеспечению их эвакуации были возложены на Чжоу Эньлая. Распоряжения по переправке Лю Шаоци в Кайфэн отдавал член Политбюро ЦК КПК, начальник Канцелярии ЦК КПК, т. е. управляющий делами партии, в основном по линии органов политического сыска, Ван Дунсин. Он лично пришел взглянуть на узника и приказал его перевозить, хотя врач и предупредил, что больной может умереть в любой момент[154].

Умирающего доставили к самолету на носилках в одном нижнем белье. За перевозкой наблюдали представители группы по особому делу. Около 9 часов вечера 17 октября 1969 г. самолет доставил Лю Шаоци в Кайфэн, где его поместили в специальную тюрьму, окруженную высокой стеной и колючей проволокой, по которой был пропущен ток высокого напряжения. После перелета в холодную погоду без одежды у Лю Шаоци вновь началось воспаление легких, повысилась температура. К 5 ноября ее удалось сбить. Лю Шаоци был в сознании. 8 ноября, когда ему стало лучше, от группы по особому делу пришел приказ; всем, кто прибыл с Лю Шаоци из Пекина, немедленно возвратиться и забрать с собой привезенные лекарства. До отъезда в Пекин представители группы по особому делу наведались в местный крематорий.

Возвратившись в столицу, прикрепленный к Лю Шаоци телохранитель попытался сразу же доложить о поездке ответственному сотруднику канцелярии ЦК КПК, но ему велели прежде «передохнуть денек».

Ночью, однако, телохранитель получил телефонное уведомление о смерти Лю Шаоци и немедленно возвратился в Кайфэн. Там он узнал, что 10 ноября у больного повысилась температура, но перевезти его в больницу не разрешили, и 12 ноября 1969 г. в 6 часов 45 минут утра он умер[155].

Карета «скорой помощи» прибыла лишь через два часа.

Когда тело Лю Шаоци везли в крематорий на джипе, снаружи

виднелись его оголенные ноги.

При кремации было зафиксировано, что сжигался труп мужчины, умершего якобы от инфекционной эпидемической болезни.

На урне с прахом была сделана надпись:

«Номер праха: 123.

Получатель праха: Лю Юань.

Место жительства (получателя): Н-ская воинская часть.

Родственное отношение к умершему: сын.

Фамилия и имя умершего: Лю Вэйхуан.

Возраст: 71 год.

Пол: мужчина»[156].

Заключенный пробыл в Кайфэне 27 дней: с 17 октября по 12 ноября 1969 г. Операция по вывозу Лю Шаоци из Пекина, получившая кодовое наименование «задача номер семнадцать», была выполнена: Лю Шаоци не стало, и это произошло не в столице, а в городе Кайфэне.

О судьбе отца дети Лю Шаоци узнали только в 1972 г., после смерти Линь Бяо, когда они написали письмо Мао Цзэдуну. В ответ на это обращение представитель группы по особому делу сообщил решение Мао Цзэдуна: «Могут повидаться с матерью». И лишь на следующий день была передана и первая часть резолюции Мао Цзэдуна: «Отец уже умер». Их также уведомили, что он скончался в городе Кайфэне от рака легких в 6 часов утра 12 ноября 1969 г., что его прах находится на хранении в партийной организации и выдан быть не может (партия и Мао Цзэдун оставляли прах навечно исключенного из партии у себя в собственности). Детей Лю Шаоци предупредили, что они ни с кем не должны говорить обо всем услышанном, а на вопросы посторонних о судьбе Лю Шаоци отвечать: «Не знаем». Тогда же известие о смерти мужа довели до сведения Ван Гуанмэй, которую продолжали держать в тюрьме.

18 августа 1972 г, дети впервые после 1967 г. увиделись с матерью; они ее не узнали, так Ван Гуанмэй изменилась за годы тюремного заключения[157].

Процесс реабилитации Лю Шаоци внутри партии начался после III пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося в декабре 1978 г. Этому во многом способствовал Чэнь Юнь, один из ветеранов-руководителей партии, до 1966 г. — один из заместителей председателя ЦК КПК, который, выступая на пленуме, заявил, что Мао Цзэдун — не бог, а человек; Кан Шэн — не человек, а исчадие ада, и что Лю Шаоци — не исчадие ада, а человек[158].

Ван Гуанмэй была освобождена из тюрьмы весной 1979 г. Она

провела в заключении более 11 лет, и ее рассудок не вынес издевательств тюремщиков Мао Цзэдуна и его «штаба».

На V пленуме ЦК КПК 11-го созыва, состоявшемся 23–29 февраля 1980 г., завершилась реабилитация руководящих партийных работников, пострадавших во время «культурной революции». В резолюции, принятой 29 февраля 1980 г., постановление XII пленума ЦК КПК 8-го созыва было аннулировано как «ошибочное», Лю Шаоци назван «великим марксистом» и «пролетарским революционером» и полностью реабилитирован[159].

17 мая 1980 г. был проведен траурный митинг, посвященный его памяти, на котором выступил Дэн Сяопин, назвавший сам факт проведения этой церемонии «радостью и победой».

Несколько ранее, 19 марта 1980 г., в беседе с ответственными работниками ЦК КПК Дэн Сяопин так комментировал вопрос о Лю Шаоци: «После того как было распространено решение V пленума ЦК КПК 11-го созыва о реабилитации товарища Лю Шаоци, в умах части людей возникла путаница. Некоторые были против реабилитации товарища Лю Шаоци, считая ее противоречащей идеям Мао Цзэдуна; по мнению других, если реабилитирован товарищ Лю Шаоци, то это значит, что идеи Мао Цзэдуна были ошибочными. Оба этих взгляда неправильны». Характеризуя внутрипартийную борьбу в КПК в период «культурной революции», Дэн Сяопин заявил, что между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци не было «борьбы линий»[160].

Иначе говоря, Дэн Сяопин ввел в оборот следующую трактовку того, что произошло с Лю Шаоци: Лю Шаоци не выступал против Мао Цзэдуна и его политической линии; Мао Цзэдун же ошибся и расценил деятельность Лю Шаоци как враждебную его установкам; некоторые руководители периода «культурной революции» (имелись в виду Цзян Цин, Линь Бяо, Кан Шэн, Чэнь Бода и др.) воспользовались ошибкой Мао Цзэдуна и совершили преступные действия, погубив Лю Шаоци.

Дэн Сяопин выгораживал также Чжоу Эньлая, утверждая, что в 1968 г. тот был вынужден выступить с докладом о Лю Шаоци на XII пленуме ЦК КПК; это, по мнению Дэн Сяопина, дало Чжоу Эньлаю возможность сохранить свое положение в руководстве и помочь очень многим руководителям КПК (в частности, самому Дэн Сяопину), которые подвергались нападкам во время «культурной революции».

Именно такая трактовка этих событий бытует с тех пор в КПК.

Среди тех, кто пускается в рассуждения, не зная существа дела, распространено мнение, что в последние годы с Лю Шаоци ничего особенного не произошло и неясно, к чему вообще

говорить об этом периоде его жизни, поскольку в 1968 г. Лю Шаоци заболел и до своей смерти в 1969 г. не принимал участия в работе.

Все рассуждения о Лю Шаоци, появившиеся после смерти Мао Цзэдуна, с одной стороны, отражают личную точку зрения и личные интересы тех руководителей, которые об этом говорили, а с другой — их реакцию на настроения в стране.

После ухода из жизни Мао Цзэдуна и устранения с политической сиены его ближайших приверженцев, руками которых он осуществлял «культурную революцию» и, как ее неотъемлемую часть, чистку внутри КПК, к власти вернулись многие из тех руководителей, которые подвергались критике и нападкам в ходе «культурной революции» и которым удалось пережить ее.

Наиболее видными фигурами среди этих руководителей оказались Чэнь Юнь и Дэн Сяопин. Это были разные люди. Чэнь Юнь, чьи взгляды на внутри экономические проблемы во многих случаях не совпадали с мнением Мао Цзэдуна, был сосредоточен на экономике, предпочитая не вмешиваться в вопросы внешней политики и идеологические споры как внутри КПК, так и между КПК и коммунистическими партиями, прежде всего КПСС, других стран. Очевидно, что Чэнь Юнь полагал, что главная задача состоит в том, чтобы наладить разумное и поступательное экономическое развитие КНР, а все остальное приложится, или само собой со временем придет 8 соответствие с нормальной (или более-менее нормальной) экономической жизнью страны. При этом он считал, что внутри страны и партии необходима стабильность, нельзя устраивать «политическую охоту за ведьмами», подобную «культурной революции».

Вот чем объяснялась его позиция относительно главных действующих лиц периода «культурной революции», изложенная в приведенной формуле.

Чэнь Юнь, сообразуясь со своими представлениями о позиции и взглядах Дэн Сяопина и других руководителей, был согласен осуждать Мао Цзэдуна только за некоторые ошибки, но не за преступления, и считал, что не следует развенчивать ни культ личности Мао Цзэдуна, ни его самого как теоретика и вождя партии и государства. Чэнь Юнь лишь предлагал отнестись к Мао Цзэдуну, к его деятельности во время «культурной революции» как к повелению искреннего, но ошибавшегося человека, причем человека, заблуждения которого были использованы коварными и эгоистичными людьми из его же окружения в собственных карьеристских целях. Они-то и должны были, по мнению Чэнь Юня, нести ответственность за преступления периода

«культурной революции», в том числе и за гибель Лю Шаоци.

Главную вину за все плохое, что произошло, в частности, во время «культурной революции», Чэнь Юнь возлагал на Кан Шэна, которого он называл не человеком, а исчадием ада, и хотел бы, представив его в качестве козла отпущения, успокоить тех, кто был возмущен бесчинствами периода «культурной революции».

Что же касается Лю Шаоци, то Чэнь Юнь предлагал реабилитировать его как политического деятеля, по существу не виноватого перед партией и Мао Цзэдуном, но оболганного Кан Шэном и такими, как он, а также восстановить его политическую репутацию как «великого марксиста» и «пролетарского революционера». Чэнь Юнь был согласен на уровне определения политического курса партии сохранять такие понятия, как «пролетарская революция» и «марксизм». В то же время он был намерен на этой основе иди сохраняя эту вывеску проводить реформы по преимуществу, если не исключительно экономического характера. С точки зрения Чэнь Юня, это было в то время главным.

Дэн Сяопин был человеком с несколько иной политической позицией, другим кругом интересов. Во многих случаях его взгляды не расходились с мнением Чэнь Юня, но так было не всегда.

Во время «культурной революции» Дэн Сяопин оказался на некоторое время как бы на авансцене. Его имя было представлено в лозунгах с призывами к борьбе против главных противников «штаба» Мао Цзэдуна, в которых он упоминался как «второе», вслед за Лю Шаоци, руководящее лицо в партии, «идущее по капиталистическому пути».

Очевидно, что в какой-то момент, с точки зрения Мао Цзэдуна, это было необходимо, так как помогало вести борьбу против Лю Шаоци и его сторонников в партии. Однако Мао Цзэдун прекрасно понимал, что Лю Шаоци и Дэн Сяопин — это разные люди, каждый со своими политическими взглядами. Чтобы отразить инспирированные Мао Цзэдуном нападки, Дэн Сяопин был вынужден отмежевываться от Лю Шаоци и целиком полагаться все на того же Мао Цзэдуна.

В высказываниях Мао Цзэдуна на пленуме ЦК КПК и на совещаниях руководителей партии в то время звучали нотки, которые давали понять, что он намеревается, во-первых, отделить Дэн Сяопина от Лю Шаоци, во-вторых, сохранить его для возможного использования в дальнейшем на руководящей работе в партии и государстве. Мао Цзэдун характеризовал Дэн Сяопина как «честолюбца, совершившего ошибки», «невольно вовлеченного в черный штаб» Лю Шаоци[161].

Никогда во время «культурной революции» приверженцы Мао Цзэдуна не обращались с Дэн Сяопином так, как с Лю Шаоци. Нападки на Дэн Сяопина ограничивались словами, никакие физические методы воздействия, очевидно в соответствии с инструкциями Мао Цзэдуна, отражавшими его настроения, не применялись.

Более того, когда в 1969 г. в связи с привидевшейся Мао Цзэдуну угрозой атомного удара со стороны СССР многих руководителей вывозили из Пекина в другие провинции страны, то Лю Шаоци, фактически раздетого, без медицинской помощи, в холодное время года насильно отвезли умирать, а Дэн Сяопин вылетел из Пекина на отдельном самолете со своими родственниками и своей библиотекой, которая была перевезена из Чжуннаньхая на его новое место жительства, где в его распоряжение был предоставлен особняк и где жизнь Дэн Сяопина ни в коей мере не напоминала страдания Лю Шаоци. Дэн Сяопина просто на некоторое время отстранили от участия в руководстве партией и государством, сохранив для него нормальные условия жизни.

К Лю Шаоци Мао Цзэдун относился как к смертельному врагу, а Дэн Сяопина он «попугал» и сохранил для дальнейшего использования. Это вполне объяснимо, так как Дэн Сяопин, в отличие от Лю Шаоци, разделял взгляды Мао Цзэдуна и на проблемы идеологического порядка, и на внешнюю политику страны, особенно в отношении СССР.

Таким образом, при решении вопроса о восстановлении имени Лю Шаоци как марксиста и революционера Дэн Сяопин в первую очередь заботился о том, чтобы в полной мере поддержать авторитет Мао Цзэдуна. Введя формулу об отсутствии борьбы линий во время «культурной революции», т. е. об отсутствии принципиальных разногласий между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци, Дэн Сяопин стремился подспудно утвердить тезис о том, что и у него не было существенных противоречий с Мао Цзэдуном. Дэн Сяопин был заинтересован прежде всего в сохранении преемственности в деятельности руководства КПК в предшествующий период. Себя он видел как естественного преемника Мао Цзэдуна и его дела.

Для Дэн Сяопина реабилитация Лю Шаоци являлась своего рода вынужденной мерой, которую следовало предпринять, чтобы успокоить настроения в обществе и внутри партии. Восстанавливая имя Лю Шаоци в истории партии и государства, Дэн Сяопин, однако, отводил вопросы о том, в чем была суть позиции Лю Шаоци, что не нравилось Мао Цзэдуну в деятельности Лю Шаоци, в особенности в первой половине 60-х

годов, и к чему мог привести курс, который тогда проводил Лю Шаоци.

В сентябре 1980 г. Центральная комиссия по проверке дисциплины КПК представила доклады, на основании которых ЦК КПК решил посмертно исключить Кан Шэна и Се Фучжи из партии, отменил «траурные речи», произнесенные в связи с их смертью, заявив, что они совершили тяжкие «контрреволюционные преступления». При этом Кан Шэна, в частности, прямо обвиняли в издевательствах, которым подвергался Лю Шаоци[162].

В определенной степени это напоминало попытку как бы переписать историю или удалить из нее ставшие нежелательными страницы.

25 января 1981 г. особый суд при Верховном народном суде КНР приговорил Цзян Цин к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года и к пожизненному лишению политических прав.

Будучи позднее отпущена к дочери по болезни, Цзян Цин, страдая от рака, покончила с собой в 1991 г., через десять лет после вынесения упомянутого приговора.

Во время суда над ней Цзян Цин, защищая себя, утверждала, что она была всего-навсего «болонкой» Мао Цзэдуна, которая точно выполняла его указания и лишь «проводила и защищала пролетарскую революционную линию председателя Мао Цзэдуна». Она настаивала на виновности Лю Шаоци, а реабилитацию тысяч членов КПК в конце 70-х — начале 80-х годов, пострадавших во время «культурной революции», назвала «фактическим пересмотром правильных оргвыводов»[163]. Во время судебного процесса Цзян Цин заявила, что ее действия не могут считаться преступными, поскольку их одобряли Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, которые, в частности, утвердили курс на проведение «культурной революции». По ее словам, критику Лю Шаоци санкционировал Чжоу Эньлай[164].

17 марта 1983 г. пекинским городским судом третьей ступени на 17 лет тюремного заключения был осужден Куай Лафу, который, как уже упоминалось, будучи вожаком одной из молодежных организаций Пекина, по указанию ГКР ЦК КПК вынес на улицы лозунг: «Долой Лю Шаоци!»[165]. Этот же суд в ноябре 1983 г. приговорил к тюремному заключению на 18 лет с последующим поражением в правах бывшего заместителя заведующего сектором пропаганды политического управления воинской части НОАК Чи Цюня, который во время «культурной революции» был секретарем парткома и председателем ревкома университета Цинхуа и некоторое время формально командовал

тюремщиками Лю Шаоци[166].

Послесловие

Последние страницы биографии Лю Шаоци — это трагедия политического деятеля, который не смог, да и не мог понять, почему Мао Цзэдун, «штаб» по руководству «культурной революцией», т. е. по руководству всей политической и экономической жизнью страны во второй половине 60-х годов, представили его народу КНР, членам КПК как их «общего врага».

Трагедия Лю Шаоци — это трагедия раздвоенности. 8 нем самом боролись преданность лично Мао Цзэдуну, теории марксизма, идеям того же Мао Цзэдуна и в то же время убежденность в необходимости представлявшихся ему закономерными и отвечавшими интересам народа целого ряда шагов в сфере экономики и политики, которые способствовали выходу страны из состояния голода и разрухи, в которое КНР в годы «большого скачка» завели все руководители КПК, включая в первую очередь Мао Цзэдуна, но и самого Лю Шаоци.

Лю Шаоци никогда, даже в мыслях, не выступал против идеи коммунизма, против социализма, против коммунистической партии, против Мао Цзэдуна, напротив, всегда демонстрировал свою верность. Он не занимался политическими интригами, борьбой за власть, в том смысле, что он не собирался свергать Мао Цзэдуна как «вождя номер один» в КНР.

Однако после прихода КПК к власти в масштабах всего континентального Китая и образования КНР очень скоро в развитии прежде всего экономики страны, а затем и ее политической и социальной жизни стали возникать тупиковые ситуации. КНР неотвратимо сползала в состояние экономического и политического кризиса.

Первым обстоятельством, которое вызвало по сути дела, хотя не всегда по форме, непримиримые противоречия между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном, было различное видение каждым из них путей выхода из этого кризиса (или из подобных кризисов).

Лю Шаоци поставил на первое место необходимость разрешения экономических проблем, даже посредством методов, которые не вписывались в теоретические построения Мао Цзэдуна и привычные для КПК толкования теории марксизма. Лю Шаоци обладал достаточной смелостью, чтобы искать решение проблем, не ограничивая себя рамками, казалось бы, классических положений марксизма. Не случайно Лю Шаоци говорил: «Если в Европе был Маркс, то почему бы в Китае не быть Люрксу».

Лю Шаоци, по сути дела, на первое место ставил интересы народа, крестьянства. Страшный голод, охвативший страну в

результате неверной политики Мао Цзэдуна, руководства КПК в конце 50-х годов, привел Лю Шаоци к мыслям и действиям, в которых приоритет отдавался решению экономических и социальных проблем страны с прицелом на повышение материального благосостояния народа.

Вторым обстоятельством, которое вызвало непримиримые противоречия между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном, было видение путей выхода из сложившейся ситуации, стремление Лю Шаоци к норме, к коллективно выработанным правилам общественной жизни. Лю Шаоци был человеком порядка. Он считал необходимым соблюдать законы государства, конституцию страны, устав партии, международные договоры и обязательства. Оказалось, что это идет вразрез с тоталитарным мышлением Мао Цзэдуна, который руководствовался лишь собственными идеями и прихотями, политика которого представляла собой, так сказать, «беспредел». С точки зрения Мао Цзэдуна, можно было нарушить все ранее согласованные законы, конституцию, устав, правила, нравственные установления, если это нарушение приводило к укреплению его власти, к закреплению в стране системы тоталитаризма.

Лю Шаоци хотел добиться невозможного: он желал бы сохранить сложившуюся в КНР тоталитарную систему власти, нашедшую воплощение в деятельности Мао Цзэдуна, и соединить ее с представлявшимся ему тогда нормальным развитием китайской экономики, китайского общества. Лю Шаоци хотел бы соединить нормальное с анормальным, беззакония с нормами. Однако он делал это не путем выступления против Мао Цзэдуна и его политики, особенно его идеологии. Работа Лю Шаоци носила такой характер, что она могла постепенно оставлять от угодной Мао Цзэдуну теории и практики только их вывеску, оболочку, наполняя их по существу новым содержанием.

Деятельность Лю Шаоци показала, что при любом тоталитарном режиме возможно появление инакомыслия и альтернативной политики в самом верхнем эшелоне власти. При этом высший руководитель, вождь или диктатор на некоторое время и под воздействием определенных обстоятельств (а в КНР это были страшные последствия «большого скачка», голода, унесшего десятки миллионов жизней) бывает вынужден отойти в сторону и позволить другим людям в руководстве решать практические проблемы, т. е. осуществлять по сути дела альтернативный курс. Лю Шаоци в сфере экономики делал только то, что было возможно в условиях того времени, но это приносило реальную пользу народу страны. Конечно, возникают вопросы, которые пока остаются без ответа, а именно: может ли

тот или иной вариант альтернативного развития экономики страны привести к трансформации существующего в ней тоталитарного режима, а также каковы пределы связанного с этим процессом возможного насилия?

Во всяком случае, Лю Шаоци под давлением жизненных обстоятельств, интересов страны и народа, обладая умом и политической волей, такую попытку предпринял. Другое дело, что Мао Цзэдун прервал это развитие страны и физически уничтожил и Лю Шаоци и других его фактических сторонников, многие из которых даже и не подозревали, что их практическая работа представляет собой потенциальную угрозу Мао Цзэдуну и его положению у власти, его политической системе.

Мао Цзэдун понял, какую угрозу, причем реальную угрозу, для него представляет продолжение и развитие деятельности Лю Шаоци. Он увидел, что неосознанные симпатии и интересы общества были на стороне Лю Шаоци. Следовательно, недостаточно было тем или иным способом устранить с политической арены одного только Лю Шаоци или даже группу его сторонников или единомышленников, что Мао Цзэдун был вполне в состоянии сделать, скажем, на пленуме ЦК партии. С его точки зрения, надо было искоренить все те настроения в обществе, все процессы в развитии экономической, социальной и политической жизни, которые поощрял и которым в значительной степени содействовал Лю Шаоци.

Это можно было сделать, как полагал Мао Цзэдун, только возбудив в народе люмпенские инстинкты, всколыхнув все общество, заставив его измениться хотя бы на время, превратившись в анормальное. Маоцзэдуновская «культурная революция» и стала такой массовой кампанией, развернутой в этих целях.

Если говорить о самом Лю Шаоци как о личности, последние годы его жизни — это трагедия. Это не только страшные физические мучения, но и нравственные, духовные страдания человека, который не понимал, почему его объявляют «предателем» нации, «предателем» партии, когда у него и в мыслях не было «предавать» даже своего главного мучителя.

Весьма примечательно в этой связи то, что Мао Цзэдун, по сути дела, не говорил о своих главных разногласиях с Лю Шаоци, когда предъявлял ему обвинения. За словами о «предательстве» интересов нации и о предательстве Компартии скрывалось не только желание не говорить о деятельности Лю Шаоци в экономической и политической жизни страны, в особенности в первой половине 60-х годов, ибо эта политика в отличие от того, что делал Мао Цзэдун во второй половине 50-х годов, отвечала

интересам населения страны, но и пустота позиции Мао Цзэдуна, его некомпетентность в решении вопросов именно экономического и политического развития страны.

Стремясь обезопасить себя от осознания народом того факта, что «король-то голый», т. е. что он не в состоянии решать экономические проблемы страны и назревавшие вопросы в ее социальной и политической жизни, Мао Цзэдун и обратился к проблемам идеологическим, прежде всего внедряя в умы сограждан утверждения о том, что он защищает интересы нации, а его враги являются предателями этих интересов, а также к вопросам внешней политики, предпринимая шаги, которые доказывали его величие как лидера, сумевшего наладить отношения между КНР и США. Внутри страны жертвой в этой политической игре Мао Цзэдуна стал прежде всего Лю Шаоци как знаковая фигура, а на мировой арене жертвой оказались добрососедские отношения континентального Китая с нашей страной, которые Мао Цзэдун ради достижения своих эгоистических целей решил намеренно испортить, доведя дело даже до кровопролитных инцидентов на границе.

В последние годы своей жизни Лю Шаоци пострадал как политический деятель и как человек, который по своей внутренней, природной сущности не смог пойти на то, чтобы вместе с Мао Цзэдуном двигаться по пути усиления беззаконий и тоталитаризма.

Несмотря на все свои заблуждения и непоследовательность, Лю Шаоци все-таки останется в истории не только жертвой, но и несгибаемым борном, который безотчетно, но героически служил народу, реально отстаивая его насущные интересы.

Гибель Лю Шаоци предвещала неизбежность крушения мира Мао Цзэдуна.

Воспоминания

Существовала такая сторона в деятельности Лю Шаоци, которая особенно привлекает к себе внимание в нашей стране. Речь, конечно же, идет о том, какую политику стремился проводить Лю Шаоци в отношении Москвы, особенно в первой половине 60-х годов, т. е. накануне «культурной революции» в КНР. На этом представляется целесообразным остановиться особо, использовав и собственные наблюдения автора, которому довелось в те годы работать в Китае и видеть Лю Шаоци.

Начать, пожалуй, можно с упоминания о том, что, став председателем КНР, Лю Шаоци в первой половине 60-х годов стремился осуществлять такие внешнеполитические шаги, которые не нравились Мао Цзэдуну. Недаром во время «культурной революции» эту внешнюю политику называли чем-то вроде заигрывания и с СССР, и со странами Запада, На самом же деле Лю Шаоци пытался обеспечить мирные и благоприятные международные условия для решения внутрикитайских, особенно экономических, проблем.

При этом для нас важно прежде всего отметить, что именно в это время, в 1964 г., в Пекине начались первые за всю историю отношений СССР и КНР консультации по пограничным вопросам.

В ходе все той же «культурной революции» в дацзыбао и листовках резкой критике подвергался бывший руководитель делегации КНР на упомянутых консультациях и заместитель министра иностранных дел КНР Шэн Юнцюань за то, что он, будучи «приспешником» Лю Шаоци, действовал якобы во вред интересам КПК и КНР.

На самом же деле в процессе консультаций, проходивших весной 1964 г., удалось практически согласовать главные позиции сторон относительно принципов определения линии прохождения границы на тех ее участках, по которым мнения сторон расходились. Нельзя исключать того, что именно Лю Шаоци удалось тогда повлиять на подход китайской стороны к переговорам. С нашей стороны позицию в принципе определял Н.С.Хрущев. Благодаря разумному подходу, проявленному обеими сторонами, летом 1964 г. делегации практически договорились о прохождении всей линии границы на ее восточном участке, за исключением границы в районе г. Хабаровска. Был подготовлен к парафированию соответствующий документ. Возникла реальная перспектива в основном снять пограничную проблему в отношениях между нашими странами.

Именно в этот момент Мао Цзэдун вмешался в ход событий,

выступив со своим известным широковещательным заявлением о том, что Китай еще не предъявлял счет по реестру якобы отторгнутых у него Россией и СССР территорий, в результате чего консультации были тогда сорваны, а уже подготовленные документы остались неподписанными, и такое положение дел сохранялось до первой половины 90-х годов.

Вполне очевидно, что Лю Шаоци стремился снять главное препятствие на пути нормализации наших отношений.

Вместе с Н.С.Хрущевым Лю Шаоци предпринял тогда мудрые шаги. Во-первых, были разграничены вопросы теории и практики, иначе говоря, вопрос о характере договоров о границе оставался как бы в замороженном состоянии, и в то же время на практике стороны, в сущности, могли снять остроту пограничных вопросов, ибо, если бы подготовленные документы были претворены в жизнь, на границе осталось бы немного участков, где могли бы происходить столкновения интересов сторон; граница стала бы, по сути дела, спокойной и мирной, а оставшиеся вопросы могли бы ждать решения сколь угодно долго, будучи отложены до той поры, когда будущие поколения смогут найти решение оставшихся вопросов.

Во-вторых, Лю Шаоци и Н.С.Хрущев тем самым переводили двусторонние межгосударственные отношения в нормальное состояние; возникала перспектива отделения на практике межгосударственных отношений от межпартийных, от полемики, которую вели тогда между собой две правившие в наших странах партии — КПСС и КПК.

В-третьих, с решением в основном пограничных вопросов между нашими сторонами возникала перспектива иной расстановки сил на планете в целом. Во всяком случае, предпринимаемые Н.С.Хрущевым и Лю Шаоци усилия отвечали интересам стабильности, спокойствия и мира.

Представляется, что такой подход к проблеме двусторонних советско-китайских отношений соответствовал и общей внешнеполитической линии Лю Шаоци, который стремился налаживать отношения, решая нерешенные вопросы, прежде всего с ближайшими соседями КНР, а затем и с другими государствами. Лю Шаоци как бы смягчал остроту «классовой борьбы» на мировой арене. Здесь и проявлялось одно из важных противоречий между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном.

Далее, примечательной представляется и позиция Лю Шаоци осенью 1965 г., после снятия Н.С.Хрущева с высших руководящих постов в КПСС и в СССР. Думается, что она в немалой степени повлияла на практические действия пекинской дипломатии. Прежде всего, руководство КНР ответило согласием на

приглашение посетить Москву в дни празднования очередной годовщины Октябрьской революции 1917 г. и направило в нашу страну партийно-правительственную делегацию во главе с Чжоу Эньлаем.

Сам Лю Шаоци и другие руководители КПК-КНР пришли на прием, состоявшийся по этому случаю в советском посольстве в Пекине. Во время этого приема Лю Шаоци в беседе с советским послом С.В.Червоненко, с одной стороны, отметил, что противоречия между нами (советской и китайской сторонами) продолжают носить классовый характер, однако, с другой — подчеркнул, что в день годовщины Октябрьской революции в России Политбюро ЦК КПК в полном составе находится вместе с советскими товарищами; половина его членов во главе с Лю Шаоци — на приеме в советском посольстве в Пекине, а другая половина, во главе с Чжоу Эньлаем, — в Москве, Представляется весьма характерным, что Мао Цзэдун не был тогда ни в Москве, ни на приеме в советском посольстве в Пекине, Лю Шаоци как бы оставил его за рамками Политбюро ЦК КПК.

По сути дела, с октября-ноября 1964 г. и вплоть до развертывания «культурной революции», т. е. до мая 1966 г., в советско-китайских отношениях царила некая оттепель, что особенно чувствовалось на практическом уровне. Многие вопросы решались тогда без проволочек и задержек.

В феврале 1965 г. состоялась последняя при жизни Мао Цзэдуна встреча высших руководителей наших стран. После ухода с политической сиены Н.С.Хрущева на протяжении нескольких лет руководство, в частности, нашей внешней политикой было, так сказать, «двухгодовым». На место высшего руководителя претендовали Л.И.Брежнев и А.Н,Косыгин, А.Н.Косыгин был тогда и членом Президиума ЦК КПСС, и Председателем Совета Министров СССР. Поэтому он полагал, что вопросы внешней политики советского государства должны находиться прежде всего в его ведении. С 1965 по 1970 г. он выступал и в роли лидера, который на самом высшем уровне занимался китайскими делами. В феврале 1965 г. в Пекине и состоялась беседа А.Н.Косыгина с Мао Цзэдуном. В этой встрече принял участие Лю Шаоци.

Еще до ее начала А.Н.Косыгин сфотографировался с Мао Цзэдуном. Затем обе делегации направились в зал переговоров. Впереди шел Мао Цзэдун; двигался он медленно и как-то тяжело; к нему подскочила небольшого роста молодая женщина в военной форме и повела его, поддерживая под руку.

За Мао Цзэдуном шли А.Н.Косыгин и Лю Шаоци (не Чжоу Эньлай, хотя именно он как глава правительства КНР формально

был тогда партнером А.Н.Косыгина). По дороге А.Н.Косыгин спросил у Лю Шаоци: «Кто эта женщина?» Лю Шаоци ответил, что она «помогает ему (Мао Цзэдуну) в быту».

Во время беседы Лю Шаоци сидел непосредственно рядом с Мао Цзэдуном (хотя их кресла и не стояли вплотную одно к другому), а это позволяло понять, что Лю Шаоци являлся тогда «вторым человеком» в КПК и в КНР.

Когда в ходе беседы А.Н.Косыгин, отвечая на выпад Мао Цзэдуна, прямо сказал ему, что борьбы КПК и КНР против империализма «не видно», Мао Цзэдун по своей привычке как бы устранился от дальнейшего разговора и замолчал, продолжая курить и глядя в потолок.

Тогда в беседу вступил Лю Шаоци, который сразу же спустил разговор с теоретических высот на землю и начал показывать, что на практике и КНР помогает Вьетнаму в борьбе против американцев. При этом оказывалось, что и Москва и Пекин занимали практически одинаковые позиции, а разногласия между ними сводились только к выяснению того, кто более аккуратно и более ответственно относится к выполнению своего «интернационального долга».

Через некоторое время Мао Цзэдун вновь вступил в разговор, сказав: «Ну, вот вы и заспорили». Себя при этом он попытался оставить как бы в положении небожителя, который наблюдает за спорами людей на грешной земле.

Летом 1965 г. в Пекин прибыл новый посол СССР в КНР С.Г.Лапин, вполне очевидно, специально уполномоченный новым руководителем КПСС-СССР Л.И.Брежневым определить возможности и перспективы развития двусторонних советско-китайских отношений.

С.Г.Лапин провел серию бесед с руководителями КНР. В одной из таких бесед, кажется с министром иностранных дел КНР Чэнь И, в ответ на упреки в адрес Н,С.Хрущева С.Г.Лапин предложил больше не принимать во внимание то, что делалось во времена Н.С.Хрущева и представлялось в Пекине «враждебным» Китаю. «Мало ли что наговорил этот старый пердун», — заметил советский посол.

Тогда же состоялась беседа С.Г.Лапина с председателем Китайской Республики Лю Шаоци. В ней китайский собеседник не допускал нападок и упреков. Внимание было сосредоточено, во-первых, на мысли о том, что у двусторонних отношений есть хорошая историческая основа, так как в прошлом обе партии оказывали друг другу помощь, и, во-вторых, на поисках возможности развития двусторонних отношений.

Лю Шаоци тепло вспоминал о своем долгом путешествии

через голодную и холодную Сибирь в Москву в 20-х годах. Он также говорил, что во время пребывания в Москве в 1921–1922 гг. ему довелось видеть и слышать В.И.Ленина. Посол С.Г.Лапин передал Лю Шаоци привет от Л.И.Брежнева и добавил, что советский лидер сохраняет в памяти воспоминания о том, как ему довелось в 1960 г. сопровождать Лю Шаоци во время его поездки по СССР, в частности о беседах с Лю Шаоци на озере Байкал, Кстати, тогда важная публичная речь Лю Шаоци в СССР была напечатана в китайской прессе под заголовком: «Сплочение — это сила».

По контрасту вспоминается, что, по словам С.Г.Лапина, сказанным в разговоре со мной, Л.И.Брежнев считал Мао Цзэдуна маньяком и, очевидно, искал разумных людей среди других китайских руководителей.

Мне довелось также быть свидетелем по сути дела последнего личного общения представителя Москвы с Лю Шаоци.

Весной 1966 г. Пекин посетил президент Ганы К.Нкрума. В дни его пребывания в КНР у него на родине произошел переворот и К.Нкрума лишился поста президента Ганы. Возникла деликатная дипломатическая ситуация. Из Москвы за К.Нкрумой был прислан специальный самолет. На летном поле пекинского аэродрома бывшего лидера Ганы провожал только советский посол. Поле было абсолютно пустынным. 6 самый последний момент, когда К.Нкрума, опираясь на свою знаменитую массивную трость, собирался откланяться и подняться на борт самолета, на летное поле выехал автомобиль. Он остановился, и из машины вышли двое: Лю Шаоци и Дэн Сяопин. Лю Шаоци предстал тогда высоким человеком очень болезненного вида, худым и бледным. На нем было тонкое, явно не шикарное пальто. Проводив К.Нкруму и дожидаясь, пока самолет вырулит на взлетную полосу, оставшиеся на летном поле помахали вслед ему руками. И тут С.Г.Лапин вспомнил о чем-то важном и обратился к Лю Шаоци, сказав, что у него имеется письмо ЦК КПСС с приглашением ЦК КПК направить свою делегацию на очередной съезд Компартии Советского Союза.

Напомним, что к тому времени почти пять лет не было никаких регулярных контактов по партийной линии, более того, на страницах партийных газет шла яростная полемика, в ходе которой стороны изобличали друг друга как ревизионистов, отошедших от правильных марксистско-ленинских положений, как предателей дела пролетариата, интернационализма и т. д.

И вдруг Лю Шаоци в ответ на слова советского посла протянул руку и сказал: «Дайте мне этот документ». С.Г.Лапин смешался и стал объяснять, что он не захватил письмо с собой и

оставил его в посольстве. В дальнейшем письмо так и не удалось передать ни по каналам МИД КНР, ни через ЦК КПК. Дэн Сяопин, кстати сказать, во время этой сиены хранил полное молчание.

Важно, однако, что Лю Шаоци и тогда был настроен в пользу поддержания нормальных контактов между партиями, пусть и при продолжении полемики. В ходе «культурной революции» появились сообщения о том, что Мао Цзэдун был чрезвычайно разгневан позицией Лю Шаоци, и именно по настоянию Мао Цзэдуна Политбюро ЦК КПК отбросило мысль о возможности направления делегации ЦК КПК на съезд КПСС, состоявшийся в 1966 г.

22 июля 1966 г. Лю Шаоци выступил в Пекине на массовом митинге в поддержку борьбы вьетнамского народа против американской агрессии, за спасение отечества. В своей последней публичной речи, знаменательно посвященной «вьетнамскому вопросу», который в то время так или иначе, но объединял Москву и Пекин в их усилиях оказать помощь Вьетнаму, Лю Шаоци ни одним словом не упомянул об СССР, т. е. не критиковал действия Советского Союза. В условиях того времени, когда все политические выступления, особенно по международным вопросам, были пронизаны духом «борьбы» против «советского ревизионизма», к чему призывал Мао Цзэдун, это звучало явным и подчеркнутым диссонансом. После этого стотысячного митинга в Пекине в течение нескольких дней по всему Китаю были проведены массовые митинги в поддержку заявления председателя КНР Лю Шаоци. В его речи прозвучал призыв к борьбе против американского империализма совместно с социалистическими странами, а следовательно и с СССР, хотя в силу сложившейся ситуации Лю Шаоци не мог сказать об этом прямо. Политически мыслящие китайцы могли бы при желании найти в его словах осуждение внешнеполитической программы Мао Цзэдуна как проявления «национального шовинизма и национального эгоизма, представляющего собой измену интересам революционных народов мира»[167]. Более того, накануне XI пленума ЦК КПК 8-го созыва Лю Шаоци в последний раз воспользовался властью для того, чтобы подчеркнуть, что оказание помощи Вьетнаму и солидарность с революционными силами мира, с его точки зрения, являлись делом более важным, чем маоцзэдуновская «культурная революция». Лю Шаоци, порой маневрируя, старался соблюсти верность установкам VIII съезда КПК о линии на борьбу (при определенных обстоятельствах) вместе с СССР и другими социалистическими странами против империализма, в первую очередь американского.

12 ноября 1966 г. в КНР отмечалось столетие со дня

рождения Сунь Ятсена. Заслуги Сунь Ятсена, общепризнанного в Китае вождя антимонархической революции 1911 г., отца-ос нова теля республики в Китае, были столь велики, а имя его оставалось столь нужным Мао Цзэдуну для подкрепления своего авторитета в умах многих китайцев, особенно за рубежами КНР, что, несмотря на то что эта дата пришлась на разгар «культурной революции» и ожесточенной борьбы против «всего и всякого старья», под коим подразумевалось все, что было в истории до начала «культурной революции», Мао Цзэдуну пришлось сделать жест, свидетельствовавший, по крайней мере внешне, о сохранении авторитета Сунь Ятсена.

По этому поводу в Пекине было проведено торжественное заседание, на котором Мао Цзэдун не присутствовал — он не снизошел до этого. Главным официальным лицом в этой ситуации стал председатель КНР. Лю Шаоци. В его присутствии вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин выступила с докладом, в котором, в частности, подчеркнула, что одним из важных заветов Сунь Ятсена было пожелание «находиться в союзе с Россией».

В условиях того времени это был смелый поступок и оратора и тех, при ком это говорилось, кто самим своим присутствием солидаризировался со словами докладчика, так как главным внешнеполитическим врагом в ходе «культурной революции» Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и вообще весь «штаб» «культурной революции» считали именно нашу страну и наш народ.

По сути дела, Лю Шаоци, будучи главным официальным лицом на торжественном заседании по случаю столетия Сунь Ятсена, пребывая в зале, где произносила речь Сун Цинлин, продемонстрировал, что он продолжает разделять призыв Сунь Ятсена к «союзу с Россией» или, во всяком случае, сохраняет память о периоде добрых отношений с нашей страной.

Кстати сказать, далеко не случайно как раз Лю Шаоци оказался первым из высших руководителей КПК-КНР, кто возглавил созданное в 1950 г. Общество китайско-советской дружбы; на этом посту Лю Шаоци впоследствии сменила именно Сун Цинлин.

Лю Шаоци и Сун Цинлин были из числа тех китайских руководителей, которые всегда хорошо относились к Советскому Союзу. Конечно, они действовали прежде всего в интересах своего народа и своей страны, но одновременно выступали и за мирные добрососедские отношения с нашей страной и нашим народом, полагая, что это отвечает коренным интересам Китая и китайцев.

Вообще следует сказать, что в высшем руководстве КПК-КНР почти всегда находились люди, которые стояли за сохранение и развитие нормальных, мирных, дружественных, взаимополезных

отношений с СССР. Они противостояли тем, кто занимал иные позиции. Мао Цзэдун, Дэн Сяопин исходили прежде всего из мысли о том, что к нашей стране и нашему народу следовало относиться с подозрением, как к потенциальному или реальному врагу; они выдвигали к нам претензии, прежде всего территориального характера, стремясь воспитывать народ Китая в убеждении, что Россия (и царская и советская) якобы «виновата» перед Китаем, остается его «территориальным должником».

Мао Цзэдун дошел до того, что начал внедрять в умы китайцев идеи о допустимости войны против нашей страны, о необходимости готовиться к такой войне; более того, именно при власти Мао Цзэдуна были расстреляны в упор наши безоружные представители на переговорах по пограничным вопросам на острове Даманский в 1969 г., т. е. началась «пограничная война», как ее называл Чжоу Эньлай, против нашей страны, так сказать, «погранвойна с китайской спецификой».

Тот факт, что в Китае всегда были люди, которые в принципе выступали против такого курса (при Мао Цзэдуне это прежде всего Лю Шаоци, а также маршалы Чжу Дэ и Пэн Дэхуай, а при Дэн Сяопине — генеральные секретари ЦК КПК Ху Яобан и Чжао Цзыян), вселяет надежду на то, что период враждебности к России и ее народу в Китае остался в прошлом. И именно поэтому такие люди, как Лю Шаоци, пользуются в нашей стране искренним уважением как ее подлинные друзья.

Для того чтобы высказать все, что, как мне представляется, имеет отношение к этому вопросу, необходимо добавить и еще кое-что, связанное с тем, что происходило в конце 40-х — начале 50-х годов.

Дело в том, что с приближением победы над армией Чан Кайши и возникновением реальной перспективы встать во главе нового государства на китайском материке внутри высшего круга руководителей КПК обострились споры по вопросу о том, какой должна быть внешняя политика нового государства.

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай тогда надеялись на возможность установить в какой-либо форме отношения с Вашингтоном, перетянуть его на свою сторону, заставить его отказаться от поддержки Чан Кайши и за это предоставить американцам определенные льготы, во всяком случае внешне, и формально занять официальную позицию «равноудаленности» и от Москвы, и от Вашингтона, не вступать с Москвой в особые, например союзные, отношения.

Лю Шаоци считал, что Вашингтон не пойдет на установление отношений с КПК и созданным ею государством. Исходя из исторического опыта, он помнил о том, что в свое время ни

американцы, ни другие западники (да и японцы) так и не оказали помощи Сунь Ятсену в его борьбе за ликвидацию раздробленности Китая, за создание единого государства на китайском материке.

Мао Цзэдун предпринимал попытки прозондировать позицию Вашингтона, которые закончились неудачей. Лю Шаоци оказался прав.

Именно в результате такого развития событий не кто иной, как Лю Шаоци (а не, скажем, Чжоу Эньлай, который, казалось бы, был «ближе» к вопросам внешней политики), в 1949 г. первым из высокопоставленных лидеров КПК накануне образования КНР отправился на переговоры со Сталиным в Москву.

Мао Цзэдун же был вынужден в области внешней политики согласиться на установление особых отношений с нашей страной. В этой связи и появилась формула: «склоняться в одну сторону», что должно было означать, что КПК и КНР тесно сплачиваются с СССР и другими социалистическими странами и противостоят политике США, других стран Запада и Японии.

Необходимо отметить, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай не случайно ввели именно такую формулу. Если для внешнего мира, вероятно и для Москвы, при этом на первый план выходило решение Мао Цзэдуна вступить в союзные отношения с СССР (именно поэтому-то Сталин и довел дело до заключения договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, понимая суть происходящего в китайском руководстве, но стремясь использовать реальные возможности), то для самих китайцев (да и для тех за рубежами Китая, скажем в Вашингтоне, кто захотел бы понять долгосрочные планы Мао Цзэдуна) эта формула явно показывала, что Мао Цзэдун идет на союз с СССР под давлением обстоятельств и в связи с непониманием со стороны Вашингтона вынужден отклониться от «золотой середины», временно отказаться от своих намерений и заключить формальный союз с Москвой.

Примечательно, что главный в то время эксперт по Советскому Союзу во внешнеполитическом ведомстве в Пекине, человек, близкий к Чжоу Эньлаю, У Сюцюань в своих воспоминаниях характеризовал этот начальный этап в отношениях КНР и СССР как «период сотрудничества и борьбы». Иными словами, Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай были вынуждены тогда сотрудничать с нашей страной, однако при этом они считали необходимым вести борьбу против нее при всякой возможности.

Таким образом, практически сразу, с момента подготовки к установлению связей между СССР и КНР, с самого начала

официальных отношений между двумя государствами и, главное, между двумя политическими партиями, правившими в этих государствах, нашим искренним доброжелателем оставался Лю Шаоци, которому приходилось нелегко, прежде всего из-за позиции Мао Цзэдуна, которому активно помогал Чжоу Эньлай. Именно в таких условиях Лю Шаоци довелось работать в сфере двухсторонних отношений на протяжении всего периода его руководящей деятельности в КНР с 1949 по 1966 г.

По всей вероятности, между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном явно имелись существенные противоречия по вопросу о политике в отношении нашей страны. Позиция Лю Шаоци позволяла поддерживать нормальные межгосударственные и, возможно, даже некоторые межпартийные отношения, оставляя как бы в стороне вопросы полемики по теоретическим проблемам. Мао Цзэдун был настроен по-иному; для него СССР являлся главным противником, против которого необходимо было вести борьбу по принципу «острие против острия», т. е. смертельную борьбу как против классового противника. Этот пункт еще больше разделил Лю Шаоци и Мао Цзэдуна. Вполне вероятно, что именно позиция Лю Шаоци, его отношение к нашей стране и стали одной из тех главных причин, по которым Мао Цзэдун повел смертельную борьбу против Лю Шаоци и довел его до гибели.

Здесь попутно представляется уместным отметить, что в начале 1966 г. Лю Шаоци поставил перед Мао Цзэдуном вопрос об устранении кандидата в члены Политбюро ЦК КПК Кан Шэна с поста руководителя (де-факто) аппарата безопасности в партии, известного под названием Социальный отдел, функции которого состояли в обеспечении безопасности руководства партии и в предотвращении проникновения в ряды партии нежелательных элементов. Лю Шаоци считал необходимым пересмотреть так называемое дело о «шпионах, которые работали в пользу СССР» (в частности, имелись в виду такие известные деятели КПК, как Ли Лисань), и вглядеться в личное дело и биографию Кан Шэна[168].

Иначе говоря, к началу «культурной революции» имело место развитие двух процессов.

С одной стороны, Лю Шаоци укреплял свои позиции и, внося, в частности, предложение о смешении Кан Шэна с важного поста в партийном аппарате, предпринимал попытки ослабить позиции Мао Цзэдуна. Не случайным представляется также и то, что именно в это время имело место некоторое повышение статуса Дэн Сяопина, который в ходе повседневной работы был неразрывно связан с Лю Шаоци и начал замещать главу правительства КНР Чжоу Эньлая во время его заграничных поездок. Кстати, именно при Лю Шаоци как председателе КНР

Чжоу Эньлай перестал быть по совместительству и министром иностранных дел КНР. Вместо него министром иностранных дел стал Чэнь И. В этот же период фактическим руководителем вооруженных сил страны становится Ло Жуйиин, оттеснивший министра обороны Линь Бяо от практической работы. В 1965 г. Ло Жуйцин выступил со статьей, посвященной главным образом победам Советской Армии во второй мировой войне, и организовал по всей стране кинофестиваль советских фильмов периода Великой Отечественной войны.

В целом у Мао Цзэдуна, особенно при его подозрительности, могли быть основания для того, чтобы считать деятельность Лю Шаоци направленной на постепенное лишение его рычагов руководства и аппаратом ЦК КПК, и аппаратом политического сыска, и вооруженными силами, и правительством в целом, и внешней политикой страны, и столичной партийной организацией (где все нити власти были сосредоточены в руках первого секретаря пекинского горкома КПК мэра столицы Пэн Чжэня, с давних пор сотрудничавшего с Лю Шаоци).

С другой стороны, Мао Цзэдун активно готовил тогда свою «команду» для того, чтобы занять в ходе приближавшейся «культурной революции» руководящие высоты в аппарате партии и в правительстве страны. Не случайно Мао Цзэдун укреплял позиции Линь Бяо в качестве министра обороны, продвигал Кан Шэна и Чэнь Бода на посты руководителей соответственно службы политического сыска и сферы идеологии. Внутри партийного аппарата Мао Цзэдун вел дело к тому, чтобы заменить Лю Шаоци в качестве его руководителя Чжоу Эньлаем. В этих же целях Мао Цзэдуну понадобились и услуги его жены Цзян Цин, которая на некоторое время стала «знаменосцем» «культурной революции».

Мао Цзэдун, будучи сосредоточен на подготовке «культурной революции», имел, естественно, иные планы, нежели Лю Шаоци. Он не дал хода запросу Лю Шаоци относительно Кан Шэна, так как именно такой помощник был необходим Мао Цзэдуну в качестве организатора массовых репрессий и преследований, направленных прежде всего против «советского ревизионизма» и его «агентов» в КНР.

Представляется правомерным предположение о том, что в те годы, когда Лю Шаоци и его единомышленники имели возможность оказывать воздействие на ряд акций в сфере внешней политики, эта политика приобретала черты реализма. Имеется в виду и согласие Лю Шаоци на посредничество ряда афро-азиатских стран на китайско-индийских переговорах, и урегулирование пограничной проблемы, а также подписание

соответствующих договорных документов с Бирмой, договорную делимитацию фактически существующей границы между КНР и частью Кашмира. К этому можно присовокупить, что именно в эти годы в КНР, во-первых, вносились (кстати, это сделал Ло Жуйиин) предложения в одностороннем порядке отвести китайские пограничные войска на 20 км в глубь китайской территории вдоль западного участка совете ко-китайской границы и, во-вторых, о чем уже упоминалось, начались консультации между СССР и КНР по пограничным вопросам, в ходе которых китайская сторона совместно с советской стороной практически подготовила к парафированию протокол о прохождении линии границы на ее восточном участке.

В августе 1967 г. в центральной китайской печати утверждалось, что Лю Шаоци в области внешней политики ориентировался на установление долгосрочных мирных отношений или отношений мирного сосуществования в области межгосударственных связей со всеми странами, в первую очередь с СССР, США, Индией[169]. Мао Цзэдун, которого поддерживали Чжоу Эньлай, Кан Шэн и другие, противопоставлял этой линии свой курс.

Лю Шаоци вплоть до начала «культурной революции» по-иному оценивал положение дел в СССР, вопрос о «классовой структуре» советского общества. Он считал, что никакой «реставрации капитализма» в СССР не было и нет, что Советский Союз на самом деле выступает против империализма, что «мы (Китай. — *Ю.Г.*) должны идти на союз с ним», «искать общее при наличии разногласий», «выступать совместно против империализма»[170]. Представляется особенно важным подчеркнуть, что Лю Шаоци был за совместные с СССР и КПСС выступления против империализма, политики войны, нагнетания военной напряженности, проводившейся США и их союзниками; Мао Цзэдун навязывал в ходе «культурной революции» линию на полный отказ от борьбы вместе с СССР и социалистическим содружеством против агрессивной политики США, против угрозы войны, исходящей со стороны империализма. При этом суть вопроса заключалась в том, что Мао Цзэдун вел дело к тому, чтобы занять позицию военного противостояния в отношениях с нашей страной и на этой основе наладить связи с Вашингтоном. Линия Лю Шаоци в данном случае исключала противостояние Пекина и Москвы, особенно военное противостояние.

До «культурной революции», в частности в 50-х годах, Лю Шаоци не был одинок в своих взглядах. Близкую к нему точку зрения выражали Пэн Дэхуай и его единомышленники.

В августе 1967 г. в центральной китайской печати был

впервые открыто опубликован сокращенный текст «Постановления VIII пленума и К КПК 8-го созыва относительно антипартийной группировки во главе с Пэн Дэхуаем» (1959 г.), в котором осуждался Пэн Дэхуай; это в принципе отвечало стратегическим и тактическим интересам Мао Цзэдуна. Пэн Дэхуай, как следовало из этих и других появившихся тогда материалов, выступал за сотрудничество КНР с СССР в военной области[171]. С точки зрения Пэн Дэхуая, таким образом исключалась вероятность военного столкновения между нашими странами. Пэн Дэхуай был против политики военного противопоставления КНР Советскому Союзу, проводившейся Мао Цзэдуном.

В китайской печати подчеркивалось: исходной точкой зрения Пэн Дэхуая была не подготовка к войне, к чему призывал Мао Цзэдун, а мнение, состоявшее в том, что «войне не бывать», «война, возможно, не начнется»; техническое перевооружение НОАК и развитие новейших отраслей науки и техники он «целиком и полностью поставил в зависимость» от сотрудничества КНР с СССР[172].

В целом открытое осуждение Пэн Дэхуая именно как сторонника определенных совместных действий с СССР, особенно в военной области, да и как политического деятеля, выступавшего с критикой «большого скачка», отвечало долгосрочным планам Мао Цзэдуна.

Важно подчеркнуть, что у Лю Шаоци и Пэн Дэхуая было много общего в подходе к вопросам внутренней и внешней политики на рубеже 50-60-х годов.

Лю Шаоци, очевидно, находил также поддержку и со стороны первого заместителя министра обороны, начальника генштаба НОАК, заместителя премьера Госсовета КНР, секретаря ЦК КПК Ло Жуйцина, который в декабре 1965 г., как уже упоминалось, был смешен со всех постов.

По официальной версии ЦК КПК, разъяснявшего причины снятия Ло Жуйцина, бывший начальник генерального штаба НОАК выступал «против руководящей роли идей Мао Цзэдуна», считал нецелесообразным называть их «высочайшей вершиной марксизма-ленинизма современной эпохи», ссылаясь на то, что такая формулировка вызовет неблагоприятные для Китая последствия за рубежом[173]. Позиция Ло Жуйцина была идентична взглядам Лю Шаоци и логично вытекала из документов VIII съезда КПК, Как известно, Ло Жуйцин не разделял идеи Мао Цзэдуна о «народной войне»[174], делая упор на совершенствование профессиональной подготовки армии, выступал за модернизацию НОАК, а не за «политизацию» ее в

духе «идей Мао Цзэдуна»[175].

Память сохранила воспоминания, связанные с судьбой и гибелью Лю Шаоци.

В первые дни января 1965 г., выехав по делам из нашего посольства, где я тогда ведал культурными связями с КНР, в самом центре Пекина я вдруг увидел незабываемую картину. В предутреннем тумане, просто как бы из облаков, потому что не было видно ни домов, ни деревьев, возникли человеческие липа и фигуры множества людей.

Это была самая странная из демонстраций, которые мне довелось увидеть в Китае. Люди шли молча, почти у каждого из них в руке был шест с портретом Лю Шаоци. Удивительно было то, что не было ни одного портрета Мао Цзэдуна. Такого мне никогда не приходилось видеть. Казалось, что на лицах людей была написана надежда, они уповали на Лю Шаоци.

Я знал, что все демонстрации в то время проводились по указанию партийных организаций. Никакой отсебятины или самодеятельности тут быть не могло.

И все же. Это было необычное зрелище. Пусть и по решению партийных органов, но китайцы в главном городе своей страны впервые проводили демонстрацию, приветствуя пришествие Лю Шаоци на второй срок на пост председателя Китайской Народной Республики. Это была демонстрация в пику Мао Цзэдуну, как наказание ему за гибель и страдания людей во время «большого скачка» и при создании «народных коммун». Лю Шаоци представал как альтернатива Мао Цзэдуну. Именно его портреты несли над головами демонстранты в центре столицы КНР.

И второе воспоминание. Меня до глубины души взволновали кадры документального кинофильма, в котором была показана удивительная траурная церемония.

Из небольшой стандартной урны прах Лю Шаоци было развеян его родственниками над волнами моря. Горстка близких ему людей рыдала так, что это не могло не тронуть душу. Очевидно, они вспоминали и горькую судьбу Лю Шаоци, и свои беды, и несчастья многих и многих китайцев. Предаваясь скорби над прахом Лю Шаоци, они действительно оплакивали человека, а это большая редкость в КНР при похоронах официальных руководителей страны.

Так была выполнена последняя воля Лю Шаоци. Он стал частью великого земного океана. А в душах людей он и после смерти навсегда остался прежде всего человеком, который органически ставил человечность выше пагубной для человека политики, кто бы ее ни проводил.

notes

Примечания

1

Хунци. 1977, № 9, с. 88.

2

Об этом заявлял заведующий организационным отделом ЦК КПК Ань Шывэнь (Хунци (орган массовой организации (далее — МО) Пекинского авиационного института). 19.12.1967, №82).

3

Обзор основывается на ряде китайских и других источников: Чжунхуа жэньминь гункэго изыляо шоуцэ (КНР. Справочник). Пекин, 1966, с. 766; Шиизе чжэндан цыдянь (Политические партии мира. Словарь). Пекин, 1985, с. 43—44; Чжун гун данши шицзянь жэньу лу (Деятели и события в истории КПК). Шанхай, 1983, с. 533-534; Лю Шаоци сюаньцзи (Избранные произведения Лю Шаоци), Т. 1-2, Пекин, 1981, 1985; 40 лет КНР. М., 1989, с. 492-494; Наш друг Китай М., 1959, с. 197-196; БСЭ, 2-е изд. Т. 15. М, 1974, с. 126; БСЭ, 3-е изд. Т. 15. М., 1974, с. 128; СИЭ. Т. 8. М., 1965, с. 563; *Dittmer L.* Liu Shao-ch'i and the Chinese Cultural Revolution. The Politics of Mass Criticism. Berkeley, Los Angeles, London, 1974, с. 9 -30; *Borman H.L.* Liu Shao-ch'i — Revolutionary Leaders of Modern China. N. Y., 1971; с. 535-561; *Klein D.W., Clark A. S.* Liu Shao-ch'i. — Biografical Dictionary of Chinese Communism. Cambridge, Mass., 1971, с. 616-626; App. 2. A Biografrcal Sketch of Liu Shao-ch'i — Quotations from President Liu Shao-ch'i. New York, Tokio, с. 147; *Snow E.* Red China Today: The Other Side of the River. N.Y., 1970, с. 326-336.

4

Лиши цзай чжэли чэньсы — 1966–1976 нянь цзиши (История здесь глубоко задумывается — факты 1966–1976 гг.). Т. 1–2. Пекин, 1986, с. 19 (далее — Лиши).

5

Жэньминь жибао. 03.11.1967.

Хунци. 1967, №13, с. 11.

7

Лиши. Т. 1, с. 42.

Там же, с, 19.

9

Информационный бюллетень агентства Синьхуа (далее — ИБАС). 22.06.1968, № 2805.

10

Лиши. Т. 1, с. 42.

11

Цзинь Чуньмин, Юй Нань, Ган Чуниин, Сюй Майям, Чжао Суфэнь. Чэди фоудин иэньхуа да гэмин. Ши Цзян (Последовательно и до конца отвергнуть «великую культурную революцию». Десять лекций). Пекин, 1985, с. 133 (далее — Чэди).

12

Чжунго гунчаньдан лиши цзяньи (Лекции по истории КПК). Т. 2. Цзинань, 1963, с. 211.

13

Чжун гун дан ши яньцзю. 1988, №5, с. 9 (далее — Чжуи гун).

ИБАС. 17.07.1968, №2826; 16.08.1968, №2852.

15

Чэди, с. 133.

16

Там же, с. 134.

17

Чжун гун, с. 9–10,

18

Там же, с. 10.

19

Там же, с. 10–12.

20

Чэди, с. 134.

21

Там же.

22

В холе «культурной революции» Лю Шаоци обвиняли в том, что в 1962 г. он «полиЯл черный вихрь расширения трех рамок и олного закрепления», т. е. расширения рамок свободного рынка, приусадебных участков, мелких предприятий, несущих самостоятельную ответственность за прибыли н убытки, а также закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами» (ИБАС. 22.12.1967, № 2653).

Snow E. The Long evolution. N. Y., 1973, c, 80 (далее - *Snow*).

24

Лю Шаоци сюаньцзи. Т. 2, с. 308.

25

Лан ши яньиэю. 1987, № 6, с. 52.

Там же, с. 52–53.

27

Лю Шаоци сюаньцзи. Т. 2, с. 452.

28

Там же.

29

Там же.

30

Чжун Гун данши шицзянь жэньу лу (Деятели и события В истории КПК). Шанхай, 1983, с. 413–414.

31

Цзинь Чуныэин. Вэньхуэ да гэмин фэньси (Анализ «великой культурной революции»). Шанхай, 1987, с. 52–53.

32

Чэдн, с. 134.

33

Там же, с. 135.

34

Там же.

35

Там же.

Лиши. Т. 1, с. 42.

Snow, c. 19–20.

38

Чжун го гунчаньдан лиши иэяньи (Лекции по истории КПК). Хубэй жэньминь чу-баньшэ, 1982, с. 104 (далее — Чжунго).

39

Лиши. Т, 1, с, 332.

Там же, с. 164.

41

Там же, с. 42.

42

Там же, с. 3; Хоу Цзюнь, Чжэн Хунчжун. Лю Шаоци иэай изуйхоу ды жицзы ли — Чжунго иэай чжэли чэньсы (Лю Шаоци в последние дни — Китай в глубоком раздумье). Чэнду, 1989, с. 1–2.

43

Великая пролетарская культурная революция (Важнейшие документы). Пекин, 1970, с. 105, 107.

Лиши. Т. 2, с. 32–34.

45

Жэньминь жибао. 05.06.1966.

Лиши. Т. 1, с. 165.

Там же, с. 2.

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08.12.1980.

49

Там же.

Цзинганшань (орган МО Пекинского педагогического университета). 18.04.1967, N«13.

51

Там же.

Лиши. Т. 1, с. 180–181.

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08.12.1980.

Там же.

Лиши. Т. 1, с. 7.

Там же, с. 8.

Там же, с. 6,

58

Листовка. Пекин, ноябрь 1966 г.

59

Чжунго, с. 109.

60

Листовка. Пекин, декабрь 1966 г.; см. также: Изуго. Сянган, 1969, №66, с. 34–36.

61

Чэди, с. 136.

ИБАС. 15.11.1966, № 3212.

63

Сяньфэн (орган МО Первого министерства машиностроения КНР). 04.01.1967, № 2 (далее — Сяньфэн); Чжунсюе юньлун (орган МО средних и средних специальных заведений Шанхая). 22.04.1967, № 4–5.

Лиши. Т, 2, с. 44.

Там же, с. 45.

Там же, с. 46.

Сяньфэн.

Лиши. Т. 2, с. 47.

Там же, с. 48.

Там же. Т, 1, с. П.

71

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08.12.1980.

Лиши. Т. 1,с. 11.

Там же, с. 13.

Там же, с. 14.

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08.12.1980.

Лиши. Т. 1, с. 14.

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08,12.1980.

Гунжэнь жибао. 06.12.1980; Лиши. Т. 1, с. 14.

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08.12.1980.

Лиши. Т. 1, с. 15.

81

Хунвэй чжаньбао (орган МО Института международных отношений). 24.01.1967, №5.

Лиши. Т. 2, с. 71.

83

Лиши. Т. 1, с. 262.

84

Чэди, с. 137.

85

Цзаофань иэюнь чжаньбао (орган чу ним некой рабочей МО). 19.05.1967, № 121; Чжунсюе юньлун (орган главного штаба революционных бунтарей — рабочих города Шанхая), 22.04.1967, № 4–5 (далее — Чжунсюе).

Чжунсюе; Кэ изи чжань бао (орган МО Госкомитета по науке и технике КНР). 02.06.1967, № 154.

Лиши. Т. 1,с. 16.

Там же.

89

Там же, с. 16–17.

Там же, с. 18.

91

Там же.

92

Там же.

93

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же, с. 19.

Там же.

Там же, с. 21–22.

100

Там же, с. 22.

101

Там же, с. 23.

102

Дацзыбао. Пекин, 12.04.1967.

103

О пересмотре «дела 61 человека» было объявлено в январе 1979 г. Заместитель председателя ЦК КПК Ли Сяньнянь в этой связи подчеркнул: «„Дело“ было сфабриковано; предъявлены ложные обвинения старейшим кадровым работникам, еще до Освобождения работавшим в районах Гоминьдана. Эти работники и те, кто был связан с ними, подверглись жестоким преследованиям, подверглись гонениям ни в чем не повинные люди во всех районах Китая. От такой жестокости волосы вставали дыбом.

Подвергшись длительным пыткам и варварскому обращению, часть этих людей умерли до того, как был положен коней несправедливости». (Жэньминь жибао. 26.01.1979).

104

Дунфэн чжаньбао (орган МО города Харбина). 04.09.1967, № 15.

105

Лиши. Т. 1, с. 23.

106

Синь Ба и (орган МО Строительного института). 15.07.1967, М“ 13,

107

28 июня 1967 г. Ван Гуанмэй направила членам молодежных массовых организаций Пекинского университета Цинхуа письмо с «само анализом» своих действий. До этого, 24 июня 1967 г., Ван Гуанмэй по телефону высказала свои соображения представителям тех же молодежных организаций. Ван Гуанмэй, признавая свои ошибки в ходе первого периода (культурной революции», т. е. в те дни, когда действовали рабочие группы, вместе с тем заявляла, что Лю Шаоци «не является фигурой типа Хрущева», что (главным итогом ее работы в Таоюане являются достижения» и что Лю Шаоци «не называл кинофильм „Тайны цинского двора“ патриотическим» (Кан да (орган МО Нейтрального института национальностей). 01,08,1967, № 7).

В свое время, в первой половине 60-х годов, Ван Гуанмэй принимала участие в общекитайской кампании, выехала вместе с другими членами партии в составе группы, направленной партийной организацией, в деревню, изучала там опыт работы, представила отчет, который заслужил положительную оценку ЦК КПК и Мао Цзэдуна. Именно эту резолюцию Мао Цзэдуна и хранил Лю Шаоци как доказательство несправедливости обвинений, которые обрушивались на Ван Гуанмэй в ходе «культурной революции» в связи с ее работой в бригаде Таоюань.

108

Лиши. Т. 1, с. 24.

109

Синь Ба и. 15.07.1967, № 13.

110

Жэньминь жибао. 16.11.1980.

111

Листовка боевого полка революционных бунтарей МО «Аунфан хун» Пекинского машиностроительного института. 20.03.1967; Листовка. Пекин, май 1967.

112

Цзефан жибао. 28.08.1945.

113

Лиши. Т. 1, с. 25.

114

Там же, с. 26.

115

Там же, с. 27.

116

Там же.

117

Там же. Т. 2, с. 78.

118

Там же.

119

Там же. Т. 1, с. 28–29.

120

Там же, с. 28,

121

Там же, с. 29.

Там же, с. 30.

123

Там же, с. 30–31.

124

Там же, с. 31.

125

Там же, с. 32.

126

Там же.

127

Там же.

128

Там же, с. 39.

129

Там же, с. 1.

130

Там же, с. 40.

Там же, с. 40–43.

132

Чэди, с. 132.

133

Лиши. Т. 1, с. 41–43; Жэньминь жибао. 04.12.1980.

Жэньминь жибао. 06.12.1980; 11.05.1981.

135

Чэди, с. 137.

136

Там же.

137

Там же, с. 139.

138

Там же.

139

Там же.

140

Там же, с. 139–140.

141

Лиши. Т. 2, с. 94.

142

Чэди, с. 140.

143

Там же, с. 141.

144

Там же.

145

Там же, с. 142.

146

Листовка. Пекин, ноябрь 1968.

147

Чжу иго гунчаньдан лиши цзяньи (Лекции по истории КПК). Тяньцзинь, 1983, с. 365,

148

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08.12.1980.

149

Там же.

150

Листовка. Пекин, ноябрь 1968.

151

Гунжэнь жибао. 05, 06, 08.12.1980.

152

Лиши. Т. 1, с. 37.

153

Там же.

Там же, с. 45.

155

Там же, с. 46.

Там же, с. 54.

157

Там же, с. 50, 52.

Бэйцзин чжи чунь. 1979, № 1, с. 16–17.

159

Жэньминь жибао. 01.03.1980.

После полной реабилитации Лю Шаоци на V пленуме ЦК КПК 11-го созыва (февраль 1980 г.) в КНР были изданы (Избранные произведения Лю Шаоциа в двух томах. Появились статьи о Лю Шаоци в журналах, особенно в связи с 90-летием со дня его рождения.

Хунци. 1983, № 13, с. 2, 10.

161

Листовка. Пекин, ноябрь 1966.

162

Жэньминь жибао. 01.11.1980.

Жэньминь жибао. 26.01,1981.

Time. 1981, January 5.

165

Жэньминь жибао. 17.03,1983,

166

Бэйцзин жибао. 03.11.1983.

167

Жэньминь жибао. 23.07.1966.

168

Фан Шюйчэн, Шян Гумнун. Чжоу Эньлай чжуань люе (Краткая биография Чжоу Эньлая). Пекин, 1986, с. 158–160.

169

Хунци. 1967, № 13, с. 11.

170

Там же.

171

Жэньминь жибао. 17.08.1967.

Там же; Цзефанцзюнь бао. 16.08.1967.

173

Документ распространялся в конце 1966 г. в Пекине в виде листовки без подписи.

Листовка. Пекин, 1966.

175

Листовка. Пекин, 1966.